

Подъ новой редакціей.

КНИГА III.

КАВКАЗСКІЙ ВѢСТНИКЪ

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ
НАУЧНО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЬ.

ГОДЪ ШЕСТОЙ

№ 3.

Ноябрь.

1905 г.

ТИФЛИСЬ.

Скоропечатня М. Мартиросянца, Пушкинск., д. Кредитн. Общ.
1905.

536

Подъ новой редакціей.

КНИГА Ш.

КАВКАЗСКІЙ ВѢСТНИКЪ

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

НАУЧНО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЬ.

ГОДЪ ШЕСТОЙ

№ 3.

Ноябрь.

1905 г.

ТИФЛИСЬ.

Скоропечатня М. Мартиросянца, Пушкинск., д. Кредитн. Общ.

1905.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

I. ЗАРЯ НОВОЙ ЖИЗНИ—Р. Г—ни	1
II. МАТЕРИ, повѣсть Агароняна, переводъ съ арм. А. Кусикова	3
III. КАРТИНКИ ДЕРЕВЕНСКОЙ ЖИЗНИ—Лев. Кипіани	21
IV. ПОЖАРЪ НА НЕФТЯНОМЪ ЗАВОДЪ, разсказъ Ширванзадэ, перев. съ арм. М. М.—Каракозовой.	38
V. ОБЩЕСТВЕННОЕ МНѢНІЕ И ПАРТИИ ВЪ ГРУЗИНСКОЙ ЖИЗНИ—Ом.	48
VI. ВОПРОСЪ ОБЪ АРМЯНСКИХЪ ЦЕРКОВНЫХЪ ШКОЛАХЪ ВЪ РОССИИ—С. Тираньяна	58
VII. Н. М. БАРАТОВЪ—Х.	83
VIII. ИЗЪ МУСУЛЬМАНСКОЙ ЖИЗНИ—**	91
IX. ИЗЪ АРМЯНСКОЙ ЖИЗНИ—Г. Х.	99
X. КАВКАЗСКАЯ ХРОНИКА.—Г. Туманова.	109
XI. СТРАНИЧКА ИЗЪ ИСТОРИИ РУССКОЙ КОНСТИТУЦИИ—Z.	122
XII. ОБЪЯВЛЕНІЯ	

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА на 1905 г.

„ТИФЛИССКІЙ ЛИСТОКЪ“

XXVIII ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

Въ 1905 г. газета выходитъ, какъ и раньше, ежедневно по прежней программѣ газеты политической, общественной и литературной, но

Въ значительно увеличенномъ форматѣ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА

Съ 1-го ноября до конца года:

Съ доставкой въ Тифлисъ. 1 руб. 50 коп.
Съ пересылкой для иногороднихъ 2 руб. — коп.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

Съ доставкой въ Тифлисъ на 12 мѣс.—5 р., 11 м.—4 р. 75 к., на 10 м.—4 р. 50 к., на 9 м.—4 25 к., на 8 м.—4 р., на 7 м.—3 р. 50 к., на 6 м.—3 р., на 5 м.—2 р. 50 к., на 4 м.—2 р. 25 к., на 3 м.—1 р. 75 к., на 2 м.—1 р. 50 к., на 1 м.—75 к.,

Съ пересылкой за границу: 12 мѣс.—12 р., на 11 м.—11 р., на 10 м.—10 р., на 9 м.—9 р., на 8 м.—8 р., на 7 м.—7 р., на 6 м.—6 р., на 5 м.—5 р., на 4 м.—4 р., на 3 м.—3 р. 50 к., на 2 м.—2 р. 50 к., на 1 м.—1 р. 50 к.

ОТЪ КОНТОРЫ: подписка принимается 1 числа каждого мѣсяца, исключительно въ конторѣ изданія; Головинскій проспектъ, д. № 3.

ПЛАТА ЗА ОБЪЯВЛЕНІЯ:

для Закавказья за мѣсто, занимаемое строкой петита передъ текстомъ—10 к. и послѣ текста—5 коп. Извѣщенія о зрѣлищахъ печатаются на первой страницѣ по 20 коп. за строку и на 4—по 10 коп. За объявленія въ справочномъ отдѣлѣ взимается по 8 коп. за строку. Объявленія внѣ предѣловъ Закавказья принимаются исключительно въ центральной конторѣ торговаго дома Л. и Э. Метцль и К^о въ Москвѣ. Мясницкая, д. Ситова и въ отдѣленіяхъ его—въ С.-Петербургѣ, на Большой-Морской, № 11; въ Варшавѣ. Краковское предмѣстье, № 53 по 24 к.—передъ текстомъ и 12 коп. послѣ текста.

Контора газеты „Тифлисскій Листокъ“ открыта съ 9 до 3 час. дня и отъ 7 до 9 час. вечера.

ТЕЛЕФОНЪ конторы № 19. ТЕЛЕФОНЪ типографіи № 576.

ГОДЪ ИЗДАНІЯ XXIII

ВЪ ГОРОДЪ КАРСЪ

= ОТКРЫТІЯ ПОДПИСКА =

НА ГАЗЕТУ

„КАРСЪ“

НА 1906 ГОДЪ

У С Л О В І Я П О Д П И С К И :

еѣ доетавкою и перееылкою 3 руб. въ годъ.

Подписка принимается въ редакціи газеты „Карсъ“, въ гор. Карсъ, куда адресуютъ свои требованія и иногородные.

Газета „Карсъ“ имѣетъ ближайшею цѣлью всестороннее изученіе Карсской области и распространеніе въ обществѣ вѣрныхъ и точныхъ свѣдѣній, какъ о нынѣшнемъ ея состояніи, такъ и о мѣропріятіяхъ, направленныхъ къ ея благоустройству.

Заря новой жизни.

Уже третій номеръ возобновленнаго „Кавказскаго Вѣстника“ выходитъ при новыхъ условіяхъ политической и общественной жизни Россіи. Ставшій отнынѣ историческимъ манифестъ 17-го октября провелъ демаркаціонную линію между старымъ режимомъ застоя, произвола и стѣсненія личности и зарей новой, обновленной жизни, въ которой гражданскія права человѣка получаютъ первенствующее значеніе. Долго добивалась этого вся мыслящая и честная Россія, много невинныхъ жертвъ унесло освободительное движеніе, много было пролито крови и слезъ, но народъ побѣдилъ, и та конституція, которую онъ вырвалъ у всеильной нѣкогда, а теперь обезсилившей бюрократіи, есть плодъ его усилій и начало новой эры.

Въ этомъ освободительномъ движеніи немалую роль сыгралъ и Кавказъ, въ особенности южная его часть, Закавказье. Народности этой части Кавказа показали, что они подготовлены къ воспринятію лучшихъ формъ общезжитія, что обвиненіе ихъ въ косности, невѣжествѣ потеряли у насъ теперь всякій смыслъ, что народное самосознаніе выросло до истинныхъ своихъ предѣловъ и что возврата къ старому бытѣ не можетъ. Если это освободительное движеніе въ Закавказьи и было омрачено тяжелыми армяно-татарскими осложненіями, то, по справедливости,

ности, вина въ этомъ ложится на темные элементы общества, къ сожалѣнію, и въ особенности въ освободительную эпоху, поднимающіе свою голову. Всегда революція вызываетъ контръ-революцію, печальными героями которой являются фанатики и дикіе приверженцы стараго режима.

Противъ этой то контръ-революціи и должны направить свои силы лучшіе представители кавказскихъ народностей и проводить въ жизнь начала гражданской свободы, которая безъ сомнѣнія открываетъ въ будущемъ лучшіе горизонты и свѣтлую перспективу именно для этихъ народностей.

Въ частности, манифестъ 17-го октября ввелъ въ Россіи и давно желанную свободу печати. Вопреки увѣреніямъ разныхъ лицъ свободы этой не лишена и кавказская печать, какъ русская, такъ и туземная. Тотъ рабій, эзоповскій языкъ, которымъ принуждена была говорить кавказская печать осужденъ безвозвратно. Свобода печати дастъ возможность нашимъ органамъ печати подымать свой голосъ въ защиту права, справедливости и гуманности. И мы глубоко вѣримъ въ то, что кавказская печать будетъ на высотѣ своего призванія и покажетъ, что только свободная печать является гарантіей правды и что только она одна можетъ положить конецъ той тяжелой атмосферѣ, въ которой жилъ Кавказъ за послѣдніе злополучные годы, когда надъ нимъ виталъ злой геній.

Въ добрый часъ, за дружную совмѣстную работу всѣхъ кавказскихъ народностей!

Р. I—ни.

МАТЕРИ.

Повѣсть Агароняна.

Много зимъ прошло съ тѣхъ поръ, наступала вновь весна, прилетали по прежнему ласточки, люди видѣли ихъ и радовались,— но видѣть дорогихъ ихъ сердцу людей имъ больше не пришлось.

Египецъ.

I.

Въ маленькой сельской церкви, среди полумрака, стоялъ дымъ отъ ладана, поднимавшійся клубами кверху и заволакивавший собой крохотныя оконныя стекла. Передъ слабо мерцавшей лампадкой шепотомъ читалъ молитвы священникъ, а масса молящихся, частью распростертыхъ на отсырѣвшихъ циновкахъ, частью стоящихъ на ногахъ, съ воздѣтыми къ небу руками, шумно бормотала, отчего въ церкви стоялъ сплошной гулъ. Въ отдѣленіи для женщинъ *) на почернѣвшей колонѣ, висѣло изображение Богородицы въ заплеснѣвшей и пожелтѣвшей рамѣ.

Передъ этимъ образомъ стояла уже пожилая женщина, по имени Сусанна.

Это были двѣ матери, которыя пристально смотрѣли другъ на друга, и, казалось, силились узнать, разгадать взаимныя задушевныя мысли.

Богоматерь была тамъ, наверху, Сусанна же внизу—на землѣ. Святость, всемогущество и чудотворство окружали первую,—нищета и страданія были удѣломъ второй, этой безо-

*) Армянская церковь дѣлится обыкновенно внутри на два отдѣленія перегородкой: впереди стоятъ мужчины, а сзади женщины.

мощной старушки, пришедшей сюда излить свое горе, свои слезы.

Прижимая маленькую курчавую головку Спасителя къ своей дѣвственной груди, Богоматерь съ нѣжной улыбкой смотрѣла внизъ, на мелькавшихъ, копошившихся людей, смотрѣла съ тою же улыбкой и на Сусанну.

Къ рамкѣ образа были прилѣплены 6 желтыхъ, тонкихъ, убогихъ свѣчей. Онѣ горѣли, мигая, блѣднымъ таинственнымъ свѣтомъ озаряли кроткій ликъ Богоматери и полное бѣлоснѣжное тѣло маленькаго Христа, которое выдѣлялось на фонѣ, подобно тому, какъ на темномъ озерѣ обрисовывается среди утренняго тумана плескающійся бѣлый лебедь. Дымъ отъ ладана, извиваясь клубами молочнаго цвѣта, кольцеобразно окутывалъ божественныхъ—Мать и Сына и, казалось, старался вознести ихъ къ небу, гдѣ они могли бы передъ престоломъ всемогущаго разсказать о пережитыхъ на землѣ тревоженіяхъ, гдѣ они могли бы выплакивать свою душу.

Уже давно стояла тутъ Сусанна. Лишь услышавъ звонъ церковнаго колокола, она поплелась въ церковь, вошла въ нее, прикрѣпила дрожащими старческими пальцами восковыя свѣчи къ почернѣвшей рамѣ, приложила къ образу, осѣнила себя крестнымъ знаменіемъ, и какъ бы застыла на мѣстѣ.

Свѣчи успѣли обгорѣть до половины, а Сусанна все еще стояла на томъ же самомъ мѣстѣ и не сводила заплаканныхъ глазъ съ изображенія Богоматери. Изъ ея дрожащихъ устъ лились пламенные слова, слова скорби, мольбы, заклинаній. Слезы, подобно брызгамъ несущагося по утесамъ ручья лились обильно изъ ея глазъ, катились по морщинамъ стараго лица, образуя тонкія бороздки по всему лицу. Сусанна молилась о своемъ единственномъ сынѣ, о странствующемъ на чужбинѣ Сако, который нѣсколько дней тому назадъ, покинувъ ее, ушелъ въ далекіе безвѣстные края...

„О святая Богоматерь“, говоритъ она: „милосердная заступница скорбящихъ, страждущихъ, горюющихъ матерей, съ мольбой взываю къ тебѣ, повергая къ стопамъ твоимъ мое истерзанное, изнывшее отъ горя сердце. Взгляни Богоматерь, что дѣлается въ немъ: слезы овладѣли имъ, огонь сжигаетъ его, но слезы не въ силахъ затушить его сильное пламя. Взгляни, матерь страждущихъ, вѣдь ты умѣешь постигать и чувствовать сердечную боль, посмотри что творится въ моемъ сердцѣ—можетъ быть найдется у тебя, милосердная, какое-либо средство для него. За мои многія прегрѣшенія подъ старость Провидѣніе

огнемъ изборозило мое сердце, и эта глубокая борозда и понинѣ дымится. Ты была свидѣтельницей, святая мать, какъ безбожники изрубили въ куски моего храбраго сына. Родивъ въ мукахъ, взлѣлявъ его, вотъ этими же несчастными руками я опустила въ кровавую могилу. Что же, быть можетъ, тяжкими грѣхами я разгнѣвала Бога? А другой... другой—ушелъ... Рыдала я, взывала, лила горючія слезы, заклинала его не покидать меня, онъ все же ушелъ... Куда? Тебѣ это извѣстно лучше меня. Блуждаетъ онъ далеко, далеко въ горахъ и лощинахъ, гдѣ камень для него подушка, утесъ—постель, гдѣ съ гадами дѣлать онъ воду, а со звѣрьми жилище, а я, одинокая, безутѣшная, обездоленная, со страхомъ въ сердцѣ, съ болью въ груди, не отводя глазъ отъ дверей, и денно и ношно горько рыдаю. Милосердная, припадаю къ твоимъ стопамъ. Отъ меня онъ скрытъ, но ты его видишь, не лишай же его защиты, спаси его отъ зла, напасти, горя и крови, вѣдь ты всемогуща, и, если захочешь, грозная бѣда минуетъ его. Все сердце мое изѣдено горемъ, нѣтъ больше мѣста новымъ страданіямъ! Спаси его Богоматерь! будь заступницей передъ тѣмъ, Кого ты обнимаешь и прижимаешь къ груди съ такою любовью. Посмотри, какъ онъ льнетъ къ тебѣ, какъ внемлетъ голосу твоего сердца—Ты вѣдь мать Его. Но вѣдь и я же мать, и у меня есть сердце, грудь! Сколькихъ вскормила я своимъ молокомъ, сколькихъ держала на груди у себя!

Ихъ нѣтъ, нѣтъ ни одного! Восемь разъ у меня подъ сердцемъ шевелился ребенокъ, восемь разъ рождала я, лишь одинъ изъ нихъ уцѣлѣлъ. Стерпѣть?... Но можно-ль стерпѣть тому, кто, подобно мнѣ, съ изсохшею грудью, съ убитымъ сердцемъ, на старости лѣтъ цѣлуетъ и лижетъ могилы своихъ драгоценныхъ дѣтей!... Некого мнѣ прижать къ груди, никто не слышитъ вопля моего сердца, но вѣдь я, несчастная жалкая старуха, я все же мать! Внемли словамъ моимъ милосердная, защитница несчастныхъ и убогихъ. Клянусь передъ твоимъ священнымъ ликомъ, клянусь Спасителемъ, что буду здѣсь передъ тобой еженощно возжигать по шести свѣчей, припадать къ твоимъ стопамъ, рыдать и молить небо, дабы ты услышала меня, спасла и защитила мое единственное дѣтище. Милосердная, я не прошу для него одного всей твоей безпредѣльной сердечности. Пусть и другихъ убогихъ, несчастныхъ, взывающихъ къ тебѣ о помощи—много такихъ найдется у насъ на землѣ—пусть и ихъ коснется Твоя благодать, и среди нихъ да будетъ услышанъ мой безутѣшный вопль. Исполни взыванія великой грѣшницы, мать

милосердная, заступница бездомныхъ сиротъ и убогихъ!“

Одна за другою потухали свѣчи, лица Богоматери и Спасителя стали мало по малу расплываться и вскорѣ исчезли во тьмѣ; умолкъ голосъ священника, прекратился шопотъ молящихся; церковь опустѣла; изъ отдѣленія для женщинъ тихой поступью, гуськомъ, потянулись молящіяся, въ бѣлыхъ покровахъ *), будто видѣнія. Въ церкви осталась одна лишь Сусанна. Не сводя глазъ съ образа Богоматери, она продолжала молиться. Поднятыя къ небу руки ея, казалось, просили о состраданіи, а слезы обильно струились изъ глазъ...

— Сусанна, Сусанна,—раздался голосъ сзади.

Но Сусанна продолжала молиться, стоя на колѣняхъ и не замѣчая, что творится вокругъ.

— Сусанна, вѣдь уже позновато, служба кончилась.

Сусанна подняла голову—это былъ священникъ.

— Дорогой батюшка, я молюсь.

— Ты молишься, я вижу, Богъ да услышитъ твою мольбу, но вѣдь вечерня отошла, глянь-ка, нѣтъ въ церкви ни души.

— Отецъ родимый, ты вѣдь знаешь, что одинъ изъ сыновей моихъ погибъ во цвѣтѣ лѣтъ, остальныхъ поглотило море крови, а этотъ послѣдній ушелъ въ далекое странствованіе. Вотъ я и пришла молиться Богоматери за него.

— Благое дѣло творишь, родимая, но ужъ позднеенько теперь.

— Да, отецъ мой, я буду ходить сюда ежедневно. За что, за что я одна несу такія страданія? Сжальтесь, вѣдь я же мать! Посмотри, какъ эта мать, какъ Богоматерь обнимаетъ и прижимаетъ къ груди своего ребенка, а я... мнѣ некого обнять!...

— Такъ, такъ, Сусанна, но успокойся теперь, успѣешь завтра выплакать свое горе.

— Дорогой мой батюшка, какая то непроглядная мгла охватываетъ, омрачаетъ мой умъ. Мой сынъ—послѣдняя утѣха—покинулъ въ это тревожное время меня. Ушелъ... А я... Куда мнѣ пойти... Гдѣ склонить мнѣ голову... Богоматерь, сюда я буду ходить ежедневно. Свѣчей буду носить. По воскресеньямъ хлѣбъ буду печь, бѣднымъ стану раздавать и жертвы стану приносить. Слезы мои еще не высохли, ими, я землю смочу, вѣдь и она—наша мать, и у нея есть сердце, пойметъ она горе, пошлетъ мнѣ спасеніе! Не такъ ли, отецъ?

*) Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Арменіи женщины покрываются длинными бѣлыми покрывалами, скрывающими ихъ лица отъ постороннихъ взоровъ.

— Правда, родимая. Каждый день сюда приходи, молись неустанно. Богоматерь милосердна, заступится она за тебя. Теперь же пойдемъ, ужъ поздній часъ, свѣчи погасли.

Сусанна, казалось, лишь теперь замѣтила, что свѣчи догорѣли. Она взглянула наверхъ—въ темнотѣ не видно было изображенія. Красная туника Богоматери и голубое верхнее одѣяніе стали непримѣтны; исчезла ея скромная улыбка, а бѣлоснѣжное тѣло маленькаго Христа ужъ не виднѣлось, подобно ясному облачку среди полного мрака. Взамѣнъ всего этого, въ маленькой, грязной рамкѣ едва обозначались нѣсколько неопредѣленныхъ линий и тѣней.

Сусанна перекрестилась и, слегка качаясь, вышла изъ церкви.

Священникъ смотрѣлъ ей вслѣдъ. Когда дрожавшая тѣнь ея слилась со внѣшнимъ мракомъ, онъ глубокомысленно потрясъ головой: „бѣдняжка,—сказалъ онъ про себя,— что ее ждетъ впереди, она теперь какъ будто уже безъ ума .. Слава тебѣ Господи“.

На дворѣ стояла темь.

II.

Наступила по прежнему весна въ Сасунѣ *); поля и луга покрывались, пестрѣли цвѣтами; яблоня уже нѣсколько разъ цвѣла, распространяя кругомъ благоуханіе, воробьи вили гнѣзда въ стѣнныхъ трещинахъ и выводили птенцовъ; стада коровъ и овецъ оживляли попрежнему луга; аисты перелетали не разъ въ далекіе края и вновь возвращались. И осень опять наступала; уныло вѣтеръ повѣвалъ, лаская листья деревьевъ; цѣлыми стадами тянулись птицы, покидая пожелтѣвшія поля; журавли, подбирая зерна на пашнѣ, съ жалобнымъ крикомъ улетали въ даль... Но сына Сусанны все нѣтъ—какъ нѣтъ. А Сусанна—одна въ своей лачужкѣ. Одинока она и всѣми забыта. Утѣшителемъ ея, другомъ былъ лишь старый песъ, который, какъ и она, былъ свидѣтелемъ многихъ событій и, казалось, подобно ей, ожидалъ кого то...

Какъ только весною расцвѣтали первые бутоны яблони, Сусанна пристально смотрѣла на вѣтви и обращаясь къ распростертой у ея ногъ собакѣ говорила:

— Бозаръ, яблоня уже расцвѣла, скоро и онъ придетъ, неправда?

Бозаръ вилялъ хвостомъ, глядѣлъ съ умиленіемъ въ глаза своей госпожи, какъ бы соглашаясь съ нею.

*) Мѣстечко въ турецкой Арменіи.

Но проходила весна, проходило лѣто, опять наступали осенніе холода, оголялась отъ листьевъ яблоня, вѣтеръ качалъ ея печальную макушку,—Сусанна съ отчаяніемъ глядѣла и снова обращалась къ собакѣ:

— Бозаръ, не пришелъ, не вернулся несчастный... Весною придетъ... Не такъ ли?...

Песъ опять вилялъ хвостомъ, а старуха съ надеждой ждала новой весны, когда яблоня вновь расцвѣтетъ, когда вновь прилетятъ птицы и съ ними вернется Сако.

Ждала она Сако и постепенно приводила въ порядокъ его постель. Годами собирала она шерсть и чистила ее руками, шила постель и клала ее въ амбразуру; потомъ ей чудилось, что надо распоротъ постель, чтобы расчесать снова шерсть, и она снимала постель и снова бралась нѣсколько разъ за ту же самую работу.

Вмѣстѣ съ тѣмъ она свято чтитъ свой обѣтъ: ежедневно, по вечерамъ, она шла въ церковь, дрожащими руками ставила шесть свѣчей передъ образомъ Богоматери и съ воздѣтыми къ небу руками, долго, долго молилась. И послѣ молитвы, когда всѣ молящіеся разошлись, она обращалась къ священнику:

— Сако придетъ, не такъ ли, батюшка?

— Да, родимая, конечно, придетъ; твои обильныя слезы, молитвы...

— Уста твои внушаютъ мнѣ радость, дорогой батюшка. Говори, говори именно такъ... Когда ты говоришь, даже Богоматерь ликуетъ и надежда расцвѣтаетъ въ моемъ сердцѣ.

— Чьи же мольбы оставляются матерью безъ исполненія? Небо открыто всегда для ея заступничества.

И Сусанна, умиролюбившая, съ надеждою возвращалась домой, гдѣ ее ждалъ Бозаръ, который при видѣ ея, обвивался вокругъ ея ногъ. Сусанна была увѣрена, что сынъ ея вернется, что онъ долженъ непременно вернуться. Неужели Богоматерь можетъ обмануть ее, вѣдь она съ такою улыбкою, такъ ласково смотритъ внизъ, когда Сусанна зажигаетъ свѣчи и начинаетъ молиться! Развѣ она можетъ не внять мольбамъ матери, которая такъ много выстрадала и столько слезъ горючихъ пролила? Почему Богоматерь ей одной должна посылать въ удѣлъ страданія, да, наконецъ, развѣ трудно Богоматери исполнить желаніе ея неустанныхъ моленій. Пожелай только она, и сынъ Сусанны вернется цѣлъ и невредимъ.

Проходили мѣсяцы и годы, а Сако все еще не возвращался.

Но Сусанна не отчаявалась: Богоматерь ей улыбалась, значитъ, навѣрно, Сако возвратится.

— Четыре года улыбается мнѣ Богоматерь,—говорила она сосѣдямъ:—милосердная мнѣ общается..

Сосѣди слушали и, многозначительно качая головами, говорили:

— Несчастливая, бѣдная женщина!

Сусанна все ожидала. Она часто представляла себѣ тотъ день и минуту, когда вернется ея сынъ...

Заскрипитъ вдругъ дверь, умный Бозаръ срывается стремительно съ мѣста, но тотчасъ же стихаетъ, не видя своего хозяина.

— Бозаръ, ты вѣдь не забылъ моего Сако,—обращается къ собакѣ Сусанна.

Песъ глядитъ умными глазами, какъ бы желая сказать: „конечно я не забылъ“.

Ей дальше чудится, что собака, рѣзвясь и прыгая, вертится у ногъ хозяина и радостно лаетъ; а сама Сусанна, глядя въ то время изъ комнаты, не узнаетъ своего сына,—стара стала она, зрѣніе ослабло, да и онъ за многіе годы сильно измѣнился... Вотъ онъ подходитъ... Трясутся колѣни старухи, она пытается встать, но силы ей измѣняются. Она поднимается, падаетъ нѣсколько разъ, напрягаетъ послѣднія усилія и, въ концѣ концовъ, съ распростертыми руками падаетъ въ объятія дорогого сына.

— Ахъ, это ты, дорогой Сако!!!... Сладко мнѣ теперь умереть... Когда ты пріѣхалъ?... развѣ не жаль меня?... Богоматерь сказала мнѣ, что ты пріѣдешь и ты, правда, пришелъ; теперь я могу спокойно умереть...

Слезы льются изъ глазъ Сусанны, но слезы умиленія и радости.

По нѣскольку разъ въ день чудится ей это утѣшительное и успокоительное видѣніе...

Какъ сладко... какъ пріятно...

Клялась она нѣкогда именемъ сына, и это была самая святая для нея клятва. Но уже давно клянется она возвращеніемъ сына.

— Клянусь возвращеніемъ сына... восклицаетъ она, произнося эти три слова съ такимъ удареніемъ, съ такою любовью. Эта клятва—ея святая святыхъ, опора ея жизни...

Глядитъ она на дверь, ожидаетъ стука, который долженъ возвѣститъ ей о горячо желанномъ возвращеніи сына.

Текутъ годы за годами, расцвѣтаетъ и оголяется по прежнему яблоня, перелетныя птицы появляются и исчезаютъ,—Сако все нѣтъ. Но Сусанна продолжаетъ молиться, вѣрить и клясться.

— Клянусь возвращеніемъ сына...

Сосѣди, слыша это, качаютъ головами:

— Бѣдная, несчастная женщина!

А Богоматерь все улыбается въ церкви, свѣтлой, питающей надежду улыбкой и Сусанна вправѣ твердить:

— Клянусь возвращеніемъ сына...

III.

Была осенняя ночь, одна изъ тѣхъ осеннихъ ночей, которыя непроглядной тьмой своей вызываютъ въ человѣкѣ какое то необъяснимое подавляющее ощущеніе.

Со двора доносится шумъ мелкаго дождика: съ крышъ и со стѣнъ струится вода, съ безконечнымъ монотоннымъ постоянствомъ издавая однообразное: члипъ, члипъ, члипъ. Движеніе на улицахъ давно прекратилось, не видно ни души, да и кто въ такое время рѣшится оставаться внѣ дома?

Сусанна еще не спитъ. Она сидитъ, думая о своемъ Сако, и чудится матери, что онъ далеко, скитается по скаламъ и утесамъ, ютится въ пещерѣ или въ какой-либо расщелинѣ. А какъ холодно сейчасъ на скалахъ... Навѣрно онъ промокъ до костей: нѣтъ у него огня, чтобы обсушиться (вѣдь странники не разводять огня—это нехорошо, какъ говоритъ повѣріе). Какъ должно быть холодно Сако въ такую ночь...

— Спаси его Богоматерь,—шепчутъ уста матери. Но, быть можетъ, Сако теперь не въ горахъ, продолжаетъ думать Сусанна, онъ въ дорогѣ, онъ идетъ ко мнѣ. Правда ночь темна, но вѣдь онъ мужчина, вѣдь онъ молодецъ, рожденный въ горахъ. Пожелай вернуться—и онъ уже здѣсь.

На-дняхъ она просила цыгана ей погадать. Цыганъ сказалъ ей: „парящій надъ скалами орелъ на-дняхъ долженъ внизъ спуститься съ горъ“...

— А потомъ?

— Потомъ... цыганъ поглядѣлъ на свои ногти, задумался и пробормоталъ: „потомъ?... потомъ онъ снова воспаритъ кверху“.

— Послѣднія слова цыгана не утѣшительны,—думала Сусанна,—„парящій надъ скалами орелъ спустится внизъ съ горъ“—это хорошее предзнаменованіе. „Потомъ онъ снова воспаритъ“, хоть бы проклятый цыганъ не прибавлялъ этихъ словъ; значить,

Сако все-таки вернется, но потомъ опять уйдетъ, разъяснила себѣ Сусанна.

— Приди, прилети, спустись, дорогой орелъ, здоровъ ли, цѣлъ ли ты, дай поцѣловать тебя въ драгоценную головку, дай прижать къ груди, дай взглянуть на тебя, родимый! А потомъ иди себѣ опять съ Богомъ и да хранить тебя Богоматерь отъ всякаго зла въ горахъ и лощинахъ. Что я могу подѣлать, вѣдь ты орелъ, самъ цыганъ сказалъ, что ты орелъ, мой родимый.

Гробовое молчаніе продолжаетъ царить на дворѣ; собаки даже не лаютъ: разбрелись они по разнымъ уголкамъ и спятъ, свернувшись клубкомъ. А дождь продолжаетъ моросить и слышенъ его однообразный безконечный шумъ: члипъ, члипъ, члипъ... Злая, скверная ночь, но Сусанна все же ждетъ своего сына: вѣдь цыганъ сказалъ: „орелъ спустится внизъ, но снова воспаритъ“...

— Пусть спустится и снова улетитъ, лишь бы только мнѣ знать, здоровъ ли онъ...

— Тукъ, тукъ, тукъ...

Кто то стучится въ ворота, Бозаръ срывается и бросается по направленію раздающихся ударовъ.

Тукъ, тукъ...

Сусанна встрепелась, задрожала всѣмъ тѣломъ, но, сама не зная почему, осталась на нѣкоторое время какъ бы пригвожденной къ мѣсту, обратившись вся въ слухъ и затаивъ дыханіе. Она слышала, какъ собака съ неистовствомъ царапала дверь и какъ снаружи раздавались удары: тукъ, тукъ, тукъ.

Она рванулась съ мѣста и бросилась открывать двери. Но открыть сразу двери ей не удастся, что-то произошло съ замкомъ, да и болтъ не поддается: она поворачиваетъ, тащитъ его въ разныя стороны—напрасно. А собака продолжаетъ неистово лаять на дворѣ и раздается по прежнему: тукъ, тукъ, тукъ...

Наконецъ ей удастся открыть дверь лачужки и выйти на дворъ. Дождь мочитъ ее, но она, задыхаясь, дрожа отъ холода, шлепая по грязи, бѣжитъ къ воротамъ. Старческія ноги ея путаются въ одеждѣ отъ поспѣшности, и она падаетъ лицомъ въ грязь. Она промокла совсѣмъ, но ей все равно. Поднявшись на ноги, она стремительно бросается къ воротамъ. Вотъ и ворота.

— Молчи, угомонись, Бозаръ, это онъ, это онъ, да замолчи же, дай открыть ворота.—Ворота не поддаются. Руки ея дрожатъ, сердце сильно бьется... Наконецъ ворота со скрипомъ отворились, передъ ней въ темнотѣ вырисовывается темный, едва замѣтный силуэтъ человѣка.

— Кто тамъ?... кто ты?...

— Я... Божій человѣкъ... несчастный, никому не причиняющій зла... трясуся отъ холода, промокъ до костей... я дальній странникъ.. запоздалъ я, попалъ подъ дождь, ночь застигла меня въ горахъ... Глянь ка, я весь дрожу... Молю, дай мнѣ уголокъ, гдѣ бы я могъ обогрѣться... Во имя Богоматери...

— Во имя Богоматери,—повторила безсознательно Сусанна, смолкла, отъ отчаянія въ гнѣвѣ закусила губы и пробормотала:

— Не онъ, не онъ... Безжалостный человѣкъ!

— Злая ночь на дворѣ,—продолжалъ незнакомецъ, кто дастъ мнѣ несчастному пріютъ?... стучался ко многимъ я въ дверь, никто не открываетъ: боятся. Вѣдь я не опасный человѣкъ, а все же не пускаютъ. Я вѣдь тоже Божіе твореніе!...

— Божіе твореніе... да, сыны Адама—Божія созданія... заговорила Сусанна, думая совсѣмъ о другомъ. Едва у нея не сорвалось: „безжалостный, безбожный человѣкъ, ты несчастенъ, но не безвреденъ, сколько мукъ причинилъ ты мнѣ: сердце мое не етъ, колѣни дрожать, я слабѣю, умираю Кого я ждала и кто пришелъ? Тебѣ холодно—пусть будетъ холодно, ты промокъ—а мнѣ то что! такъ тебѣ и надо! Зачѣмъ ты меня измучилъ. Тамъ, въ горахъ у меня есть другой, онъ лучше тебя: не поступится онъ въ дверь такъ поздно, будь хоть озябшій и промокшій“.

Сусанна думала сказать все это громко, съ воплемъ хотѣла прихлопнуть дверь передъ путникомъ, пусть себѣ онъ трясетя на улицѣ, но не рѣшилась. Мысли ея остались не высказанными, уста умолкли и, молча, нѣкоторое время стояла она.

— Я мать скитальца, и ты скиталецъ, такъ войди,—сказала она наконецъ.

— Пусть спасетъ Богоматерь твоего скитальца.

— Да, Спаси Богоматерь скитальца! Молчи, Бозаръ, не злись, онъ тоже Божіе созданіе. Милосердная, спаси всѣхъ страждущихъ, убогихъ, помоги и ему,—шепчетъ старуха, медленно пробираясь по грязи.

Незнакомецъ слѣдовалъ за нею.

Она вошла въ лачужку, гдѣ мерцалъ огонекъ. Старуха взглянула на незнакомца: это былъ человѣкъ преклоннаго возраста, съ бѣлыми волосами и такой же бородой. Неприглядная одежда его насквозь была промочена дождемъ и вода струилась по лохмотьямъ. Все тѣло его дрожало отъ холода. Черезъ одно плечо висѣлъ у него мѣшокъ, набитый до половины хлѣбомъ,

черезъ другое—болталось что то длинное. Сусанна смотрѣла на него со вниманіемъ.

— Ты народный пѣвецъ, спросила она?

— Нѣтъ, дорогая, я не пѣвецъ, а „гзараръ“ *). Я кочую изъ деревни въ деревню, изъ дома въ домъ, сбиваю шерсть и вату, у кого попадется; это тоже своего рода музыка. Посмотри, я ударю по этой струнѣ, сказалъ незнакомецъ, указывая на свой инструментъ: она плачетъ подъ моими ударами, съ плачемъ сбиваетъ шерсть, и цѣною этого плача, я влачу свое существованіе. Что дѣлать, матушка, мои дорогія дѣти обогрили своей святою кровью этотъ проклятый міръ, остался я одинокъ на склонѣ лѣтъ, слоняясь по угламъ. Никому не нуженъ я, дорогая, я—лишнее бремя, но Богъ не беретъ мою душу.

— Молчи, молчи, несчастный, не гнѣви Бога. Среди созданныхъ имъ твореній нѣтъ негодныхъ существъ. Разъ послалъ тебя Онъ на свѣтъ, молча ты долженъ переносить свою судьбу! Сними же свой мѣшокъ, поставь въ сторонку свои инструменты, подойди къ очагу, согрѣйся и высуши платье. Для несчастнаго всегда найдется какое-либо спасеніе, клянусь Богоматерью. Да пошлетъ она всѣмъ бѣднымъ скитальцамъ и среди нихъ моему горному орлу... Когда же онъ вернется?—слова эти она выговорила про себя.

— Пошли Богъ тебѣ всякаго блага, матушка, пусть исполнятся всѣ твои желанія, да не оскудѣетъ хлѣбъ въ твоемъ домѣ и не погаснетъ очагъ.

Незнакомецъ снялъ свой мѣшокъ и инструменты, приблизился къ очагу **), сѣлъ на корточки и умолкъ.

На дворѣ все еще шелъ дождь и вода капала съ однообразнымъ безконечнымъ шумомъ. Было темно и холодно. Сусанна долго не могла заснуть, все думая о томъ, кто въ такую злую ночь дрожитъ и трясетя отъ холода среди скалъ и утесовъ.

— Спаси его Богоматерь, шепчетъ она и сердце ея сжимается отъ боли.

*) „Гзараромъ“—называется у армянъ шерстобой, занимающійся чисткой шерсти посредствомъ особаго инструмента имѣющаго форму арфы, съ натянутой струной, по которой бьютъ деревяннымъ молоткомъ. Струна, соприкасаясь съ шерстью, отъ сотрясенія сбиваетъ ее и очищаетъ отъ пыли.

**) Въ деревенскихъ домахъ армянскихъ крестьянъ очагъ представляетъ углубленіе посреди комнаты съ глиняными стѣнками. Этотъ очагъ служитъ печью какъ для приготовления кушанія, такъ и преимущественно для печенія хлѣба.

IV.

Разсвѣло. Дождь прекратился, наступилъ холодный, но ясный осенній день. Люди повывѣзли изъ жилищъ. Гость Сусанны также собирался покинуть вечернее убѣжище. Онъ вяло поднялъ свой мѣшокъ, повѣсилъ черезъ плечо, взялъ инструменты и обратился къ Сусаннѣ со словами:

— Прощай, матушка, благослови Господь твой домъ.

— Ты уходишь?

— Да, иду я, негодный старикъ, слоняться по бѣлому свѣту. Буду блуждать по странамъ далекимъ, изъ села въ село, пока мѣсть не издохну, пока не сложу изношенныхъ костей своихъ.

Такъ говорилъ незнакомецъ, а старуха тѣмъ временемъ думала: „не видѣлъ ли онъ его, моего горнаго орла“.

— Слушай, ты много мѣсть исходилъ?

— Много, очень много.

— Былъ на скалахъ и въ долинахъ?

— Бродилъ и по скаламъ и по долинамъ.

Старуха, свѣсивъ голову, смолкла.

— Зачѣмъ ты спрашиваешь объ этомъ, родная?

— Ахъ, такъ себѣ, я вижу ты совсѣмъ изнуренъ.

— Да, родимая, мученія—мои братья, я съ ними вмѣстѣ родился и мы не разлучны.

— Мученія—твои братья. Эхъ, бѣдняга, и у меня есть подобная тебѣ сестра. Она задумалась и, казалось, хотѣла о чемъ то спросить, но боялась отвѣта. Незнакомецъ, вѣроятно, замѣтилъ это и ждалъ.

— Слушай, ты видѣлъ въ горахъ орла? спросила Сусанна. Этотъ незнакомецъ, чудилось ей, долженъ знать, что орелъ это онъ, ея сынъ, Сако.

Наступило молчаніе, они смотрѣли пристально другъ на друга. Незнакомецъ никакъ не могъ понять ея страннаго вопроса. Сусанна чувствовала это и какъ бы въ оправданіе продолжала:

— Цыганъ сказалъ: „горный орелъ спустится внизъ, но потомъ снова воспаритъ“. Я жду, но онъ не спускается, почему же такъ?

Незнакомецъ глядѣлъ еще съ большимъ любопытствомъ: сказанное было болѣе чѣмъ странно.

—Ничего не понимаю, голубушка,—сказалъ, наконецъ, онъ,—я не видѣлъ орла. А много страданій перенесъ я, бѣдный гзрарь... Подъ твоимъ кровомъ вкусилъ я хлѣбъ—соль, есть ли у тебя

шерсть, дай я ее очищу, а не то мнѣ пора въ путь дорогу.

Глаза старухи заблестѣли. Счастливая мысль пришла ей въ голову: постель сына... и какъ она могла забыть объ этомъ?

— Шерсть? есть у меня шерсть, хорошо что ты напомнилъ. Ты шерсть разрыхляешь, для того, чтобы она мягче была, не такъ ли? Шерсть отъ разрыхленія мягче будетъ... значить и постель лучше. Я сама руками перебрала шерсть, но этого мало.

Съ этими словами она достала изъ амбразуры постель сына, распорола ее и выложила шерсть передъ „гзраромъ“.

— На, сбей эту шерсть, крѣпче ударяй по струнѣ—шерсть станетъ мягче.

Незнакомецъ снялъ съ плечъ свои инструменты, положивъ въ сторонку мѣшокъ съ хлѣбомъ. Ставъ на колѣни, онъ сталъ бить молоткомъ по толстой струнѣ инструмента. Шерсть сбибалась, поднимаясь клубами, подобно облаку, а струна, казалось, ныла и рыдала подъ его ударами.

— Плачь, плачь, товарищъ, бормоталъ онъ: въ мукахъ рождаемся мы, плачемъ питаемся и въ крови умираемъ; плачь, рыдай, мой бѣдный товарищъ: кто не рыдаетъ на этомъ свѣтѣ? Стонуть даже камни и скалы.

А струна дрожала, шерсть все разрыхлялась, поднимаясь горой.

Сусанна, молча, въ восхищеніи глядѣла. Работа продолжалась. Вдругъ „гзрарь“ запѣлъ и, казалось, вмѣстѣ стали рыдать струна и его заунывная пѣсня:

Упалъ онъ на скалы сраженный,
Съ разбитою грудью, съ сердцемъ пронзеннымъ
пулей врага.

Съ голой макушки скалистаго утеса спустился чер-
ный орелъ,

Распусти крылья могучія свои, скрой подъ ихъ
тѣнью молодца.

Изъ пронзеннаго сердца по каплямъ струится
темная кровь,

Съ нею вмѣстѣ изсякаетъ въ груди жизнь
молодца.

Съ голой макушки скалистаго утеса спустился
черный орелъ,

Распусти крылья могучія свои и скрой подъ ихъ
тѣнью молодца.

Сусанна слушала эту пѣсню въ началѣ со вниманіемъ, но, мало по малу, ужасъ сталъ овладѣвать ею.

— Ты что это поешь, незнакомецъ?

Незнакомецъ поднялъ голову, прекратилъ работу, наблюдая съ удивленіемъ волненіе этой женщины и не находя словъ, чтобы ей отвѣтить.

— Замолчи, безжалостный, продолжала Сусанна, оставь пѣсню о черномъ орлѣ, не хочу я черного, не то мнѣ цыгаиъ сказалъ, встань скорѣе и иди отсюда, Богъ тебѣ въ помощь... пой о черномъ орлѣ, гдѣ хочешь, у другихъ, я боюсь тебя, боюсь твоей пѣсни. Я дрожу, слыша твои грозныя слова, умолкни, молю тебя, пусть черный орелъ останется на вершинѣ утеса... Молодецъ?... Окровавленный!... Богоматерь, святая Богоматерь, я боюсь этого несчастнаго знакомаго, что же ты скажешь? Ступай, ступай...

Незнакомецъ съ недоумѣніемъ глядѣлъ на старуху.

— За что, родимая, въ чемъ я провинился? Ты же просила разрыхлить твою шерсть! Что я дурного сказалъ? Я бормоталъ у себя подъ носомъ.

Сусанна не хотѣла и слушать.

— Слушай уйди, уйди, ради Бога, ты недобрый вѣстникъ. Уста твои смерть изрекають, уйди!...

На этотъ разъ незнакомецъ собралъ инструментъ, взялъ мѣшокъ, перекинулъ черезъ плечо и рѣшительной поступью вышелъ изъ лачужки.

Онъ былъ уже во дворѣ и готовился открыть ворота, чтобы выйти на улицу, какъ вдругъ Сусанна нагоняетъ его и вся дрожа, съ перекосившимися глазами и подавленнымъ дыханіемъ, зоветъ:

— Постой, постой, не могу я, не могу стерпѣть. Скажи, зачинаю тебя, скажи мнѣ, кто это раненый, лежавшій на груди утеса?

— Боже мой, вѣдь это старая исторія, давнишнее дѣло. Кто не знаетъ этой старой пѣсни! Кто ее не поетъ!

— Старая пѣсня? Сусанна повидимому нѣсколько успокоилась. Дѣло давнишнее?..

— Старая, родимая, ужъ нѣсколько лѣтъ поють ее повсюду.

— Кто, кто же этотъ раненый молодецъ?

— Ты не знаешь? Весь міръ знаетъ про исторію Горайской скалы...

— Кто же этотъ молодецъ, слышишь, безсердечный?...

— Развѣ и это тебѣ неизвѣстно? Сако...

— Сако? Ахъ, безбожный, проклятіе надъ тобой! Что ты сказалъ? Будь проклята дорога, по которой ты шелъ, будь проклято твое рожденіе... Неправда, неправда, Богоматерь, молитвы и свѣчки мои... врешь ты, злой діаволь... вонъ, вонъ, вонъ отсюда! Нѣтъ, постой, погоди, молю тебя... Это неправда, ты вѣдь въ шутку сказалъ... Молчишь, молчишь безсердечный... вонъ, вонъ отсюда... погибни ты... Такъ ты пришелъ мучить меня! Діаволы пусть душу твою истерзають!... Ты лжешь! вонъ...

Незнакомецъ, полагая, что старуха съума сошла, какъ ошеломленный, безъ оглядки выбѣжалъ на улицу, а Сусанна продолжала все вопить и заклинать небо. Когда на ея крикъ сбѣжались отовсюду сосѣди, Сусанна все еще бѣгала по двору, какъ помѣшанная.

Сжимая изсохшія груди, она зывала къ небу:

— Взгляни всемогущій Богъ, взгляни на эти изсохшіе источники, сколькихъ молодыхъ я вскормила ими, сколькимъ я жизнь дала, сколькихъ взлелеяла! Нѣтъ, нѣтъ теперь ни одного! Одинъ лишь Сако, этотъ горный орелъ, но и онъ... что сказалъ негодяй? Правда?... ты не видѣлъ?... Сако... Мрачный утесъ, черный орелъ... Такъ ли? Но что ты сказалъ, я вѣдь мать, нѣтъ... я была матерью, теперь я не мать!.. Восемь разъ мучилась я въ родахъ, тысячи страданій вытерпѣла... Ахъ...

Съ этими словами она, какъ сраженная, упала у яблони. Сѣдая голова ея свѣсилась на грудь, слезы ручьями лились, а сверху падали на ея голову пожелтѣвшіе листья...

Голая, трепещущія вѣтви, убаюкивались холоднымъ осеннимъ вѣтромъ.

V.

Сусанна больна, Сусанна умираетъ...

— Старая исторія, старая,—говорилъ сидѣвшій у ея изголовья, бѣлый какъ лунь, священникъ, который пришелъ, чтобы утѣшить въ послѣдній разъ больную и причастить ее.

— Старая исторія? повторила умирающая. Богоматерь, знала ее, дорогой батюшка?

— Весь свѣтъ зналъ, родимая—ты одна не знала.

— И ты зналъ?

— Эхъ, что за польза была бы тебѣ сообщать объ этомъ? Страданія твои отъ этого не облегчились бы. Сколько матерей рыдало, сколько сердецъ было истерзано, кто только не горевалъ!... Эхъ, что дѣлать, такова наша судьба...

— Наша судьба... Страдать, изнывать, горькія слезы проли-

вать... Неужели таковъ удѣлъ нашей жизни? Отчего ты раньше не сказалъ, что въ этомъ наша судьба! Сколько лѣтъ я обивала пороги церкви, мозолила пальцы, зажигая свѣчи! Богоматерь все улыбалась и улыбалась и только теперь ты говоришь, что такова наша горькая доля.

— Что было мнѣ дѣлать? Молилась ты—какой же вредъ отъ этого?—молитва святое дѣло. Вѣрила ты—вѣра услаждаетъ жизнь. Могъ ли я стать на дорогѣ, между тобою и Богомъ? Видно такова была воля Его, чтобы ты не узнала объ этомъ...

— Богоматерь меня обманула! Вѣдь могла она мнѣ явиться во снѣ и сказать: „въ черное облачись, Сусанна, закатилось солнышко твое“, но этого она не сказала... Она обманула; улыбалась... и обманула...

— О не говори такъ, послушай меня, всѣ мы смертны, а тамъ насъ ждетъ загробная жизнь. Надо итоги жизни уже подводить. Ты тоже стара, причастись, родная, скажи: Господи помилуй.

Старуха закачала головой, въ знакъ отказа, въ знакъ своего несогласія.

— Нѣтъ, нѣтъ, Богоматерь обманула. Нѣтъ, довольно, отказываюсь я отнынѣ отъ церкви... обѣдни... Богоматери и неба... Пусть отнынѣ стану я добычей огненныхъ мученій и терзаній ада!

— Не говори, дитя, не говори такъ, не грѣши противъ Бога.

— Нѣтъ души у меня, душа моя въ прахъ превратилась отъ пламени мученій и горя.

Не разъ повторялъ священникъ, что надо причаститься, не разъ подносилъ святые дары къ ея губамъ,—Сусанна все отвергала. Она не могла примириться съ небомъ.

Много мѣсяцевъ уже миновало, какъ она не была въ церкви. Однажды, спустя нѣкоторое время послѣ роковой вѣсти, она пошла въ церковь. Стала Сусанна передъ изображеніемъ Богоматери, не возжигая свѣчей и не творя молитвы, и вдругъ завопила во весь голосъ:

— Ты меня обманула, Богоматерь!...

Молящіеся оглянулись. Всѣ думали, что она помѣшана. Сусанна, не замѣчая ничего вокругъ, вышла изъ церкви, поплелась домой и заперлась одна одинешенька въ своей лачужкѣ.

На Пасху къ ней приходилъ священникъ, чтобы домъ освятить и утѣшить ее,—отвергла она утѣшеніе. И теперь—больная, пригвожденная къ постели, она умираетъ, отказываясь отъ святого причастія.

Сосѣди ужасаются передъ этимъ безбожіемъ, увѣщываютъ, просятъ, молятъ ее—напрасно. Сусанна непоколебима. Уста ея плотно закрыты, выраженіе лица рѣшительное.

— Нѣтъ, не хочу, нарочно не хочу. Я желаю, чтобы душа моя стала жертвою ада! Стану я передъ трономъ Бога, жаловаться буду на Богоматерь, расскажу о многихъ, многихъ страданіяхъ и мученіяхъ. Высохшія груди свои покажу, говоря: страдали, вопили, умирали мы внизу, вопли наши до небесъ доходили, но ты намъ не внялъ! Что же теперь, ну, возьмите меня въ крошечный адъ, бросьте въ огонь! Что мнѣ можетъ огонь причинить? Я вѣдь и сама пламя страданій! Бросьте меня въ огненную геену, я буду пылать, горѣть и ждать... Придутъ туда, подобныя мнѣ, несчастныя, превратившіяся въ пламень страданій, матери, и запылаемъ мы всѣ краснымъ заревомъ, подобно тому, какъ пылаетъ внизу, несчастная убогая, чернѣющая деревушка. Пусть, подобно этому, запылаетъ и само небо, пусть оно испепелится!... Возьмите, возьмите меня, бросьте меня въ пылающій адъ, я сама пламень, я сама пламень!... Вотъ, вотъ что я скажу.

— Слушай, умоляю тебя.—сказалъ съ дрожью въ голосѣ священникъ,—умоляю вотъ этими сѣдинами, не говори такъ, не гнѣви Бога, вѣдь и я отвѣтствененъ за тебя передъ Нимъ.

— Отвѣтствененъ? Такъ и ты долженъ подтвердить, что Богоматерь обманула меня. Она—мать, у нея сердце должно было быть, но она обманула... Сама она счастлива—прижимаетъ къ груди своей младенца, но другихъ... обманула...

— Богоматерь?

— Да, Богоматерь.

— Посмотри сюда, сказалъ священникъ, указывая на евангеліе съ распятіемъ на обложкѣ, которое онъ держалъ въ рукахъ: вотъ она, Богоматерь, у ногъ распятаго Христа, съ шемящею болью въ сердцѣ. Узнаешь?—продолжалъ священникъ, указывая на изображеніе,—это—тоже Богоматерь.

Старуха смотрѣла съ удивленіемъ.

— Смотри, пристально смотри, ты видѣла только счастливую Богоматерь, посмотри теперь на эту убитую горемъ, несчастную мать!

Старуха тревожно подвинулась впередъ, дрожащими руками коснулась евангелія и приблизила его къ себѣ.

— Ты видишь, какъ страдаетъ она, вѣдь этотъ распятый на верху—ея Сынъ.

— Да, это распять ея Сынъ.

— Онъ умираетъ, искупая грѣхи всего міра, всѣхъ насъ смертныхъ.

— Онъ умираетъ за всѣхъ насъ... а мой Сако?

— Сако, родимая, тоже—за грѣшный, безжалостный міръ... Такъ всегда бываетъ: матери въ мукахъ рождаютъ, въ мученіяхъ вскармливаютъ дѣтей, а всепоглощающій міръ ихъ истребляетъ... Ничего не подѣлаешь!

— Матери въ мукахъ рождаютъ... въ мученіяхъ вскармливаютъ дѣтей, а міръ ихъ уноситъ; да, правда, безпощадный міръ ихъ поглощаетъ!

— И Сако удалился туда, куда пошли многіе до него и гдѣ многіе исчезнуть вслѣдъ за нимъ...

— Сако ушелъ... батюшка, скажи мнѣ, вѣдь и онъ туда ушелъ, куда удалился Распятый на крестѣ?

— Да, дитя, тою же дорогой, для спасенія міра...

— Господи, помилуй меня, прости меня великую грѣшницу...

Голосъ старухи дрожалъ, слезы лились ручьями. Изъ устъ ея, прильнувшихъ къ святому евангелію, едва раздавалось:

— Несчастныя, несчастныя матери...

Перев. А. Кусиковъ.

Картинки деревенской жизни.

Трудно представить себѣ что-нибудь безпомощнѣе карталинскаго помѣщика. Застигнутый врасплохъ настоящимъ освободительнымъ движеніемъ, совершенно къ нему неподготовленный, лишенный дѣльныхъ и честныхъ руководителей, могущихъ познакомить его съ исторіей, литературой и сущностью освободительныхъ движеній вообще, съ постановкой и разрѣшеніемъ аграрныхъ вопросовъ на западѣ и вообще въ странахъ, не затронутыхъ глубокимъ процессомъ туберкулеза общестственности, средній и мелкій карталинскій помѣщикъ стоитъ передъ этимъ медленно, но мощно надвигающимся на него „историческимъ глетчеромъ“ растерянный, смущенный, испуганный и безпомощный, какъ несчастные помѣщики изъ чеховскаго „Вишневаго сада“. И тутъ, какъ у Чехова, сквозь какую-то жизненную оторопь и неумѣніе разобраться въ самыхъ несложныхъ вопросахъ жизни, все время трепещутъ и бьются какія-то наивныя, какія-то несбыточныя надежды.

— Вотъ пріѣдетъ комиссія и все разберетъ и все устроитъ въ нашу пользу!

Или совершенно такъ же, какъ у Чехова:

— Пріѣдетъ генераль и поможетъ!

И наличность подобных надежд является логическимъ послѣдствіемъ развращающей и растлѣвающей системы мелкихъ правительственныхъ подачекъ представителямъ „передового“ сословія, подачекъ, совершенно убившихъ въ этомъ сословіи зачатки самодѣятельности.

Да и къ чему думать объ устройствѣ своей жизни, когда для этого существуютъ специально оборудованныя депутатскія собранія съ предводителями дворянства, специальныя комиссіи и спеціальныя штаты генераловъ?

И, понятно, подъ протекторатомъ и этихъ комиссій и этихъ генераловъ, жизнь не могла не гложуть, не хирѣть, не обростать мхомъ и лишаями заустѣнія и одичанія.

Когда въ воздухѣ проносилось какое-нибудь свѣжее вѣяніе, оно не находило въ большинствѣ случаевъ отклика въ карталинской помѣщицкѣй средѣ, не вызывало въ ней броженія умовъ и, какъ „тучка небесная, вѣтромъ гонимая“, свѣжее вѣяніе проходило стороною и уносилось куда-нибудь вдаль, къ западу, къ берегамъ Понта Эвксинскаго, и находило для себя благопріятную почву въ живыхъ и воспримчивыхъ натурахъ имеретинъ, гурійцевъ, мингрельцевъ, абхазцевъ.

Когда Гурія стала во главѣ настоящаго освободительнаго движенія на Кавказѣ и своимъ глубоко сознательнымъ отношеніемъ къ формамъ новой жизни обратила на себя всеобщее вниманіе, дворянская Карталинія, бездѣятельная, инертная и примкнувшая къ вооруженной арміи горійскихъ недорослей, очутилась, естественно въ самомъ хвостѣ движенія.

И въ то время, когда,—по выраженію проф. Марра,— на Кавказѣ развертываются страницы *новой книги жизни*, карталинскій помѣщикъ никакъ не можетъ все рѣшить-

ся перейти отъ потускнѣвшихъ и выцвѣтшихъ страницъ своего бытія къ свѣтлымъ и увлекательнымъ страницамъ этой новой книги жизни.

И въ то время, когда западные сосѣди его смѣло ринулись въ бурныя и кипучія волны житейскаго моря и успѣли уже со дна его достать *жемчужину смысла* и облечь ею новыя формы своего общежитія, карталинецъ боязливо держится все время береговъ, мелей и безопасныхъ бухтъ, довольствуясь ничего не стоящими шаблонами, трафаретами и ракушками жизни, которыя выбрасываетъ ему житейское море вмѣстѣ со всякимъ житейскимъ хламомъ.

I.

„!Хоть одну коду!“

Вчера выпекли послѣднюю горсть хлѣба въ семьѣ Коте Дардіанидзе.

Хлѣбъ вышелъ неудачный—сырой какой-то, съ попадающимися на зубы крупинками земли и мусора, съ какимъ то затхлымъ привкусомъ.

И формой своею чуреки напоминаютъ скорѣе какіе то глиняные комья, чѣмъ хлѣбъ, испеченный для нуждъ помѣщицкаго стола.

Не то что вкусные, мягкіе, бѣлоснѣжные хлѣбцы того незабвеннаго прошлаго, когда была еще жива старуха Вардисахаръ, на которой весь домъ держался.

Э! Махлазъ! Посмѣли бы при ней эти крестьяне заговорить о своемъ эртоба!

Но, какъ этотъ хлѣбъ ни плохъ, его все же можно ѣсть.

Въ особенности, когда другого, лучшаго, нигдѣ кругомъ не достанешь.

Да и не мудрено, что весь онъ вышелъ такими безформенными комьями: прислуга вся, какая была до сихъ поръ, разбѣжалась и мѣситъ тѣсто и печь хлѣба пришлось почти всѣмъ членамъ дардіанидзевской семьи.

На что уже бѣлоручка сама Саломе Дардіанидзе, а и ей пришлось вчера засучить рукава и, до боли въ нѣжныхъ и хрупкихъ суставахъ рукъ, мѣситъ это глупое, сырое тѣсто.

А когда она наклонилась надъ раскаленнымъ торне, чтобъ прилѣпить хлѣбы къ стѣнкамъ его, ей вдругъ сдѣлалось дурно, и хорошо еще, что Коте и дѣти подоспѣли во время, а то быть бѣдной Саломе въ огнѣ.

Но и это бы ничего! А вотъ сосѣди — крестьяне подглядѣли, какъ семья Коте возилась съ хлѣбомъ, и весело, злорадно гогочутъ. Сегодня утромъ самъ Коте своими ушами слышалъ, какъ эта сорока Марта кричала деревенскимъ кумушкамъ:

— Слышали, какъ дворянка Дардіанидзе чуть въ торне не свалилась? Какъ же! Хлѣбъ сама стала печь! Вы подумайте, какой это долженъ быть хлѣбъ! Мужъ ее еле-еле за ноги вытащилъ. Ничего, ничего, поработайте!

И въ отвѣтъ послышались злорадные возгласы и хихиканье.

А голосъ Марты продолжалъ:

— А на-дняхъ я видѣла, какъ Коте чего то все искалъ по грядкамъ въ огородѣ, должно быть и ѣсть уже имъ нечего! Наклонитесь надъ грядкой, руками водить торопливо по землѣ, а самъ все въ нашу сторону озирается, какъ бы не увидѣли. Ей Богу!

И снова взрывы веселаго смѣха.

Да, это правда. Имъ скоро уже совсѣмъ нечего будетъ ѣсть. Какіе запасы были — все съѣдено, занять ни

у кого ничего нельзя, а надеждъ тоже почти никакихъ.

Но зачѣмъ они смѣются? Зачѣмъ злорадствуютъ? Вѣдь кому кому уже, а не крестьянину непонимать нужды человѣка: самъ всю жизнь свою сидитъ въ нуждѣ.

Марта говоритъ правду: недавно, когда въ домѣ ничего, кромѣ черстваго хлѣба не было, а дѣти, какъ на зло, особенно жалостливо просили достать имъ чего-нибудь къ ужину, Коте пошелъ шарить по перекопаннымъ грядкамъ и выискалъ таки нѣсколько крупныхъ картофелинъ и двѣ-три моркови. Но что же изъ этого? Голодъ не свой братъ. Крестьяне смѣются, они рады. Но радость эта не отъ хорошаго, добраго сердца! Ишь какъ заполнили свои дворы строевыми бревнами за эту зиму! Сколько дровъ накопили! Вотъ онъ, Коте Дардіанидзе, изъ собственнаго лѣса не можетъ вывезти двухъ бревенъ, чтобъ напилить ихъ на починку прогниваго дома, а у всѣхъ сосѣдей-крестьянъ дома подновлены, пристроены балкончики, а гдѣ и новыя постройки возведены. А откуда все это? Изъ его же лѣса!

— Что же мы будемъ дальше дѣлать? Что же ты, оглохъ что ли? Коте, тебя я спрашиваю! Пусть же оглушить тебя мой Создатель! Коте слышитъ, прекрасно слышитъ вопросъ жены, но что онъ можетъ ей отвѣтить? Ему самому тяжело, и самъ онъ не знаетъ, что будетъ съ ними завтра. Голодъ — такъ голодъ, смерть — такъ смерть!

Дѣтей — такъ тѣхъ, покрайней мѣрѣ, не видно по цѣлымъ днямъ. Бѣгаютъ гдѣ то по задворкамъ съ крестьянской дѣтворой. Но Саломе, эта Саломе, которая со дня на день дѣлается все озлобленнѣе и ворчливѣе! Никакъ не можетъ она понять, что помочь горю онъ не въ силахъ. Не даютъ доходовъ — и все!

— Что же ты мнѣ не отвѣчаешь? Что мы будемъ

дѣлать завтра, послѣзавтра, чрезъ недѣлю?

Коте вспыхиваетъ.

— Женщина, пойми же, что я ничего не могу съ этимъ подѣлать. Пойми, пойми! И не мучай меня!

— Вотъ! Его же я мучаю! Семья голодаетъ, а его не тревожь! Что же, пусть дѣти просятъ у крестьянъ по куску чади, пусть, пусть. Не для этого я шла за тебя... извергъ...

И въ комнатѣ раздается тихое всхлипыванье потерявшей голову женщины.

Коте лежитъ на тахтѣ и думаетъ, что жизнь и безъ того не красна, но что, когда къ ея прелестямъ присоединяется еще такая музыка, отъ этой жизни не грѣхъ и въ рѣку кинуться съ головой.

И чтобы избавить себя отъ этого соблазна, онъ бросаетъ отрывистое:

— Перестань, ради Бога, перестань! Вотъ на-дняхъ пріѣдетъ сюда комиссія. Все получимъ, слышишь, все...

Саломе перестаетъ плакать, садится къ мужу на край тахты и, обнадеженная, говоритъ:

— Ты слышалъ, что она скоро будетъ у насъ? Это хорошо! Ты такъ и заяви, что они ничего тебѣ не хотятъ давать, что они лѣсъ твой вырубил. И попроси, чтобъ насъ вознаградили, и чтобъ дали на жизнь. Вѣдь мы не можемъ голодать, въ самомъ дѣлѣ, какъ крестьяне! И потомъ, намъ же должны, должны! А интересно, накажутъ ихъ за этотъ бунтъ?

Коте увѣренно отвѣчаетъ:

— Непремѣнно накажутъ. Вѣдь ты же знаешь, что съ комиссіей ѣдутъ казаки.

Саломе встаетъ съ тахты, подходитъ къ окну и начинаетъ съ злорадствомъ и торжествомъ смотрѣть на деревню.

Потомъ ей приходитъ въ голову удачная мысль.

— Знаешь что, Коте? Ты ступай къ нимъ и скажи, что все равно на-дняхъ пріѣдетъ комиссія, такъ пусть дадутъ намъ, въ счетъ должной намъ галы, немного. Хоть двѣ коды! Если не дадутъ двѣ, такъ хоть одну коду! Ты подумай—хлѣба хватить намъ, дня на два, а тамъ—голодь!

Коте, успокоившій было себя мыслью о скоромъ пріѣздѣ въ деревню комиссіи, опять начинаетъ волноваться.

— Ну, вотъ, ты опять начала! Гдѣ же идти просить? Не дадутъ, пойми же, женщина, не дадутъ! Только одно униженіе!

— А голодать, значить, лучше? Вѣдь свое же просимъ, не милостыню какуюнибудь. Попробуй, попроси! Коте джанъ, вѣдь надо же!

Наступаютъ сумерки. Въ комнатѣ дѣлается темно. Въ углу, подъ поломъ, скребутся голодные мыши и пискъ ихъ, озлобленный и назойливый, служитъ достойнымъ акомпаниментомъ жалостливому голосу Саломе.

— Что это кошки не видно нигдѣ? Куда она дѣлась? спрашиваетъ Коте.

— Куда? Понятно—ушла туда, гдѣ ее кормятъ лучше, чѣмъ въ этомъ домѣ. Ее уже вторая недѣля, нѣтъ. Я удивляюсь, чѣмъ это еще питаются мыши. Но и онѣ, должно быть, скоро уйдутъ изъ нашего подполья.

Коте хочется чѣмънибудь уколоть жену и онъ ей говоритъ:

— Ты начинаешь, моя Саломе, замѣтно старѣть: злости у тебя слишкомъ уже много!

— Да, да, разумѣется состаришься, живя съ тобой! И снова тихій плачь обиженной женщины оглашаетъ погруженную въ потемки комнату.

А Коте начинаетъ казаться, что если онъ не поидетъ къ крестьянамъ и не исполнить требованія этой женщины, плачь этотъ никогда не прекратится.

— Вѣдь всего одну коду! Не можетъ же быть, чтобъ намъ отказали. Одну коду! Люди же они, въ самомъ дѣлѣ! Поймутъ, войдутъ въ положеніе. Наконецъ имъ можно будетъ обѣщать, когда пріѣдетъ комиссія, уменьшить размѣръ галы.

И Коте поднялся съ тахты, одѣлъ поверхъ выцвѣтшаго архалука рыжую черкеску, подвѣсилъ къ поясу кинжалъ и, бросивъ на ходу:

— Иду, попрошу одну коду хлѣба! вышелъ изъ дома.

* * *

Черезъ часъ Коте Дардіанидзе вошелъ, злой и сумрачный, въ комнату.

— Ну, что? спросила его жена.

— Не дали! Обошелъ всѣхъ. Ничего знать не хотятъ. Когда, говорятъ, разрѣшится, сколько намъ давать помѣщику, тогда получите и вы. А пока—ни одного зерна не можемъ дать. Я имъ сказалъ: хоть одну коду дайте!

— И не дали?

— Не дали!

Слабый свѣтъ керосиновой лампы освѣщаль блѣдное, похудѣвшее лицо еще молодой женщины съ ввалившимися, лихорадочно горящими глазами.

Изъ сосѣдней комнаты доносился шепотъ и сдерживаемые взрывы беззаботнаго дѣтскаго смѣха.

А въ окна глядѣла темная непроглядная ночь.

II.

На работу!

— А взгляни-ка, попадья, не несуть ли намъ чего изъ деревни!

Попадья—низенькая, толстая, съ румянцемъ во всю щеку и съ утинымъ перевальцемъ въ походкѣ, поднялась на пригорокъ, посмотрѣла на раскинувшуюся передъ ней деревню и сердито отвѣчала стоявшему на маленькомъ балкончикѣ попу въ сѣромъ, старенькомъ, затрапезномъ подрясникѣ:

— Какъ же, дождешься ты теперь чегонибудь отъ этихъ господъ! Очень имъ нуженъ теперь священникъ съ его старыми, скучными проповѣдями, когда у нихъ объявилось столько новыхъ, молодыхъ, свѣжихъ проповѣдниковъ. Къ чему имъ теперь Христово ученіе, когда на смѣну пришло новое, лучшее, за которое не нужно платить ни „драмъ“ *), ни „чалы“ **), ничего...

Батюшка вспылить.

— Я тебя, попадья, не лекцію просилъ мнѣ читать, а посмотрѣть только—несутъ намъ чтонибудь, или нѣтъ. Удивительныя вы, право, созданія—женщины! Не умѣете вовремя остановиться. Ну, сказала разъ, что моль плохо намъ пришлось, и довольно. Нѣтъ же, нужно распалить, разбередить рану, раздуть огонь, нагромоздить на свалившееся намъ на плечи несчастье еще домашнюю воркотню. Эхъ вы!...

Попадья, заслонивъ отъ солнца рукой глаза, смотрѣла по направленію крестьянскихъ построекъ, надъ которыми вился синій дымокъ изъ пылающихъ очаговъ, и ровными столбиками поднимался къ голубому, ясному небу.

Батюшка вошелъ въ низенькія комнаты, присѣлъ къ столу, покрытому вмѣсто скатерти нѣсколькими листами грузинской газеты, подперъ голову рукой и задумался.

*) Драма—крестьянская повинность въ пользу священника.

***) Чала—часть урожая, уплачиваемая крестьянами помѣщику.

И было надъ чѣмъ.

Шель уже шестой мѣсяцъ, какъ прихожане наприанскаго прихода отказались платить ему, своему духовному пастырю, установленную плату за требы. Можно было право подумать, что съ нашествіемъ этого *эртоба* люди перестали рождаться, болѣть, сочетаться браками, крестить своихъ младенцевъ и умирать. Прежде бывало недѣли не пройдетъ, чтобъ батюшку не звали то на крестины, то къ умирающему, то на сочетание брачующихся. И платили за все по человѣчески. А теперь—ни одного покойника, ни однихъ крестинъ, ни одной свадьбы, про которую можно было бы сказать—что это вотъ свадьба, а не простое безпокойство. А если и позовутъ куда, такъ заранѣ видишь и чувствуешь, что позвали тебя такъ себѣ, для одной формальности. И суютъ потомъ небрежно въ руку рублевку, а ты и просто копѣекъ сорокъ. Недавно былъ такой случай. Вѣнчался чиновникъ изъ дворянъ. Думалъ батюшка—отблагодарятъ *по дворянски* и предвкушалъ уже удовольствіе получить рублей 25—30. И что же? Прислалъ чиновникъ съ человѣкомъ на другой день пятирублевку, да во время вѣнчанія сдѣлалъ при народѣ грубое замѣчаніе:

— Что это ты, батюшка, льешь мнѣ на новый сюртукъ кислотину. За сюртукъ заплачено небось, сорокъ рублей. А ты мнѣ его портишь!

Совсѣмъ плохо стало жить въ приходѣ. Положимъ не ему одному; вонъ и помѣщики приуныли. Но развѣ это утѣшеніе? Они вынырнутъ, они сунутся туда, сюда, подадутъ жалобу, приведутъ военную силу и свое возьмутъ. А какъ ему быть? Не подабаеть служителю церкви обращаться за помощью къ земнымъ силамъ, къ воинствамъ мірскимъ. По совѣсти, по добру, лучше

бы покончить съ крестьянствомъ, чѣмъ, подобно инымъ дворянамъ, взывать къ властямъ и кричать на весь міръ о своихъ нуждахъ.

Вотъ уже шестой мѣсяцъ батюшка кое-какъ перебивается съ хлѣба на воду, съ бобовой похлебки на сухой кукурузный хлѣбъ, а ни разу еще духу недовольства, ропота и злословія не далъ онъ восторжествовать въ себѣ надъ духомъ смиреномудрія, терпѣнія и любви къ ближнимъ. И только вотъ съ попадѣй никакъ не можетъ онъ справиться. Никакъ не можетъ убѣдить ее относиться къ происходящему и окружающему съ великимъ смиреномудріемъ Іова.

Приведетъ ей, случается, примѣръ изъ многострадальной жизни этого праведника, а она посмотритъ на своего сухопараго, поджараго батюшку, усмѣхнется своимъ полнымъ, свѣжимъ ртомъ, блеснетъ на него насмѣшливо своими молодыми глазами и отвѣтитъ:

— Ну, понесъ опять про старое, сосудъ елейный! И какъ это тебѣ, Симеонъ, не надоѣстъ говорить глупости? Вотъ, слышала я, собирается духовенство въ городахъ, говоритъ о дѣлахъ своихъ, о томъ, какъ лучше устроить жизнь свою, а ты сидишь со своимъ Іовомъ въ смердящей кучѣ мусора и учишь людей терпѣнію... Съ твоимъ терпѣніемъ дотерпишься до голодной смерти... Посмотри на себя, въ чемъ только душа еще держится твоя? Кожа да кости.. Нѣтъ, Симеонъ, теперь терпѣніемъ не возьмешь своего. Надо смѣло бросаться и вырывать кусокъ, принадлежащій по праву тебѣ, изъ рукъ, захватившихъ его у тебя подъ носомъ.

И чувствовалось, по силѣ и задорному огню въ движеніяхъ молодой попадѣй, что она своего не упуститъ, что если понадобится вцѣпиться комунибудь въ горло, она это легко сдѣлаетъ своими сильными, быстры-

ми въ движеніяхъ руками и бѣлыми, сильными зубами.

— Не даромъ я гурійка! говоритъ она, когда отецъ Симеонъ упрекаетъ ее въ излишней стремительности и не женской рѣшительности.

— Что жъ что гурійка? Вѣдь и я немного гуріецъ, но изъ этого не слѣдуетъ же, что я долженъ забывать свой санъ?!

Въ такихъ случаяхъ молодая попадая въ полголо-са съ насмѣшкой пропускаетъ сквозь зубы:

— Ну, съ вашимъ то саномъ не особенно въ послѣднее время церемонятся!!

Когда обнаружилось явственно, что въ программу крестьянскаго *эрта* входитъ, наряду съ развѣнчаніемъ забывшаго всякую мѣру помѣстнаго дворянства—развѣнчаніе и сельскаго духовенства, въ смыслѣ отмѣны уплаты ему установленныхъ повинностей, сельское священство, въ большинствѣ случаевъ мало чѣмъ отличающееся отъ „людей земли“, и почти во всѣхъ общихъ требованіяхъ крестьянства съ нимъ солидарное, встревожилось. *Теоретически* вполне сочувствуя идеѣ защиты крестьянствомъ его человѣческихъ правъ, въ то же время оно содрогалось отъ перспективы быть выброшеннымъ за бортъ жизни. Безпомощное, матеріально всецѣло поставленное въ зависимость отъ усмотрѣнія крестьянскихъ обществъ, не находящее никакой поддержки ни въ „предержащихъ властяхъ“, ни въ высшемъ и непосредственномъ своемъ „начальствѣ“, сельское духовенство очутилось въ самомъ двусмысленномъ положеніи, принужденное играть въ разгоравшемся крестьянскомъ движеніи какую то двойственную роль.

Когда о. Симеонъ, въ разговоръ съ крестьянами, попробовалъ раскрыть имъ свою душу и показать свою долю искренняго сочувствія ихъ порывамъ и уповані-

ямъ—этой искренности въ деревнѣ не повѣрили, усмотрѣвъ въ ней простую боязнь за шкуру.

— Ты, отецъ Симеонъ, никогда на нашу сторону не въ состояніи перейти, такъ какъ ты, какъ всѣ священники, трусливъ, алченъ и сребролюбивъ! сказалъ ему одинъ изъ деревенскихъ выборныхъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ однимъ изъ представителей прямого начальства ему было поставлено на видъ, что церковная кафедра должна бы служить ему ареной борьбы съ крамольными началами неповиновенія властямъ, и что молъ онъ, священникъ націанскаго прихода, видно не сумѣлъ, какъ слѣдуетъ, воспользоваться этою возможностью.

— Да что я летучимъ мышамъ что ли буду читать свои проповѣди о необходимости повиновенія властямъ? Или тѣмъ двумъ столѣтнимъ старухамъ, которыхъ аккуратно застаю всегда припавшими къ каменнымъ плитамъ своей церкви? Хороша кафедра, нечего сказать! Теперь, если понадобится по дѣлу куда нибудь поѣхать, такъ наровишь такъ прошмыгнуть черезъ деревню, чтобъ поменьше народа встрѣтить. Отъ обидныхъ и насмѣшливыхъ словечекъ прохода иногда нѣтъ! Раньше, бывало, только дворянчики надъ тобой острили и зубоскалили, а теперь аудитория этого зубоскальства увеличилась и крестьянскимъ элементомъ. И острять то такъ грубо.

— Что это, отецъ Симеонъ, не за сборомъ ли хлѣба выѣхалъ?

— А гдѣ же твой чанахъ *)? Захвати чанахъ, да тотъ, который побольше! Не тотъ, которымъ ты намъ весной продаешь зерно!

*) Чанахъ—мѣра сыпучихъ тѣлъ; къ несчастію, не вездѣ одинаковаго размѣра.

А деревенская дѣтвора тоже не отстаётъ:

— Отецъ Симеонъ, отецъ Симеонъ! Что это съ хвостомъ твоей лошади случилось?

Отецъ Симеонъ, вмѣсто того, чтобы, не обращая вниманія, проѣхать мимо, какъ на зло обернется по-смотришь на хвостъ своей бѣлой кобылки, хотя отлично знаетъ, что хвостъ на мѣстѣ.

Поднимается смѣхъ и крики.

О какихъ проповѣдяхъ можетъ быть рѣчь, когда иѣтъ уваженія не только къ сану, но и къ человѣческому достоинству?

Конечно, этихъ горькихъ соображеній о. Симеонъ высшему начальству не сообщилъ.

.

Нѣсколько дней уже въ головѣ о. Симеона зрѣтъ одинъ планъ. Необыченъ онъ по новизнѣ мысли и по смѣлости...

Помощи, очевидно, не откуда ждать. Тѣ немногія крохи, которыя имѣлись въ домѣ, съѣдены, израсходованы. Ушли даже деньги, принадлежавшія лично попадѣ и скопленные ею на покупку коровы. Дѣти уже мѣсяцъ бѣгаютъ въ стоптанныхъ, рваныхъ отрепьяхъ, хотя по прежнему весело распѣваютъ цѣлый день. Къ этимъ пѣснямъ по вечерамъ присоединяются хоровые, молодые и сильные голоса возвращающихся въ деревню поденныхъ рабочихъ. Возвращаются они съ ремонтныхъ работъ по желѣзнодорожной линіи, вооруженные кирками, лопатами, тяжелыми желѣзными ломами и, повидимому, съ волчьими аппетитами. Съ дружными, сильными пѣснями проходятъ они полями и входятъ, теплыми сумерками, въ деревню.

И прислушиваясь по вечерамъ къ этимъ пѣснямъ,

батюшка начинаетъ думать, что положеніе этихъ людей куда завиднѣе положенія духовнаго пастыря, хотя и имѣющаго возможность съ высоты церковной кафедры поучать народъ, но лишеннаго, по постановленію этого же народа, куска хлѣба.

Ну что же, и иди, поступай въ ремонтные рабочіе! подсказываетъ ему тихій, внутренней голосъ.

И вначалѣ о. Симеонъ самъ пугается этой мысли, до такой степени она является новой, необычной, смѣлой и не вяжущейся съ взглядами окружающей среды. Священникъ, семинаристъ, курсовникъ и вдругъ— ремонтный, поденный рабочій!

И о. Симеонъ начинаетъ перерабатывать въ себѣ эту мысль, начинаетъ привыкать къ ней, усваивать ее и свыкаться съ ней.

Но что же въ этомъ необычнаго? Страшнаго? Рѣшительно ничего! Честная работа не можетъ унижить священнической рясы. А что стануть вокругъ говорить—такъ вѣдь на всѣхъ не угодишь. Это во-первыхъ. А во-вторыхъ—этимъ обезпечивается возможность дальнѣйшаго существованія. Вотъ какъ приметъ это попадья? Строптивая она у меня.

— Надо открыться ей! рѣшилъ онъ и, воспользовавшись особенно хорошимъ, солнечнымъ расположеніемъ духа попадья, онъ, робко и путаясь въ словахъ, открылъ ей свой планъ.

И, къ счастью и удивленію батюшки, все обошлось благополучно. Въ молодой попадѣ, свободолюбивая гурійка, очевидно, взяла верхъ надъ консервативно настроенной и привыкшей къ почету попадьею, и она, весело сверкнувъ на мужа своими темными, глубокими глазами, отвѣтила:

— Ну что же, Сико, попробуй! Не ждать же ми-

лостыни намъ, въ самомъ дѣлѣ! Только какой же ты будешь уморительный въ своей рясѣ на линіи, въ толпѣ рабочихъ!!

И попададя звонко и заразительно захохотала.

О. Симеонъ уже вторую недѣлю работаетъ въ партіи ремонтныхъ рабочихъ, подкладывая подъ рельсы новыя шпалы и выбрасывая изъ подъ нихъ старыя.

Передъ тѣмъ, какъ быть принятымъ, ему пришлось таки, впрочемъ, натерпѣться мукъ.

Когда онъ объявилъ старшему дорожному мастеру о своемъ рѣшеніи поступить къ нему въ поденщики, тотъ остолбенѣлъ.

— Что? Какъ? Въ поденщики? Да вы, отче, съума что ли сошли? Да вѣдь у меня работаютъ *простые мужики!*

— Ну, такъ что же? Я вамъ повторяю, что рѣшилъ работать съ ними.

— Нѣтъ, да что вы это такое выдумали? Священника я принять не могу. Никакъ не могу! Какъ хотите, батюшка, сердитесь, не сердитесь, а принять васъ къ себѣ я не могу.

Батюшка рѣшилъ пойти выше.

Но и тамъ пришли въ недоумѣніе.

— Какъ же это такъ? Право уже не знаемъ, какъ и быть?! Не предусмотрѣно...

— Да чего тамъ предусматривать? И въ моихъ планахъ былъ непредусмотрѣнъ голодъ, а пришлось вотъ голодать. Вы сдѣлайте уже распоряженіе, чтобы меня прпняли въ партію рабочихъ *на общемъ основаніи.*

Но въ бюрократическомъ умѣ плохо укладывалось это предложеніе.

— Какое же это, батюшка, *общее основаніе*, когда служитель церкви съ наперснымъ крестомъ на груди просить позволенія таскать рельсы и вколачивать болты? Вы уже, какъ нибудъ, батюшка, того, обойдитесь...

Но батюшка пошелъ еще выше.

Атмосфера тутъ оказалась чище, терпимѣе. И о. Симеонъ былъ принятъ въ поденные рабочіе, съ платою по 80 к. въ день.

Прочитывая ему первый нарядъ по работѣ, дорожный мастеръ сказалъ:

— Ты уже, батюшка, извини меня, я не виноватъ!

На что о. Симеонъ съ улыбкой отвѣтилъ:

— Авось Богъ проститъ тебѣ это великое прегрѣшеніе!

Когда по вечерамъ въ низенькомъ домикѣ у церкви зажигается лампа и вся семья собирается вокругъ стола, о. Симеонъ, расправляя свои усталые, онѣмѣвшіе члены, смотритъ въ оживленные лица жены и дѣтей такими бодрыми, довольными и гордыми глазами, точно на долю его въ жизни палъ громадный выигрышъ.

Но развѣ, въ сущности, это не такъ?

Лев. Китіани.

Октябрь
1905 г.

ПОЖАРЪ НА НЕФТЯНОМЪ ЗАВОДЪ.

*Соч. Ширванзадэ *).*

— Хозяинъ! Заводъ горитъ!

Иванъ Григорьевичъ Марутянцъ—средняго роста, плотный еще молодой человѣкъ въ европейскомъ костюмѣ. При вѣсти объ этомъ несчастіи его полное, круглое, гладко выбритое лицо моментально поблѣднѣло.

— Когда? Въ которомъ часу? Съ какой стороны начался пожаръ?—властно и нетерпѣливо закидывалъ онъ вопросами рабочаго, вращая съ поразительной быстротой своими маленькими, хитрыми зрачками и простирая съ яростью впередъ руки, какъ бы желая задушить зловѣщаго вѣстника.

— Будетъ $\frac{3}{4}$ часа, какъ показался огонь,—дрожащимъ голосомъ отвѣтилъ рабочій, отъ страха невольно отступивъ назадъ.

— Я только кончилъ работу и собрался уже спать, какъ услышалъ страшный трескъ. Шумъ былъ ужасный, казалось рушился весь заводъ... Нѣсколько минутъ стоялъ я растерянный, не зная что дѣлать, куда бѣжать, затѣмъ вылетѣлъ вонъ и вижу... огромное пламя рвется со стороны котла... Я съ ужасомъ понялъ, что разорвало одинъ изъ нефтяныхъ котловъ. Огонь направлялся въ сторону отдѣленія, гдѣ очищается масло. Рабочіе проснулись: кто голый, кто одѣтый,—все бросились къ огню, чтобы остановить его, я же полетѣлъ въ городъ, чтобы сообщить вамъ.

Грудь Ивана Григорьевича отъ неожиданнаго волненія высоко вздымалась и опускалась.

*.) Произведеніе это написано въ 1883 г.

Послѣ нѣсколькихъ минутъ напряженнаго размышленія онъ обратился къ одному изъ слугъ, который, разинувъ ротъ, внимательно слушалъ разсказъ рабочаго.

— Сію минуту запречь карету!

Слуги разбѣжались исполнять приказаніе хозяина.

— Разорять меня, обанкрутятъ, вгонять въ нищету! да лишатся они насущнаго хлѣба, мерзавцы.... человѣкоподобные звѣри.... эти.... эти....

— Пусть Богъ накажетъ тѣхъ, кто хотѣлъ причинить вамъ этотъ убытокъ.... Воля Божья, хозяинъ, мы тутъ не причемъ, вѣдь не мы же подожгли заводъ!

Говоря это, рабочій со шляпой въ рукѣ отошелъ къ стѣнѣ и лучи совѣта, упавшіе на него въ этотъ моментъ изъ освѣщенной передней, освѣтили его высокую измазанную нефтью и копотью фигуру, освѣтили и его грязное, черное лицо. Изъ подъ густыхъ бровей съ выраженіемъ необычайной скорби блеснули черные глаза. Открытая сѣдая голова подъ густымъ слоемъ грязи и копоти утратила обычный цвѣтъ волосъ.

— Кто такой рабочій, чтобъ у него еще былъ Богъ! кричалъ Иванъ Григорьевичъ, какъ разсвирѣпѣвшій левъ.

— У чернорабочаго нѣтъ Бога, его Богъ—палка! Еслибъ у васъ былъ Богъ, мой заводъ не сгорѣлъ бы два раза въ продолженіе одного года. Еслибъ у васъ была совѣсть и душа, вы пожертвовали бы своею жизнью и не допустили бы, чтобъ вашъ хозяинъ, вашъ кормилецъ—понесъ убытокъ!

Рабочій молчалъ: онъ зналъ, что самодовольный Иванъ Григорьевичъ терпѣть не могъ возраженій и въ особенности въ такія тяжелыя минуты.

— Баринъ, экипажъ поданъ, сказалъ, вбѣжавъ, слуга.

— Я ѣду, а ты бѣги тоже сію минуту на заводъ,—обратился хозяинъ къ рабочему.

Спустя нѣсколько минутъ роскошная карета, запряженная парой вороныхъ коней, несла къ заводу укутаннаго въ теплую дорогую шубу Ивана Григорьевича.

Дуль сѣверный вѣтеръ; капли дождя, съ удвоенной силой ударяя въ окна кареты, еще болѣе раздражали и безъ того взволнованнаго Ивана Григорьевича. Казалось, достаточно было людской злонамѣренности и безсердечія рабочихъ, а тутъ, какъ на зло, присоединилась еще стихія, нагнавшая въ эту ночь сильный вѣтеръ, который, очевидно, разбрасывалъ огонь во все стороны.

Думая обо всемъ этомъ, Иванъ Григорьевичъ злился такъ,

что, казалось, вотъ—вотъ лопнетъ отъ бѣшенства, какъ его заводской котель.

Высовывая безпрестанно голову изъ окна кареты, онъ слѣдилъ издали за горѣвшимъ пламенемъ и, въ нетерпѣннѣи, то и дѣло приказывалъ кучеру доставить его въ $\frac{1}{4}$ часа на мѣсто пожарища, пустивъ въ ходъ все силы разжирѣвшихъ, простоявшихъ съ недѣлю лошадей.

Достигнувъ окраины города, кучеръ еще разъ хлестнулъ лошадей и карета погрузилась въ темноту.

А рабочій, выбѣжавъ на улицу, летѣлъ къ заводу, не переводя духа. Хозяинъ приказалъ и онъ обязанъ въ мгновеніе ока быть на заводѣ; хозяинъ приказалъ и запоздать въ такую минуту въ его глазахъ равносильно было бы преступленію.

Горящій заводъ находился въ трехъ верстахъ отъ города. Рабочій, чтобъ сократить путь, шелъ по берегу моря.

Шумный прибой волнъ широко раскинувшася моря, исчезавшаго въ мрачномъ темномъ пространствѣ, среди непроницаемой мглы нагонялъ невольный страхъ.

Ни одного одушевленнаго предмета, ни одного живого существа не видно было на берегу, кромѣ этого чернаго великана человѣка, который, подобно ночному призраку, гигантскими шагами стремился все впередъ и впередъ, погружая свои ноги въ сырой песокъ. Вдругъ онъ остановился, казалось что-то вспомнивъ, и, ударивъ машинально обѣими руками по лбу, на мгновеніе остался неподвиженъ.

— Боже, братъ и маленькій сынъ незадолго до пожара легли спать..... но гдѣ?... да, да... вспоминаю, Боже, какъ-разъ съ той стороны..... гдѣ взорвало котель..... Въ эту ночь они перемѣстились изъ общей комнаты къ печкѣ котла, чтобъ было теплѣе. Господи! А что если они не проснулись во время?! Что стало съ ними?!... Да, да.... воспламенившаяся нефть полилась прямо въ ихъ сторону.... А ихъ что-то не видно было!...

Горизонтъ побагровѣлъ отъ пожара, силой вѣтра пламя бѣшено рвало въ разныя стороны.... весь Черный городъ былъ въ дыму. Изнеможенный гонецъ старался придать силы своимъ ногамъ.

Доѣхавъ до мѣста пожарища, Иванъ Григорьевичъ сразу не могъ найти затерявшійся въ дыму и пламени заводъ.

Обитатели Чернаго города окружили мѣсто пожарища, образуя вокругъ него звено, среди котораго горѣлъ широко раскинувшійся костеръ. Съ разныхъ сторонъ сбѣгались люди,

на вымазанныхъ сажей лицахъ которыхъ не было признаковъ удивленія. Такіе ли пожары они видывали! Еще болѣе ужасные пожары были для нихъ не въ диковину.

— Ради Бога... идите.... помогите... не бойтесь... я денегъ дамъ, вознагражу помогающихъ,— сталъ вызывать Иванъ Григорьевичъ, растерянно и стремительно пробираясь сквозь толпу къ огню.

— Не приближайтесь, хозяинъ, не бѣгите впередъ, опасно—воскликнули изъ толпы, отталкивая его назадъ.

Въ это время пламя раздвоилось. Одна часть рвалась изъ развалившейся крыши, дверей и оконъ одноэтажнаго дома. Горѣло отдѣленіе для очищенія масла. Другая, на разстояніи пятнадцати шаговъ, вырываясь изъ подземнаго строенія, охватывала всю площадь зданія. Горѣлъ складъ нефтяныхъ остатковъ.

Въ серединѣ этого столпотворенія образовался настоящій адъ. Здѣсь и находился нефтяной котель, послѣ взрыва выпустившій всю нефть, которая, мигомъ воспламенившись, полилась, какъ огненная рѣка. Ни одинъ предметъ не уцѣлѣлъ отъ клещей огня; все превратилось въ золу за исключеніемъ желѣзныхъ котловъ съ легковоспламеняющимся на половину готовымъ фотографеномъ, которые, лопнувъ, разлетѣлись обломками въ разныя стороны.

Изъ трещинъ разрушившихся стѣнъ вырывался густой черный дымъ, причудливыми кругами стремившійся къ огненному водовороту, какъ маленькія рѣчки впадаютъ въ широкую рѣку, расширяя и усиливая ея теченіе.

Пестрая толпа переполнила весь дворъ завода.... негдѣ было ступить ногой.

Стоя впереди, Иванъ Григорьевичъ дѣлалъ распоряженія, а изъ толпы сыпались различные совѣты.

— Такъ ничего не выйдетъ, нужно привезти паровые насосы изъ завода Нобеля—утверждалъ одинъ.

— Да, да, только нобелевскіе насосы могутъ осилить такой огонь,—добавлялъ другой.

Это были сосѣдніе заводчики, которые не столько думали объ Иванѣ Григорьевичѣ, сколько о своихъ заводахъ, стоявшихъ неподалеку.

Но Иванъ Григорьевичъ ихъ не слышалъ и все продолжалъ безостановочно кричать, ругаться, метаться изъ стороны въ сторону.

— Помогите... торопитесь... я денегъ дамъ... дайте воды..

чего вы окоченѣли, мерзавцы!... разорили вы меня въ конецъ негодяи... воры... разбойники!...

Въ тушеніи пожара, кромѣ рабочихъ Ивана Григорьевича, помогали рабочіе другихъ заводовъ и посторонніе люди. Только первые работали въ самыхъ опасныхъ мѣстахъ, лицомъ къ лицу съ пламенемъ, а вторые стояли поотдалъ, стараясь держаться насколько возможно дальше отъ огня, избѣгая яростныхъ огненныхъ волнъ.

Первые, держа концы трубъ паровыхъ насосовъ, били водой въ самый центръ, откуда, при каждомъ ударѣ, раздавалось глухое эхо, вторые накачивали воду, остальные же прибавляли воды въ насосы.

Другая группа рабочихъ съ обѣихъ сторонъ засыпала землей разгорѣвшійся складъ нефтяныхъ остатковъ.

Нѣкоторые изъ рабочихъ Ивана Григорьевича, сами того не замѣчая, настолько приблизились къ огню, что толпа въ ужасѣ то и дѣло предостерегала ихъ. Духота спирала грудь этимъ несчастнымъ, жаръ пламени обжигалъ ихъ полу-обнаженные тѣла, крупныя искры огненнымъ дождемъ падали на ихъ головы, но, погруженные въ свое дѣло, они, казалось, ничего не чувствовали и не замѣчали. Ихъ нефтью залитымъ лохмотьямъ ежеминутно угрожало воспламенение отъ падающихъ искръ. Огненные языки, коварно вытягиваясь, вотъ-вотъ готовы были подхватить ихъ и втянуть въ пылавшій грандіозный костеръ.

Нѣсколько другихъ рабочихъ, чтобъ оградить ихъ отъ опасности, посредствомъ небольшого насоса, по временамъ издали обливали ихъ водою.

Въ такія минуты, предъ лицомъ ужаснаго бѣдствія, толпа нерѣдко съ чисто философской безмятежностью начинаетъ вышучивать все, что происходитъ вокругъ нея.

— А мы станемъ обливать тѣхъ, — говорили нѣкоторые, безстыдно смѣясь и указывая на накачивающихъ маленькій насосъ.

— Прекрасно, а мы въ свою очередь на васъ будемъ сыпать землю — добавляли другіе, такъ же посмѣиваясь.

— Здоровый огонь! Вотъ гдѣ, господа, жарить шашлыки, — говоритъ одинъ, покручивая усы.

Огонь разрастался. Толпа, не выдерживая жары, начала постепенно осаживать назадъ.

— Бѣгите..... бѣгите, спасайтесь..... стѣна рушится — вдругъ закричала въ одинъ голосъ толпа, напирая другъ на друга и отдавая назадъ.

Пронесся глухой грохотъ, точно сотни пушекъ дали сразу залпъ.

Все стемнѣло. Въ одно мгновеніе передъ толпой все погрузилось въ густой мракъ: пламя, дымъ, огонь, копоть и пыль — все это перемѣшалось и скрыло въ своемъ хаосѣ тушившихъ рабочихъ.

— Ой голова..... спина сломилась..... ради Бога..... помогите..... умираю..... слышалось изъ этого ада.

— Ноги разбило..... ой..... ой..... ахъ, пожалѣй, Господи, помогите, возьмите меня отсюда, ничего не вижу, — слышалось съ другой стороны.

— Рука..... рука..... ай..... ай..... не подходите, не дотрогивайтесь, горитъ рука..... уфъ..... Все смолкло въ толпѣ. Смѣхъ и шутки замерли..... На всѣхъ лицахъ было одно выраженіе отчаянія. Куда дѣвались рабочіе, работавшіе въ первыхъ рядахъ?!... Доносились лишь мольбы о помощи, тяжелые вздохи, вопли отчаянія, но неизвѣстно было, откуда идутъ эти душу раздирающіе голоса.

Злость и безпокойство Ивана Григорьевича замѣнились невыразимымъ ужасомъ, за минуту яростное лицо теперь выражало страхъ и боязнь. Онъ застылъ, какъ статуя, стоя безъ движенія на одномъ мѣстѣ и не зная, что дѣлать; онъ пробовалъ бѣжать впередъ, но не могъ: дымъ и пыль, смѣшавшись съ копотью и пламенемъ, образовали передъ нимъ непроницаемо-темное пространство.

Вдругъ все прояснилось и передъ нимъ открылась страшная картина. Тамъ и сямъ валялись, числомъ около шести, группы рабочихъ. Были и державшіеся еще на ногахъ подобныя призракамъ существа, изъ которыхъ одинъ, охваченный пламенемъ, бросался изъ стороны въ сторону, отчаянно крича:

— Помогите..... христіане-армяне*), пожалѣйте..... тѣло горитъ..... скорѣй..... скорѣй посыпьте на меня земли..... воды..... воды..... воды..... уфъ, Богъ мой, горю.....

Это былъ старецъ. Насквозь пропитанные нефтью лохмотья его, охваченные огнемъ, стали горѣть, обжигая живое тѣло, какъ было съ жертвами средневѣковой инквизиціи.

Иванъ Григорьевичъ отвернулся, его изнѣженные нервы не могли вынести такой ужасающей картины. Изъ толпы многіе, набравшись храбрости, бросились впередъ. Одинъ изъ сильнейшихъ ударомъ ноги повалилъ на землю объятаго пла-

*) Армяне себя называютъ „христіане-армяне“.

менемъ старика, а остальные съ разныхъ сторонъ стали быстро засыпать его тѣло землей, какъ бы заживо хороня дряхлаго старика. Только такимъ образомъ можно было погасить горѣвшіе на немъ лохмотья.

— Сварился.... уфъ.... уфъ.... сгорѣлъ.... глухо вздыхалъ старикъ изъ подъ земли. Его лицо такъ исказилось, что многіе изъ присутствовавшихъ отъ ужаса и отвращенія закрывали глаза, чтобъ не видѣть его.

— Ой.... ой Господи, скорѣй возьми мою душу, избавь отъ мученій и не терзай меня—продолжалъ старикъ, барахтаясь подъ землей.

— Но сынъ.... гдѣ мой сынъ?... Жена моя.... дѣти.... воды... ой, сердце.... При послѣднихъ словахъ голосъ старика все болѣе и болѣе ослабѣвалъ.

— Здѣсь, здѣсь.... воскликнулъ молодой человекъ лѣтъ 18—20, поддерживая лѣвой рукой свою правую руку, горѣвшая кожа которой, обуглившись, обнажала красное мясо.

— Ахъ.... сжимается сердце.... уфъ, ради Бога, не подходите къ рукѣ, она горитъ.... ноетъ....

— Удались, несчастный, не приходи къ отцу, увидѣвъ тебя старикъ умретъ отъ сердечной муки—воскликнули изъ толпы.

— Бэйбуть.... Бэйбуть.... иди, я здѣсь.... подойди, охъ, охъ.... умираю отъ жажды—произнесъ старикъ, сѣлаясь стать на ноги.

Глядя другъ на друга, отецъ и сынъ нѣсколько секундъ не могли узнать другъ друга. Сѣдая борода старика спалилась и съежило лицо.

— Боже, Боже!... до какого дня я дожилъ, отецъ.... воскликнулъ, какъ сумасшедшій, сынъ, опускаясь на колѣни передъ барахтавшимся старикомъ.

На одну минуту старикъ забылъ нестерпимую боль обгорѣвшаго тѣла и машинально обвилъ обѣими руками шею сына.

Пока отецъ съ сыномъ, обнявшись, со стономъ и мукой глотали горечь душевной скорби, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нихъ происходила другая картина. Точно изъ подземелья ада слышны были душу раздирающіе вздохи провалившихся рабочихъ; то были не человѣческіе голоса, а предсмертное мычаніе и отчаянный вой зарѣзанной скотины. Двое изъ свалившихся уже испустили духъ. Ихъ воспламенныя, обезображенныя лица не носили уже никакихъ слѣдовъ человѣческаго образа, ихъ зрачки торчали, какъ жареные каштаны въ золѣ; на нихъ не было уже волосъ, бороды, рѣсницъ; ихъ головы походили на вынутые изъ слабаго огня куски мяса. Четыре человекъ оттащили

въ сторону эти безжизненныя, обезображенныя тѣла. Неподалеку отъ этихъ труповъ одинъ молодой рабочій, сидя на землѣ и зарывая руки въ землю, невыносимо кричалъ.

— Руки.... уфъ... уфъ.... сварились.... сжарились.... Господи.... все было тщетно! Онъ сгорѣлъ.... умеръ.... не смогъ избавить я дѣда....

Изъ его воспламенныхъ глазъ показалось нѣсколько слезинокъ, приложивъ къ нимъ руки, онъ обмочилъ ими обнаженные концы пальцевъ. Какъ будто эти горькія слезы могли освѣжить его сердце!

Немного дальше слышны были глухіе молящіеся голоса:

— О, единый Богъ и ты, Магометъ, великій пророкъ его! Вы видите святыми глазами Вашими въ какихъ ужасныхъ мукахъ отдали мы Вамъ души наши. Лахъ, Лахъ, Илаллахъ, Мухаммедъ Расуль Аллахъ....

Это были персіяне—рабочіе, у одного изъ которыхъ почти раскрылась голова, а у другого разбились руки и ноги.

Толпа такъ смѣшалась, что никто ужъ не обращалъ вниманія на пожаръ, который въ это время началъ уже понемногу стихать.

Иванъ Григорьевичъ кричалъ:

— Ради Бога.... а пожаръ.... пожаръ.... не забывайте о немъ.... этихъ раненыхъ и послѣ можно собрать, а заводъ, заводъ мой уходитъ изъ рукъ, онъ сгорѣлъ, нѣтъ его больше, разрушенъ мой домъ! Сжальтесь же, ради Создателя, надо мной....

Но на крикъ Ивана Григорьевича мало кто обращалъ вниманія, работали только рабочіе сосѣднихъ заводовъ, хозяева которыхъ принуждали ихъ не оставлять дѣла, чтобы огонь не перешелъ на ихъ заводы.

— Мы же не можемъ оставить безъ помощи этихъ несчастныхъ и думать о пожарѣ,—кричали Ивану Григорьевичу изъ толпы. Гибнетъ за разъ столько людей, такъ пусть пропадаетъ и твой заводъ и ты вмѣстѣ съ нимъ!

— Да, да, ты виноватъ въ ихъ ужасной смерти, еслибъ ты во время далъ починить нефтяные котлы и печи, несчастья этого не было бы ни съ тобой, ни съ этими несчастными!

Управляющій, слѣдовавшій все время какъ тѣнь за Иваномъ Григорьевичемъ, сказалъ ему:

— Иванъ Григорьевичъ, совѣтую вамъ держаться подальше отъ этихъ злодѣевъ. Въдѣ теперь они озвѣрѣли и Богъ знаетъ, о чемъ думаютъ и что могутъ сдѣлать!...

По Иванъ Григорьевичъ не слышалъ угрозъ толпы и совѣтовъ управляющаго, его глаза и мысли были устремлены на пожаръ и только на пожаръ, онъ дрожалъ всѣмъ тѣломъ при мысли, что огонь можетъ распространиться на складъ, полный бочекъ готоваго фотогена, числомъ до тысячи. Но этотъ страхъ былъ излишенъ: точно насытившись местию, пожаръ сталъ замѣтно стихать. Вѣтра уже не было и пламя не разбрасывалось болѣе въ разныя стороны, а спокойной, прямой линіей подымалось вверхъ, оно освѣщало толпу, которая суетливо работала вокругъ погорѣвшихъ, стараясь однимъ облегчить муки, другихъ привести къ жизни.

Въ это время вдругъ подбѣжалъ къ толпѣ высокій чело-вѣкъ съ лицомъ, выражавшимъ глубокое волненіе и неопредѣ-ленный страхъ. Его колѣни подкашивались и съ трудомъ под-чинялись ему, затрудняя движеніе.

Это былъ знакомый намъ гонецъ.

— Пустите... оставьте... дайте посмотрѣть, гдѣ они... гдѣ сынъ?... гдѣ братъ?... Боже ты мой, гдѣ же они?...

Толпа разступилась и онъ бросился въ середину.

— Гдѣ вы, гдѣ же вы, отвѣчайте ... Саркись... Гаспарь... Ахъ, это Бэйбутъ, племянникъ...

— Я... Да... Но ничего отъ меня не осталось; бѣдный отецъ, бѣдный старикъ... онъ умеръ... умеръ, до послѣднихъ минутъ вспоминая свою семью... и испустилъ духъ съ твоимъ именемъ на устахъ... Хоть бы прожить до прихода брата—говорилъ онъ, отдавая душу Богу.

— Гдѣ онъ? покажи мнѣ его трупъ, а гдѣ Саркись—сынъ мой?...

— Не подходи, умоляю, рука горитъ, не дотрогивайся до руки... ай...

На одну минуту Мехрабъ какъ бы окаменѣлъ. Его высох-шіе отъ слезъ глаза машинально скользили то по братѣ, то по сынѣ, то по сожженной и съжившейся рукѣ Гаспара, то по обнажившейся отъ спавшей кожи правой рукѣ Бэйбута; окру-жавшіе же не спускали глазъ съ него.

Неподвижный, съ лицомъ, измазаннымъ углемъ, высокій, плотно сложенный, онъ походилъ на черный, мрачный, мрамор-ный памятникъ и только глаза нарушали общую неподвижность.

Три острыхъ кинжала вонзились одновременно въ его грудь, изъ которыхъ одинъ—смерть брата—проникъ до глуби-ны сердца, ошеломивъ голову.

Вдругъ обѣими руками онъ сталъ наносить себѣ сильныя удары по обнаженной, полусѣдой головѣ.

Въ толпѣ у многихъ показались слезы на глазахъ.

— Вай!... *) Что же я отвѣчу твоей семьѣ... твоей женѣ...

Услышавъ этотъ крикъ, Иванъ Григорьевичъ приблизился къ Мехрабу.

— Что ты тутъ орешь, сумасшедшій!... Нашелъ время кри-чать! заводъ уходитъ изъ рукъ, а ты тутъ реवेशь? тебѣ гово-рю, бѣги помоги тамъ.

Мехрабъ ничего не слышалъ. Упавъ лицомъ на трупъ бра-та, онъ жалобно и отчаянно вылъ.

Возмущенная неумѣстнымъ приказаніемъ Ивана Григорье-вича, толпа не могла перенести этого.

— Его братъ сгорѣлъ, обратился въ золу, у его сына сго-рѣли и обуглились руки, а ты тутъ требуешь отъ этого не-счастливаго помощи? Безсовѣстный, Бога у тебя нѣтъ! Гдѣ ему, несчастному, думать о тебѣ и твоёмъ проклятомъ заводѣ—не выдержавъ, вскричали нѣкоторыя горячія головы.

— Не все ли равно? Своимъ ревомъ онъ имъ не поможетъ—возразилъ хозяинъ!

Мехрабъ машинально поднялъ голову, печать горькой муки наложила клеймо на его лобъ, глаза горѣли отъ душевныхъ терзаній. Лицо выражало дикое рѣшеніе.

Въ это время онъ походилъ на разъярившагося льва, гото-ваго броситься на своего врага.

Нѣсколько мгновений онъ стоялъ неподвижно въ этомъ положеніи. Иванъ Григорьевичъ сердито и боязливо погляды-валъ на него.

Вдругъ, съ быстротой молніи Мехрабъ вскочилъ и бросил-ся съ своего мѣста....

— Да... правъ хозяинъ, нужно исполнить его приказаніе, нужно помогать, я готовъ работать....

Онъ рванулся впередъ... но ноги не повиновались ему, голова сразу опустилась и его громадное тѣло, какъ поражен-ное молніей, бездыханнымъ свалилось къ ногамъ Ивана Гри-горьевича на почернѣвшій трупъ брата.

— Заводъ мой, заводъ... помогите, Бога ради... разоренъ я!!

Перев. М. Меликъ-Каракозова.

*) Общеупотребительное восклицаніе на Востоку; имъ выражается удивленіе, боль, отчаяніе.

Общественное мнѣніе и партіи въ грузинской жизни.

Въ наше время жизнь всякаго культурнаго народа безъ общественнаго мнѣнія и образующихся на почвѣ этого послѣдняго партій превращается въ ничто: такой народъ не можетъ имѣть будущаго. Къ счастью, такихъ культурныхъ аномалій не существуетъ среди населяющихъ Кавказъ народностей и, на примѣръ, въ грузинской жизни какъ общественное мнѣніе, такъ и партіи опредѣлились сравнительно уже давно, и съ ними приходилось раньше и приходится въ данный моментъ считаться вполне серьезно.

Собственно политическая жизнь у грузинъ заглохла уже въ самый моментъ: присоединенія Грузіи къ Россіи. Присоединившись къ этой послѣдней и весьма туманно выговоривъ себѣ сохраненіе своихъ національныхъ особенностей, грузины забросили всякія политическія идеи въ сторону и всецѣло кинулись въ водоворотъ общерусской жизни. Частичная попытка снова возвратитъ Грузіи политическую самостоятельность, причемъ основой этой самостоятельности ставился самой чистой воды абсолютизмъ, уже потому одному не можетъ быть принята въ серьезъ, что эта попытка въ то время не встрѣтила полнаго сочувствія среди широкихъ круговъ грузинскаго населенія. Въ общемъ же грузины или, по крайней мѣрѣ, ихъ руководящіе круги, въ лицѣ родовой аристократіи, всецѣло отдались радостямъ и горестямъ чисто русской жизни, общія условія которой быстро распространились и на жизнь присоединившагося къ Россіи грузинскаго народа.

Съ теченіемъ времени прикрѣпленіе къ Россіи дѣлалось все болѣе и болѣе глубокимъ. Получая образованіе въ русскихъ школахъ, проводя университетскіе годы въ русскихъ умственныхъ центрахъ, увлекаясь совершающимся тамъ прогрессивнымъ движеніемъ, грузинская молодежь невольно переносила все вы-

несенное изъ русскихъ центровъ на родную почву, тѣмъ самымъ закрѣпляя свою идейную связь съ русскимъ обществомъ.

Вмѣстѣ съ прогрессивнымъ движеніемъ въ грузинскомъ обществѣ стало расти и національное самосознаніе. На смѣну родовой аристократіи народилась серьезная интеллигенція, вышедшая правда, изъ той же аристократіи, но смѣнившая узкій кругозоръ этой послѣдней на болѣе широкіе горизонты.

Одновременно народилась грузинская пресса, запечатлѣвшая, такъ сказать, окончательное появленіе въ грузинской жизни общественнаго мнѣнія. Въ грузинской литературѣ—въ стихахъ и прозѣ—послышались чисто гражданскіе мотивы, и народъ со всеми его скорбями сталъ излюбленнымъ объектомъ для изученія и изображенія у грузинскихъ писателей.

Вмѣстѣ съ тѣмъ общественная жизнь у грузинъ могла складываться и складывалась единственно лишь по тому же самому ранжиру, по какому укладывалась общерусская жизнь. Ничего оригинальнаго, чисто національнаго, грузинамъ при господствовавшемъ русскомъ режимѣ создать было немыслимо и волей неволей они вынуждены были сжать себя именно въ тѣ рамки, которыя не выходили за предѣлы полицейскаго усмотрѣнія.

Общественная дѣятельность грузинъ, вслѣдствіе указанныхъ условій, группировалась почти исключительно около дворянскихъ собраній, городского самоуправления, общественныхъ банковъ, разнаго рода коопераций, просвѣтительныхъ обществъ и промышленныхъ сѣздовъ. Сюда то широкою волною вливалось грузинское общественное мнѣніе, и разнообразныя грузинскія партіи здѣсь, въ узкой общественной сферѣ, получили свое первое крещеніе.

Существованіе широкаго общественнаго мнѣнія въ грузинской жизни не подлежитъ рѣшительно никакому сомнѣнію. Мало того, общественное мнѣніе здѣсь настолько сильно, что любого общественнаго работника оно можетъ, смотря по обстоятельствамъ, или выдвинуть, или уронить.

Съ силой этого мнѣнія не въ состояніи совладѣть ни клевета, ни инсинуація, и не мало охочихъ людей прибѣгало къ этимъ приемамъ, чтобы очернить и тѣмъ самымъ выбить съ позицій наиболѣе популярныхъ грузинскихъ дѣятелей, но все эти попытки, обыкновенно, разбивались о крѣпкую стѣну грузинскаго общественнаго мнѣнія, которое ко всемъ этимъ клеветамъ и инсинуаціямъ оставалось совершенно равнодушно, бодро поддерживая своимъ сочувствіемъ родныхъ дѣятелей.

Зато отъ дѣятелей, такъ или иначе запятнавшихъ своєю дѣ-

тельность, грузинское общественное мнѣніе отворачивается безъ всякой пошады. Дѣятели печальнаго типа рѣдко держатся долго на общественныхъ мѣстахъ, и развѣ только особенно неразборчивая въ средствахъ партія, нисколько не считающаяся съ господствующимъ общественнымъ мнѣніемъ, рискнетъ поддерживать ихъ.

Общественное мнѣніе у грузинъ настроено преимущественно прогрессивно, даже, можно сказать, радикально. Консерватизмъ вообще чуждъ грузинскому обществу, и оно прямо-таки съ жадностью воспринимаетъ всѣ новыя политическія теченія, всѣ свѣжія общественныя комбинаціи, и если въ глубинѣ его происходитъ серьезная партійная борьба, то не столько консерватизма съ радикализмомъ, сколько отдѣльно радикальныхъ партій другъ съ другомъ, и въ этой-то странной, непонятной на первый взглядъ борьбѣ и заключается вся тяжелая драма грузинской жизни, которая благополучно можетъ разрѣшиться только въ томъ случаѣ, если грузинамъ будетъ предоставлено право самостоятельно разрѣшать всѣ свои собственныя нужды. До того же эта драма, этотъ разладъ, даже въ чисто либеральныхъ теченіяхъ, легко можетъ повести къ самымъ печальнымъ результатамъ, такъ, какъ при условіи зависимости грузинской жизни отъ русской, въ борьбу легко можетъ быть вводимъ чуждый, весьма опасный, элементъ, который будетъ давать перевѣсъ не столько партіи, покоящейся на господствующемъ общественномъ мнѣніи, сколько партіи, сдѣлавшей такъ или иначе подслужиться чуждому элементу, безразлично будь-ли то чистѣйшей воды бюрократія или какая-нибудь главенствующая партія въ будущемъ русскомъ народномъ представительствѣ.

Партіи, какъ я уже сказала, составляютъ насущную необходимость всякой общественной жизни и, въ особенности, конечно, общественной дѣятельности. Безъ партійной борьбы, отстаивающей тѣ или другіе воззрѣнія и интересы, любая общественная жизнь рискуетъ обратиться въ полную мертвечину, въ стоячее болото, способное лишь только смердеть. Такія эпохи застоя и спокойствія, по справедливому замѣчанію одного молодого русскаго ученаго г. В. Хвостова (проф. московскаго университета), всегда становятся источникомъ бѣдствій для народа. Въ виду этого всякая оживленная общественная дѣятельность и неизбежно связанная съ ней борьба интересовъ и воззрѣній, по тому же компетентному мнѣнію, ни коимъ образомъ не могутъ считаться несчастьемъ для народа. Напротивъ, только въ такой дѣятельности и борьбѣ лежитъ источникъ бла-

госостоянія и культурнаго прогресса. „Народная жизнь—говоритъ проф. Хвостовъ,—есть непрекращающійся процессъ дѣятельности, въ основѣ которой лежитъ дѣятельность индивидовъ, вступающихъ между собою въ самыя различныя отношенія. И чѣмъ разнообразнѣе вкусы, стремленія и воззрѣнія индивидовъ, тѣмъ полнѣе и богаче содержаніемъ будетъ народная жизнь“.

Принципальныхъ доказательствъ вредности и неумѣстности партійныхъ организаций вообще не существуетъ. Ни патриотизмъ, ни просто идея справедливости не противорѣчатъ существованію партій, которыя, такимъ образомъ, вовсе не являются продуктомъ недостаточнаго развитія чувства справедливости или любви къ отечеству, слѣдовательно, вездѣ и всюду имѣютъ вполне законное право на существованіе. И грузинская жизнь въ этомъ отношеніи, конечно, не можетъ составить исключенія.

Но для характеристики партій въ современной грузинской жизни очень важно опредѣлить то оригинальное, то вполне самостоятельное, чѣмъ эта жизнь особенно рельефно выдѣляется изъ общекавказской жизни.

Грузинскій народъ имѣетъ свой собственный языкъ—и этимъ уже все сказано. Вся степень культурнаго развитія грузинской жизни можетъ измѣряться единственно лишь только тѣмъ, что имѣется на этомъ языкѣ. Масса народа не понимаетъ никакого другого языка, кромѣ своего родного, и слѣдовательно всѣ тѣ знанія, всѣ тѣ понятія, которыя не вмѣщены въ языкѣ націи, остаются для жизни этой послѣдней вполне чуждыми.

Языкъ для всей націи является наилучшимъ цементомъ для скрѣпленія разнородныхъ въ экономическомъ отношеніи группъ. Всѣ группы и всѣ партіи понятны для націи только тогда, когда защищаютъ неприкосновенность родного языка, когда всѣ свои идеи проводятъ въ жизнь именно на этомъ послѣднемъ, понятномъ для всѣхъ языкѣ.

Но структура современнаго общества покоится все же болѣе на экономическихъ отношеніяхъ, нежели на языкѣ. Вѣрнѣе сказать, языкъ составляетъ внѣшнюю оболочку всякаго общества, тогда какъ экономическія отношенія составляютъ его внутреннюю сущность. На почвѣ этихъ отношеній возникаютъ политическія идеи и формируются общественныя и политическія партіи.

Грузинская жизнь, однородная и цѣлая по языку, по занимаемой территоріи, несомнѣнно должна представлять изъ себя нѣчто цѣльное и какъ экономическая единица.

Существованіе богатства во всемъ мирѣ мнѣ представляет-

въ слѣдующемъ видѣ: богатство это одно во всемъ мирѣ и, какъ легко раскалывающійся комъ, оно въ известной пропорціи учеть которую, можетъ быть, и не въ силахъ человѣческихъ, раздѣляется между всѣми націями. Само собою разумѣется, что это богатство среди отдѣльныхъ націй распределяется крайне неравномѣрно, и смотря по степени культуры націи, по степени ея самодѣтельности и энергіи, отвоевываемыя части отъ этого кома въ одномъ случая больше, въ другомъ меньше. Но и отвоеванная отъ мірового богатства какой-нибудь отдѣльной націей часть внутри ея распределяется также неравномѣрно: однимъ достается большая часть, другимъ—меньшая; одни пресыщаются, другіе голодаютъ, и желѣзный законъ конкуренціи, требующій изощренности человѣческаго ума въ борьбѣ за существованіе, безжалостно раздѣляетъ большинство и пышно за счетъ раздѣляемыхъ одѣваетъ меньшинство.

Грузинская жизнь, скрѣпленная въ единое цѣлое языкомъ, территоріей и національными особенностями, конечно, не избѣгла этихъ обычныхъ для всѣхъ націй въ мирѣ условій.

Для констатированія неправильнаго распределенія богатствъ въ любой націи вовсе не требуется признанія въ ней непременно ясно выраженнаго капиталистическаго строя со всѣми атрибутами этого послѣдняго, устоявленнаго теоретиками капитализма. Фабрики могутъ не дымить, неимущіе въ фабричномъ колѣ могутъ и не вариться, всякая индустрія можетъ совершенно отсутствовать, и тѣмъ не менѣе неравномѣрное и несправедливое распределеніе богатствъ въ націи можетъ быть на лицо, и можетъ въ то же время составлять одно изъ наиболѣе уязвимыхъ мѣстъ въ національной жизни.

Грузины не могутъ быть отнесены къ особенно богатой націи. Скорѣе эта нація, пожалуй, даже бѣдная, нежели богатая. Только что выходя изъ пеленокъ крѣпостнаго права, при существованіи котораго, конечно, не могло быть мѣста энергичному и производительному труду, грузины не могли еще создать или, вѣрнѣе, найти въ своей жизни то, что могло бы ихъ обогатить, какъ націю. Но и при національной бѣдности, эксплуатация народнаго труда, никѣмъ и ничѣмъ не регулируемая, всегда существовала въ грузинской жизни, точно также, какъ существуетъ и теперь, какъ существуетъ вездѣ.

Находясь вполнѣ въ зависимости отъ общерусскихъ условій и потому опредѣляя свои отношенія, главнымъ образомъ, къ этимъ послѣднимъ, господствующее грузинское общественное мнѣніе долго упускало изъ виду, что и внутри самой націи су-

ществуютъ весьма опасныя, совершенно независимыя отъ того или иного русскаго давленія, скалы—экономическія противорѣчія. Общественное мнѣніе, питаемое только имущими классами, ложно предполагало, что неимущіе оставятъ вполнѣ въ покоѣ имущихъ, разъ только эти послѣдніе всегда будутъ стоять на стражѣ полной неприкосновенности грузинскихъ національныхъ особенностей.

Въ такую ошибку впала, главнымъ образомъ, націоналистическая часть грузинской интеллигенціи. Заботясь о чистотѣ грузинскаго языка, о сугубомъ сохраненіи всего грузинскаго, эта часть предполагала, что тѣмъ самымъ вполнѣ удовлетворяетъ всѣ чаянія широкихъ слоевъ грузинскаго народа, который, предполагалось, отъ такой патріотической дѣятельности имущихъ слоевъ будетъ только млѣть и безропотно предоставлять для ихъ благоденствія свою мускульную силу.

Эта націоналистическая партія въ грузинской жизни собственно не носитъ названія интеллигенціи, хотя къ ней принадлежатъ, между прочимъ, и представители несомнѣнно интеллигентныхъ профессій.

Считаю необходимымъ оговориться, что къ названной націоналистической партіи я вовсе не отношу тѣхъ интеллигентныхъ грузинъ, которые искренно любятъ свой родной языкъ и глубоко преданы своимъ національнымъ традиціямъ. Это свойство присуще всякому грузину. Подъ націоналистической партіей я разумѣю тѣ слои грузинскаго общества, которые, играя на патріотическихъ струнахъ своего народа, хотѣли составить себѣ прочное благополучіе. Эта партія въ ближайшемъ прошломъ дала себя особенно печально знать около отчасти городскихъ выборовъ, отчасти выборовъ въ грузинскіе дворянскіе земельные банки. Зловѣщія фигуры такихъ націоналистовъ заставляли о себѣ говорить, какъ все грузинское населеніе, такъ и вообще все Закавказье, причемъ господствующее грузинское общественное мнѣніе всегда было настроено негодующе противъ этихъ націоналистскаго типа героевъ.

За русской администраціей націоналистическая партія всегда очень умильно ухаживала и тѣмъ самымъ заручалась сочувствіемъ и поддержкой этой администраціи на случай борьбы съ несочувствующими ей элементами грузинскаго общества. Чтобы выслужиться передъ русскимъ чиновничествомъ, эта партія всегда была противъ всѣхъ либеральныхъ начинаній грузинскаго общества, въ родѣ, на примѣръ, такихъ безобидныхъ, какъ желаніе имѣть судъ присяжныхъ и земство. Свою оппозицію на-

националистская партия оправдывала передъ грузинскимъ обществомъ единственно лишь своимъ патриотизмомъ. По объясненію националистовъ выходило такъ, что они, собственно, не противъ введенія въ родную жизнь либеральныхъ учреждений, но такъ какъ русская власть можетъ ввести такія учреждения единственно лишь съ преобладаніемъ въ нихъ русскаго языка, то националисты находили лучшимъ при такихъ условіяхъ совсѣмъ отказаться отъ суда присяжныхъ и земства. Для враговъ националистовъ было вполне ясно, что националисты такой тактикой хотятъ убить двухъ зайцевъ: показать себя благонамѣренными въ глазахъ начальства, а въ глазахъ народа—сугубо преданными національнымъ традиціямъ.

Не нужно быть пророкомъ, чтобы предсказать, что эта националистская партия въ будущемъ русскомъ народномъ представительствѣ будетъ болѣе чѣмъ несомнѣнно ухаживать именно за той русской партией, которая въ данный моментъ будетъ господствующей. И если господами положенія будутъ либералы, то и грузинскіе националисты окажутся таковыми же; наоборотъ же при господствѣ консерваторовъ грузинскіе националисты попрежнему останутся консерваторами. Собственно говоря, принципиальныя воззрѣнія грузинскихъ националистовъ остаются чрезвычайно туманными, да и врядъ ли таковыя у нихъ имѣются. Они безошибочно могутъ быть отнесены къ тому типу общественныхъ дѣятелей, который еще Щедринъ опредѣлилъ крылатой фразой: „сейчасъ—блондинъ, сейчасъ—брюнетъ“.

Всегдашнимъ противникомъ охарактеризованной националистской партии является главнѣйшая партия въ грузинской жизни, извѣстная здѣсь подъ прямымъ названіемъ интеллигенціи. Въ составъ ея входятъ все прогрессивныя слои грузинскаго общества, за исключеніемъ лишь появившихся недавно грузинскихъ идеологовъ трудящихся классовъ, о которыхъ разговоръ будетъ ниже. Эта партия (интеллигенція) въ грузинской жизни наиболѣе активная и, можно сказать, единственно лишь при ея участіи до сихъ поръ складывалась культурная грузинская жизнь. Вся внѣшняя оболочка этой жизни, все эти мѣстные банки, сѣзды, общества, національный театр—все это создано именно той грузинской партией, которая вполне по праву именуется интеллигенціей, и работники которой разбросаны буквально во всѣхъ сферахъ грузинской жизни. Законное право на названіе интеллигенціи указанная партия имѣетъ хотя бы по тому одному, что въ составъ ея входитъ подавляющее число лицъ, получившихъ университетское образованіе, занимающихся таки-

ми интеллигентными занятіями, какъ врачевная, адвокатура и т. п. Принципиальныя воззрѣнія этой партии, составляющія главное ядро господствующаго грузинскаго общественнаго мнѣнія, отличаются широтою и несомнѣнною прогрессивностью. Даже дѣятельность чисто буржуазныхъ учреждений, какъ, напримѣръ, банковъ, промышленныхъ сѣздовъ и т. п., усиліями грузинской интеллигенціи направляются такъ, что многими своими сторонами они помогаютъ существованію разныхъ просвѣтительныхъ и вообще культурныхъ учреждений въ грузинской жизни. На прибыли банковъ существуютъ школы, библіотеки, народные дома. Изъ средствъ промышленныхъ сѣздовъ также напрямѣнно отчисляются днѣги на вспомошествованіе разнымъ культурнымъ учрежденіямъ, на учрежденіе стипендій для учащихся, на национальный театръ и т. п. Въ этомъ отношеніи грузинская интеллигенція, явившись еще въ небывалой для міровой интеллигенціи роли создательницы буржуазныхъ учреждений, сумѣла облагородить ихъ, придать имъ широкое культурное значеніе, показавъ тѣмъ самымъ, что интеллигенція ни въ какихъ, даже въ самыхъ буржуазныхъ условіяхъ, не теряетъ знамени просвѣщенія и культуры.

Буржуазія же, какъ классъ, въ грузинской жизни, пока мѣстъ, ничѣмъ себя не проявила, хотя появленіе ея на фонѣ грузинской жизни, конечно, не подлежитъ никакому сомнѣнію. Но грузинская буржуазія все еще стоитъ за кулисами, и, обостряя существующія въ грузинской жизни экономическія противорѣчія, все-таки явно своихъ классовыхъ аппетитовъ еще не обнаруживаетъ.

Грузинская интеллигенція, углубившись всецѣло въ дѣло культурнаго строительства родной жизни, вопросъ объ экономическихъ противорѣчійхъ въ этой послѣдней почти совсѣмъ игнорировала. Трудящіеся необезпеченные классы ее интересовали ровно постольку, поскольку можно было имъ предложить доступныя книги, популярныя чтенія и даровые спектакли. Трудящийся элементъ, какъ будущая активная сила, всегда могущая предъявить свои счеты, грузинскую интеллигенцію почти не занимала. И это вполне понятно, такъ какъ никакая группа, никакая партия въ мірѣ всеобъемлющей быть не можетъ.

Но грузинская жизнь познакомилась и съ идеологами трудящихся классовъ, явившихся теоретическими предтечами разыгрывающихся сейчасъ по всему Закавказью рабочихъ и крестьянскихъ волненій. Эти идеологи были месамѣдаси или третья партия въ грузинской жизни. Почему эта партия именовалась и

именуется въ грузинской жизни „третьей“ я, признаться, объяснить не могу, какъ это врядъ ли объяснить и любой интеллигентный грузинъ. Казалось бы, послѣ партій націоналистской и интеллигентной, она дѣйствительно является третьей, но врядъ ли это чисто порядковое обстоятельство послужило основой для ея названія. Вѣроятно, тутъ гораздо большее вліяніе имѣло марксистское опредѣленіе пролетаріата, какъ третьяго элемента. Именно выразителями требованій пролетаріата и заявили себя въ грузинской жизни представители месамэ-даси, сгруппировавшіеся вокругъ своего собственнаго органа печати— „Квали“, теперь уже не существующаго. Главнымъ вдохновителемъ месамэ-даси явился гуріецъ Ной Жорданія, какъ публицистъ далеко не блестящій, вслѣдствіе чего онъ и не сумѣлъ привлечь къ себѣ сочувствія наиболѣе широкихъ круговъ грузинскаго культурнаго общества. Наоборотъ, его наивно изложенныя статьи вызвали среди грузинской интеллигенціи самое пренебрежительное отношеніе, что крайне раздражало самолюбиваго и, главное, самовлюбленнаго публициста, который въ концѣ концовъ и объявилъ походъ противъ интеллигенціи, обвинивъ ее чуть ли даже не въ феодальныхъ и вообще крѣпостническихъ симпатіяхъ и стремленіяхъ. Къ этому походу примкнули всѣ неудачники, всѣ такъ или иначе озлобленные и обойденные на грузинскомъ жизненномъ пиру, и грузинская интеллигенція со стороны этой своеобразной коалиціи, считающей себя несомнѣнной сторонницей прогресса и такимъ образомъ хотя бы въ основныхъ принципахъ солидарной съ интеллигенціей, стала подвергаться самымъ ожесточеннымъ нападкамъ. Въ грузинской общественной жизни месамэ-дасисты заявили себя прямо таки нетерпимыми, и чтобы уничтожить ненавистную имъ интеллигенцію не брезговали соединиться въ борьбѣ противъ нея какъ съ нечистоплотной націоналистской партіей, такъ и съ еще менѣе чистоплотнымъ „Черноморскимъ Вѣстникомъ“ временъ Пальма. Такимъ образомъ, идеологія трудящихся классовъ въ грузинской жизни попала въ руки далеко не важныя, отчего трудовое движеніе и вспыхнуло для грузинскаго общества такъ неожиданно.

Совершенно ошибочно было бы думать, что это движеніе создали месамэ-дасисты. Что они первые предвидѣли его—этого, конечно, отрицать нельзя, но они не сумѣли дать этому предвидѣнію сколько-нибудь удовлетворительное теоретическое обоснованіе, отчего и съ этой стороны ихъ заслуга значительно меркнетъ. Практически же въ указанномъ движеніи они также неповинны, какъ неповиненъ никто въ могучемъ вѣшнемъ пото-

кѣ, прорывающемъ убогую плотину. Тѣмъ не менѣе месамэ-дасисты должны быть признаны довольно серіозной партіей, правда, только лишь въ чисто отрицательномъ смыслѣ, и въ современной грузинской жизни, партіей, вербующей своихъ членовъ, главнымъ образомъ, среди малокультурныхъ слоевъ грузинскаго населенія.

Такимъ образомъ, въ грузинской жизни могутъ быть намѣчены три главнѣйшія партіи—націоналистская, интеллигенція и месамэ-даси. И главное ядро въ грузинскомъ общественномъ мнѣніи составляетъ все-таки интеллигенція, которая въ будущемъ болѣе чѣмъ несомнѣнно, объединивъ въ себѣ всѣ культурные слои грузинскаго общества, какъ изъ рабочаго класса, такъ и буржуазіи, дастъ совершенно новую партійную группировку. Но для этого крайне необходимо, чтобы грузины получили полную самостоятельность въ своемъ національномъ и политическомъ самоопредѣленіи. До того же группировка партій будетъ оставаться прежняя, и эти партіи, въ своихъ раздорахъ легко могущія прибѣгать къ тому или другому русскому давленію, скорѣе будутъ разрушать, нежели созидать національную грузинскую жизнь. А такое разрушеніе въ свою очередь ничего, кромѣ постоянныхъ неприятностей, для общерусской жизни принести не можетъ, и будущему русскому народному представительству вѣчно придется возиться съ грузинскими недоразумѣніями, какъ будто бы съ какой-нибудь застарѣлою язвой. Не лучше ли было бы эту болѣзнь предупредить въ самомъ же началѣ, предоставивъ грузинамъ полную свободу устраиваться такъ, какъ они хотятъ. Право, этимъ бы много человѣческой крови и нервовъ было бы сохранено, и какъ грузинскіе, такъ и русскіе интересы отъ этого только бы выиграли.

Ом.

Вопросъ объ армянскихъ церковныхъ школахъ въ Россіи.

(Историческія справки).

Просвѣщеніе своей паствы, народа, обученіе и воспитаніе его армянская церковь признаетъ одной изъ главнѣйшихъ обязательныхъ функций своей дѣятельности. Насажденіе христіанской нравственности, развитіе христіанскаго міросозерцанія не можетъ имѣть успѣха тамъ, гдѣ массѣ народной, коснѣющей во тьмѣ невѣжества и безграмотности, не доступно даже священное писаніе, въ особенности евангеліе. Естественно поэтому, развитіе христіанской церкви привело къ развитію христіанской письменности и возникновенію церковно-школьной дѣятельности. На поприщѣ церковно-просвѣтительной дѣятельности въ свое время подвизались лучшіе, передовые просвѣщеннѣйшіе члены и силы церковнаго организма. Въ эпоху древнѣйшую такой силой выступало духовенство и монашество, создававшіе и руководившіе, подъ сѣнью церковныхъ установленій, учебныя заведенія, какъ органы просвѣщенія народа. Школы эти то основывались отдѣльными, частными лицами, большей частью изъ духовныхъ, то открывались самими церковными учрежденіями, въ старину большей частью монастырями. Въ цвѣтушую пору своей дѣятельности многіе изъ армянскихъ монастырей прошлыхъ вѣковъ являлись университетами своего времени, группировавшими въ своихъ стѣнахъ лучшихъ ученыхъ („вардапетовъ“) и книжниковъ, составлявшихъ, умножавшихъ и собиравшихъ въ своихъ библіотекахъ громадныя коллекціи рукописей по всѣмъ отраслямъ знаній, и черезъ учениковъ слушателей посильно распространявшихъ научное достояніе свое во всѣ слои народа. Но къ началу XVIII столѣтія всѣ эти свѣтоочи—монастыри стали лишь достояніемъ исторіи. Послѣ многовѣкового разоренія

подъ варварскимъ владычествомъ монгольскихъ ордъ, цвѣтушіе монастыри-университеты обратились въ опустѣвшіе монастыри-руины, охраняемыя пустынноиками-настоятелями.

Церковно-учебныя заведенія современнаго типа не стоятъ въ неразрывной преемственности со своими предшественниками прошлаго времени, когда разсадниками образованія являлись главнымъ образомъ монастыри, стяжавшіе въ свое время славу не только учебныхъ, но и ученыхъ заведеній. Временемъ возникновенія армянскихъ церковныхъ учебныхъ заведеній современнаго типа надо считать начало XIX столѣтія. Конецъ XVIII и начало XIX вѣковъ въ жизни армянскаго народа и церкви ознаменованы живымъ стремленіемъ къ преобразованіямъ, улучшенію существовавшаго и созданіемъ новыхъ культурныхъ учреждений и порядковъ, необходимость которыхъ ясно сознавали лучшіе, передовые представители церковной общины и іерархіи. Какъ и въ прежнее время—школы были двухъ видовъ,—однѣ содержимыя частными лицами, другія—церковными установленіями. Но, не говоря о коренномъ измѣненіи существовавшаго учебнаго дѣла, программъ и педагогическихъ приемовъ, мы видимъ рѣзкую перемѣну уже и во внѣшней постановкѣ школьнаго дѣла*). Частныя учебныя заведенія вымираютъ, не будучи въ состояніи конкурировать со школами церковныхъ установленій. Въ то же время среди послѣднихъ нынѣ уже главными дѣятелями выступаютъ приходскія церкви, монастырямъ же въ общемъ не удается вернуться къ былой учебной и ученой своей дѣятельности.

Хотя школы, устраиваемыя отдѣльными, въ особенности духовными лицами, также состояли подъ наблюденіемъ церковныхъ властей, все же онѣ, строго говоря, не являлись органами просвѣтительной дѣятельности самой церкви; ибо церковныя установленія являлись лишь органами надзора, не неся ника-

*) Для ознакомленія съ порядками, существовавшими въ теоріи и практикѣ армянскихъ учебныхъ заведеній начала XIX столѣтія и ихъ постепеннымъ преобразованіемъ служить капитальный трудъ (на армянскомъ языкѣ) покойнаго Ерицова, оставшійся недоконченнымъ за смертью автора; напечатанъ лишь первый томъ, обнимающій періодъ времени 1824—1850 года. Трудъ этотъ, „Исторія 75-тилѣтняго существованія армянскаго духовнаго Нерсисянъ училища, что въ Тифлисѣ“, написанъ и напечатанъ по порученію и на средства попечительства тифлисской епархіальной семинаріи патріарха католикоса Нерсеса къ исполненію въ 1899 году 75-лѣтію ея. Посвященный собственно исторіи Нерсисянъ семинаріи, трудъ Ерицова имѣетъ и болѣе общее значеніе, такъ какъ попутно упоминаетъ и описываетъ существовавшіе общіе школьные порядки, къ тому же Нерсисянъ се-

кихъ заботъ объ устройствѣ и управленіи этихъ школъ. Это были, собственно говоря, частныя школы, по традиціи лишь подчиненныя надзору церкви, а не государства; открывали и руководили ими въ большинствѣ случаевъ священнослужители или кандидаты священства („тирацу“), обыкновенно у себя на дому; и это традиціонное право армянскихъ духовныхъ лицъ было за ними официально признано правительствомъ въ 1846 году, разрѣшеніемъ армянскимъ священникамъ учреждать свои школы (см. Варадиновъ „Исторія министерства внутреннихъ дѣлъ“, часть III, книга 3, стр. 328).

Съ развитіемъ церковно-общественной жизни эти церковно-частныя школы начинаютъ выводиться, вытѣсняясь школами, открываемыми и завѣдываемыми не отдѣльными лицами, а церковными установленіями (приходскими церквами, епархіальными попечительствами, монастырями). Нѣсколько такихъ школъ было еще въ 1875 году (см. списокъ школъ, бывшихъ въ вѣдомствѣ армянской церкви въ Россіи, составленный эчмиадзинскимъ синодомъ по порученію патріарха католикоса Кеворка и представленный высшему кавказскому начальству). Не представляя особаго интереса въ педагогическомъ отношеніи, незначительныя по числу, школы эти стояли особнякомъ и не были вовлечены въ сферу вопроса объ армянскихъ церковныхъ школахъ. Въ дальнѣйшемъ изложеніи мы ихъ не будемъ имѣть въ виду.

Первое общее законодательное признаніе за армянской церковью права имѣть собственныя церковныя школы въ Россіи мы находимъ въ „Положеніи объ управленіи дѣлами армяно-григоріанской церкви въ Россіи“, Высочайше утвержденномъ въ 1836 году. Оно установило и санкціонировало двоякаго рода церковныя учебныя заведенія: 1) „учебныя заведенія, находящіяся при монастыряхъ и церквахъ“ (см. § 66 положенія 1836—ст. 1178 по изд. 1896 г. св. зак. XI т. ч. I) и 2) „духовныя семинаріи“ (§§ 111—116 пол.—ст. 1206—1210 по изд. 1896 г.)^{*}). Школы перваго рода—общеобразовательныя, школы втораго рода—церковно-профессіональныя, имѣющія цѣлью „образованіе армяно-гри-

минарія, являясь „матерью“ армянскихъ учебныхъ заведеній въ Закавказьи и примѣромъ для другихъ, въ исторіи своей долгое время отражала исторію общихъ школьныхъ порядковъ армянскихъ училищъ. Много цѣнныхъ матеріаловъ по статистикѣ и исторіи армянскихъ школъ хранится въ архивахъ армянскихъ духовныхъ правленій въ провинціальныхъ городахъ въ ожиданіи когда нибудь найти интересующагося.

^{*}) О школахъ духовныхъ лицъ положеніе не упоминаетъ; ихъ существованіе было узаконено лишь въ 1846 г.

горіанскаго юношества въ наукахъ богословскихъ“ (пол. § 116—ст. 1206). Положеніе 1836 г. особое вниманіе обратило на школы послѣдняго типа, посвятивъ имъ цѣлую отдѣльную главу (Глава VIII, §§ 112—116); задаваясь, между прочимъ, задачей поднятія образовательнаго уровня армянскаго духовенства и упорядоченія церковной администраціи, оно, естественно, должно было озаботиться организаціей учебныхъ заведеній, призванныхъ готовить достойныхъ священнослужителей и служителей церкви вообще. Общеобразовательнымъ же церковнымъ школамъ положеніе не посвятило даже и одной спеціальной статьи. Оно лишь косвенно упоминаетъ о ихъ существованіи, когда въ § 66 (ст. 1178), помѣщенномъ въ IV-ой главѣ („О епархіальныхъ начальникахъ армяно-григоріанской церкви“), обязываетъ епархіальныхъ начальниковъ обращать тщательное вниманіе на состояніе учебныхъ заведеній, находящихся при монастыряхъ и церквахъ“, а въ § 77, п. 13 (ст. 1188, п. 13), посвященномъ консисторіямъ, къ кругу дѣйствій епархіальныхъ консисторій армяно-григоріанской церкви относитъ „веденіе вѣрныхъ списковъ о числѣ учителей и учениковъ, находящихся въ училищахъ при церквахъ, Разграниченіе этихъ двухъ видовъ церковныхъ учебныхъ заведеній (общеобразовательныхъ и профессіональныхъ), строго проводимое закономъ, первыя десятилѣтія послѣ изданія положенія 1836 г. на практикѣ ступевывалось, представляясь скорѣе различіемъ въ степени, чѣмъ въ типѣ; общеобразовательныя училища были съ курсомъ начальныхъ школъ и прогимназій (четырёхклассныя), профессіональныя же имѣли или стремились имѣть полный курсъ средней школы (семинаріи); различіе же въ учебныхъ программахъ было не такъ велико и опять таки выражалось болѣе въ степени, чѣмъ въ принципѣ. Но принципиально различная законодательная постановка церковно-общеобразовательныхъ и церковно-профессіональныхъ школъ рѣзко обозначилась съ возникновеніемъ „вопроса“ объ армянскихъ церковныхъ школахъ. Вся исторія сношеній, пререканій, недоразумѣній и инцидентовъ, именуемая „армянскимъ церковно-школьнымъ вопросомъ“, касалась исключительно школъ церковно-образовательныхъ; духовно-учебныя же заведенія и понынь существуютъ на томъ же основаніи, какія были установлены въ главѣ VIII положенія 1836 г. (Раздѣлъ седьмой по изд. 1896 г.); у нихъ нѣтъ исторіи; ихъ не коснется настоящей мой бѣглый историческій очеркъ.

Положеніе 1836 г., какъ сказано, лишь признало и санкціонировало за армянскою церковью право открывать и завѣдывать

собственныя (церковныя) общеобразовательныя учебныя заведенія. Не посвящая имъ особыхъ статей, оно съ своей стороны не пыталось регламентировать ихъ организацію и дѣятельность; узаконяя фактъ ихъ существованія, оно тѣмъ самымъ узаконило и ту форму, въ которой церковныя общеобразовательныя школы существовали по традиціямъ и порядкамъ самой церкви. Какъ извѣстно, положеніе 1836 г. въ общемъ, такъ сказать, инкорпорировало и снабдило санкціей государственнаго закона „собственныя установленія армянской церкви“. Въ отношеніи общеобразовательныхъ церковныхъ школъ положеніе слѣдовало тому же общему принципу, предоставляя ихъ всецѣло собственному регулированію подлежащихъ церковныхъ властей сообразно каноническимъ постановленіямъ армянской церкви, и тѣмъ естественнѣе было такъ поступать положенію 1836 г., разъ оно представляетъ собой сводъ главныхъ положеній объ основныхъ порядкахъ и крупныхъ, притомъ церковно-бюрократическихъ учрежденій армянской церкви; общеобразовательныя же церковныя школы по организаціи своей являлись мелкими единицами церковно-общественнаго (а не бюрократическаго) типа и къ тому же, какъ мы увидимъ, даже не имѣли самостоятельнаго юридическаго бытія.

Какова была юридическая форма существованія этихъ школъ? Разъ положеніе 1836 г. ограничивается лишь признаніемъ ихъ, какъ онѣ уже были до того, то для разрѣшенія этого вопроса надо бы было обратиться къ установленіямъ самой церкви, касающихся этихъ школъ. Но дѣло въ томъ, что положеніе при упоминаніи объ общеобразовательныхъ церковныхъ школахъ даетъ имъ, такъ сказать, описательное наименованіе, нѣкоторымъ образомъ какъ бы опредѣляющее образъ этихъ учебныхъ заведеній. Такъ, статьи положенія называютъ ихъ „учебными заведеніями, находящимися при монастыряхъ и церквахъ“ (§ 66—ст. 1178) или просто „училищами при церквахъ“ (§ 77, п. 13—ст. 1181, п. 13). На эти выраженія можно было бы и не обращать особаго вниманія; они, конечно, лишены значенія и точности терминовъ; для разграниченія „духовно-учебныхъ“ (профессиональныхъ) заведеній отъ церковно-общеобразовательныхъ положеніе 1836 г. прибѣгло къ такому описательному приему; оно не занималось ими, чтобы стараться и умѣть точно опредѣлить ихъ существенный отличительный признакъ. Но въ виду того, что съ точнымъ и истиннымъ смысломъ этихъ словъ связано вѣрное пониманіе юридической постановки приходскихъ и монастырскихъ школъ, а также невѣрно понятія они впослед-

ствіи фигурировали въ качествѣ основаній для притѣсненія армянскихъ церковныхъ школъ, необходимо здѣсь остановиться на выясненіи ихъ правильнаго смысла. Тѣмъ болѣе, что въ настоящей статьѣ мы имѣемъ въ виду не изложеніе каноническихъ церковно-школьныхъ порядковъ, а анализъ именно государственныхъ законовъ о церковно-общеобразовательныхъ школахъ.

Итакъ, что надо понимать подъ выраженіемъ „при“ въ текстѣ статьи закона и каково положеніе приходскихъ и монастырскихъ школъ относительно приходскихъ церквей и монастырей, *при* которыхъ они состоятъ? Какъ монастыри, такъ и церкви являются отдѣльными юридическими лицами и самостоятельными церковно-правительственными единицами, субъектами, обладающими и распоряжающимися собственными правами и обязанностями; что же касается училищъ при монастыряхъ и церквахъ, то они являются ихъ принадлежностью, ихъ объектомъ. Именно въ этомъ смыслѣ юридической принадлежности, а не топографической смежности и надо понимать выраженіе „при“ текста закона *). Если даже и допустить, что въ данномъ случаѣ, по буквальному смыслу текста статьи, факта физическаго соседства отрицать нельзя, (въ особенности выраженія „находящихся *при*...“), все же необходимо признать, что фактъ мѣстной близости самъ по себѣ никакого интереса не представляетъ и какъ таковой вовсе не удостоился бы упоминанія въ текстѣ закона, если бы не разсматривался въ качествѣ лишь нагляднаго свидѣтельства о юридической смежности.

Трудно допустить, чтобы кто-нибудь изъ лицъ, хоть сколько нибудь причастныхъ юридическому мышленію, могъ понимать данное выраженіе текста закона въ столь грубо-материальномъ смыслѣ. Если же большей частью церковныя школы устраивались въ соседствѣ церкви, то не потому, чтобы это требовалось закономъ или логическимъ понятіемъ церковной школы, а просто потому, что въ церковномъ дворѣ въ большинствѣ случаевъ оказывался хоть небольшой участокъ свободной земли, которую безвозмездно можно бывало отвести для училищнаго зданія; да и само зданіе церкви, центра приходской жизни, дѣятельности приходскихъ органовъ и самого прихода, обыкновенно оказывалось въ наиболѣе удобномъ и доступномъ для

*) Въ аналогичномъ положеніи состоятъ благотворительныя („богоугодныя“) заведенія армянской церкви въ Россіи, которыя въ § 117 положенія (ст. 1213) прямо и названы „принадлежащими церквамъ и монастырямъ“.

приходскихъ семействъ мѣстѣ. Уставъ армянскихъ церковно-приходскихъ школъ 1868 года, (см. журналъ „Араратъ“ 1868 г., № 6), въ 4-й своей статьѣ устанавливалъ: „Приходскія школы должны быть во дворѣ подлежащихъ церквей, если же тамъ не будетъ удобнаго мѣста, то вблизи церкви“. Матеріальное же пониманіе близости вытекаетъ изъ вульгарнаго отождествленія понятій церкви и монастыря съ понятіями зданія церкви (храма) и зданія монастыря; между тѣмъ и церковь и монастырь суть прежде всего общественныя установленія и учрежденія, вполне независимыя отъ топографическихъ условій; стоитъ лишь отбросить вульгарное понятіе о церкви и монастырѣ, и къ толкованію и пониманію текста вышеупомянутыхъ статей подойти съ истиннымъ пониманіемъ этихъ установленій, чтобы нелѣпность матеріальнаго объясненія смежности сама собой стала ясной; вѣдь учрежденіе не есть тотъ домъ, то зданіе, въ которомъ засѣдаютъ его представители, и „быть при данномъ учрежденіи“ вовсе не значитъ быть въ мѣстномъ сосѣдствѣ съ нимъ. Однако, тяготѣніе зданія церковной школы къ зданію церкви вполне естественно; школа могла бы устроиться и въ самомъ зданіи церкви, если бы школа была мала, а церковь велика и, въ смыслѣ архитектурномъ, удобна, не забудемъ, что церковь, по внутреннему существу своему, есть школа. По канонической конструкции, церковная школа—„преддверіе“ *) церкви, приготовительная стадія церковнаго просвѣщенія, тѣсно примыкающая и нераздѣльно связанная съ ней. Тѣмъ не менѣе мѣстная близость только естественна, но не существенна; бываетъ, что церковно-учебное заведеніе (напр. епархіальная семинарія), юридически не состоящее ни при какой церкви, матеріально устроено во дворѣ церкви, а приходское или монастырское училище находится не въ сосѣдствѣ своей церкви или своего монастыря.

Итакъ, слѣдовательно, приходскія и монастырскія учебныя заведенія не являлись юридически обособленными установленіями, особыми юридическими лицами, самостоятельными субъектами правъ и обязанностей, существуя юридически въ качествѣ принадлежностей, какъ бы составныхъ нераздѣльныхъ частей, церквей и монастырей, они являлись просто одной изъ функций въ кругѣ дѣятельности этихъ церковныхъ учреждений. Такъ, напр., приходское училище есть одно изъ предметовъ многосторонней дѣятельности прихода, въ лицѣ его главнаго распорядителя,

*) Церковныя общеобразовательныя школы названы „считающимися преддверіемъ церкви“, напр., въ бумагѣ патріарха-католикоса Кеворка, обращенной Великому Князю намѣстнику 1-го іюля 1874 г., № 249.

дителя, приходского собранія (см. „приходской уставъ армянской апостольской св. церкви“ журналъ „Араратъ“ 1902 г., № 3—4), и еще вышеупомянутый уставъ армянскихъ приходскихъ училищъ 1868 г. обязывалъ всѣ, какъ городскія, такъ и деревенскія церкви имѣть приходскую школу (ст. 3). Нераздѣльная принадлежность приходской школы приходской церкви, конечно, нисколько не мѣшаетъ, чтобы приходское собраніе, общій и главный распорядитель и руководитель всего приходского управленія, для этой своей функции избрало особую комиссію (попечительство приходского училища) для спеціальнаго веденія этой отрасли приходского дѣла; представляя особенную важность, требуя спеціальной подготовленности и попеченія, школьное дѣло нуждается въ особомъ, преимущественно ему посвященномъ, завѣдывающемъ органѣ; но этотъ органъ не пользуется самостоятельностью по отношенію къ приходскому собранію, а зависимъ и подчиненъ ему, подобно тому какъ и школа приходская „зависитъ“, принадлежитъ приходской церкви.

Итакъ, единственное указаніе, какое было дано въ положеніи 1836 г. относительно формы и вообще организациі общеобразовательныхъ церковныхъ учебныхъ заведеній—это ихъ принадлежностное, несамостоятельное существо. Во всемъ школы эти были предоставлены въ исключительное вѣдѣніе армянскихъ церковныхъ властей, они и управлялись церковными органами на основаніи уставовъ и постановленій, утвержденныхъ патріархами католикосами. На этихъ основаніяхъ зиждились армянскія церковно-общеобразовательныя школы вплоть до начала 70-хъ годовъ. Въ этомъ же состояніи имѣетъ ихъ въ виду еще „Положеніе объ учебной части на Кавказѣ и за Кавказомъ“ 1867 г.

Подъ сѣнью закономъ признанной свободы и самостоятельности армянская церковь въ теченіе времени умножала и улучшала ея же открываемыя, содержимыя и управляемыя школы. Здѣсь не мѣсто прослѣдить статистику роста армянскихъ церковныхъ школъ, а равно и эволюцію ихъ учебныхъ и административныхъ порядковъ.

Пусть мнѣніе извѣстнаго на Кавказѣ государственнаго дѣятеля укажетъ на положеніе и развитіе армянскаго церковно-школьнаго дѣла къ началу семидесятыхъ годовъ минувшаго вѣка. Начальникъ главнаго управленія намѣстника кавказскаго, баронъ Николай, въ официальной бумагѣ писалъ въ 1874 году патріарху католикосу Кеворку: „изъ собственнаго болѣе нежели 20-лѣтняго опыта и наблюденія я знаю, что въ предѣлахъ Кавказскаго и Закавказскаго края существуетъ очень много

церковно-приходскихъ и другихъ школъ, содержимыхъ армянскими городскими обществами, при участіи и пособіи изъ церковныхъ суммъ, въ которыхъ просвѣщенная попечительность ихъ сихъ обществъ и церквей создала разсадники общаго для всѣхъ сословій и поприщъ образованія, и гдѣ преподаются общія познанія. Среди этихъ церковно-общеобразовательныхъ учебныхъ заведеній были и начальныя школы, содержимыя отдѣльными приходскими церквами или монастырями, и училища съ семилѣтнимъ курсомъ (три приготовительныхъ отдѣленія и четыре основныхъ класса), содержимыя монастырями или всѣми приходскими церквами городовъ, являвшихся центромъ (резиденціями) викаріата или благочинническаго округа, при пособіи отъ наиболѣе состоятельныхъ церквей того же округа,—были школы и съ полнымъ курсомъ средне-учебныхъ заведеній (семинаріи), содержимыя на общепархіальныя средства.

Но обстоятельства мѣняются, когда на Кавказѣ организуется отдѣльное центральное управленіе учебною частью, и въ особенности учреждается особый кавказскій учебный округъ съ попечителемъ во главѣ (въ 1868 году). Организовавшееся кавказское учебное начальство выступило съ вполне опредѣленной вѣдомственной программой политики и дѣйствій по отношенію къ „иновѣдомственнымъ“, особенно армянскимъ церковнымъ школамъ. Правда, эта программа не была ни оглашена, ни выставлена официально, въ особенности первое время; вначалѣ учебное вѣдомство само даже и не показывалось на поприщѣ отстаиванія своихъ вѣдомственныхъ интересовъ, добиваясь своихъ цѣлей, проведенія своей программы черезъ и даже отъ имени общей администраціи; что особенно легко было ему, благодаря тѣсной связи его съ общимъ высшимъ управленіемъ гражданскою частью на Кавказѣ (до 1882 г. управленіе учебнаго округа даже входило, какъ составная часть, въ главное управленіе намѣстника; но и послѣ 1882 г., съ упраздненіемъ намѣстничества, тѣсная связь не только не порывалась, но даже переходила въ полную солидарность). Тѣмъ не менѣе о существованіи программы кавказскаго учебнаго вѣдомства не трудно заключить изъ строгой методичности и упорства его домогательствъ; содержаніе же программы раскрывается существомъ тѣхъ требованій, какія настойчиво предъявлялись къ армянской церкви относительно подвѣдомственныхъ ей школъ. Для раскрытія политики кавк. учебн. округа можно пользоваться и тѣми, правда сдержанными, намеками и указаніями, которыя находимъ въ ежегодныхъ отчетахъ попечителя этого округа, въ особен-

ности за время восьмидесятихъ и девяностыхъ годовъ.

И вотъ, по инициативѣ и стараніями кавказскаго учебнаго округа, создается не существовавшая дотолѣ армянскій церковно-школьный вопросъ. Начало этому вопросу положено мнѣніемъ государственнаго совѣта, Высочайше утвержденнымъ 22-го ноября 1873 г.; согласно 8-му пункту этого мнѣнія на директоровъ и инспекторовъ народныхъ училищъ возлагалось наблюденіе за церковно-приходскими школами иновѣрческихъ исповѣданій, причемъ инспектора народныхъ училищъ должны были руководствоваться инструкціей 1871 г.

Въ январѣ 1874 г. начальникъ главнаго управленія намѣстника кавказскаго, баронъ Николаи, препровождая патриарху католикосу Кеворку копию съ упомянутаго мнѣнія государственнаго совѣта и выписку изъ инструкціи инспекторамъ народныхъ училищъ, по порученію Великаго Князя намѣстника, просилъ его святѣйшество предложить таковыя къ руководству и исполненію, въ чемъ до кого касаться можетъ, подвѣдомымъ ему епархіальнымъ начальствамъ, а также всѣмъ до того находившимся въ исключительномъ завѣдываніи армяно-григоріанскаго духовнаго вѣдомства церковно-приходскимъ и всякимъ инымъ училищамъ, за исключеніемъ духовныхъ семинарій, остающихся въ вѣдѣніи духовнаго начальства на прежнемъ основаніи.

Патриархъ католикосъ справедливо усмотрѣлъ въ этомъ чувствительное ограниченіе правъ армянской церкви, признанныхъ за ней Высочайше утвержденнымъ положеніемъ 1836 г. Въ отвѣтныхъ бумагахъ своихъ на имя барона Николаи католикосъ Кеворкъ писалъ: изъ правъ, дарованныхъ армянской церкви Августѣйшими Монархами Россіи, самое существенное и стяжавшее искреннюю признательность армянскаго народа,—есть право армянскаго духовенства имѣть на основаніи 975 и 1002—1004 ст. IX т. I ч. св. зак. изд. 1857 г. (ст. 1178 и 1206—1210 по изд. 1896 г.) учебныя заведенія для обученія юношества общеплезнымъ наукамъ, особливо же родному языку, и воспитанія его въ духѣ религіи своей, кои, т. е. языкъ и религія, суть драгоцѣнный залогъ, завѣщанный намъ нашими предками. Усматривая, что теперь условія народнаго образованія подвергаются измѣненію, католикосъ счелъ долгомъ, по званію своему, обратиться къ предусмотрительной осторожности, дабы предполагаемое въ отношеніи къ армянскимъ школамъ преобразование не оставило тяжкаго впечатлѣнія на чадъ армянской церкви, духовныхъ и свѣтскихъ, живущихъ въ Россіи и за границей. Согласно Высочайше утвержденному положенію 1836 г., армян-

скому церковному начальству предоставлено право имѣть въ своемъ полномъ и исключительномъ завѣдываніи собственныя учебныя заведенія; подлежащія статьи названнаго законоположенія не отмѣнены и продолжаютъ оставаться дѣйствующимъ закономъ. Къ тому же армянскія церковныя школы, состоя подѣ наблюдениемъ Высочайше утверждаемыхъ епархіальныхъ начальниковъ и ихъ викаріевъ, никогда не уклонялись отъ своихъ обязанностей и не представляли никакихъ вредныхъ политическихъ послѣдствій; во всѣхъ училищахъ обязательно преподается государственный языкъ. Въ виду этого примѣнительно къ армянскимъ церковнымъ школамъ представляется невозможнымъ принять къ руководству и исполненію инструкцію инспекторамъ народныхъ училищъ, тѣмъ болѣе что ясно и точно не опредѣлены отношенія инспекторовъ къ армянскимъ церковнымъ школамъ. Необходимо разъяснить, какъ надо, 8-й пунктъ вышеупомянутаго мнѣнія государственнаго совѣта, чтобы онъ не повелъ къ нарушенію Высочайше дарованныхъ армянской церкви правъ и тѣмъ самымъ не вызвалъ неудовольствія противъ церковнаго начальства, на которомъ лежитъ обязанность заботиться о сохраненіи цѣлостности тѣхъ правъ. Какъ было до того времени, такъ и въ будущемъ, преподаваніе русскаго языка будетъ обязательно во всѣхъ подвѣдомственныхъ армянскому церковному начальству училищахъ; географія и исторія Россіи будутъ преподаваться въ тѣхъ училищахъ, въ коихъ преподаются вообще исторія и географія. Католикосъ далекъ отъ мысли отвергать наблюдение правительства за церковными школами; двери армянскихъ церковныхъ школъ открыты не только для инспекторовъ народныхъ училищъ, но и для всякаго правительственнаго лица, а также для любознательныхъ; и патріархъ католикосъ не только не избѣгаетъ означеннаго наблюдения за ними, но, напротивъ, утѣшаетъ себя той мыслью, что наблюдениемъ этимъ еще болѣе укрѣпится довѣріе правительства къ школамъ и къ учредителямъ, а также къ духовенству армянскому, всегда свято исполняющему обязанности свои. Но чтобы примѣненіе и исполненіе новаго распоряженія не вызвало коллизіи со старымъ, продолжавшимъ оставаться въ силѣ, законоположеніемъ и вообще недоразумѣній, необходимо точно и ясно опредѣлить: въ чемъ именно и въ какой формѣ должно выражаться означенное въ упомянутомъ мнѣніи государственнаго совѣта наблюдение, дабы оно не противорѣчило 975 ст. XI т. I ч. св. зак.

До того времени управленіе церковными общеобразовательными школами всецѣло подлежало самостоятельному безраз-

дѣльному вѣдѣнію церковныхъ властей. Теперь мнѣніемъ государственнаго совѣта въ томъ же управленіи извѣстная доля правъ и власти предоставлялась одновременно и государственному учебному вѣдомству. Создавалось двоевластіе. Не касаясь здѣсь вопроса о пагубности всякаго двоевластія вообще, нельзя однако, не упомянуть, что при отсутствіи точнаго разграниченія сферъ власти и предметовъ распоряженія, двоевластіе неизбежно обращается въ хроническій хаосъ, въ узаконенную анархію. Но если, при установленіи двоевластія, точное разграниченіе правъ было необходимо, то не менѣе важно было и то, какъ будутъ права подѣлены, и что кому достанется.

Тревожное недоумѣніе, овладѣвшее церковной властью, было вполне основательно. 8-й пунктъ мнѣнія государственнаго совѣта инспекторамъ народныхъ училищъ надъ армянскими церковными школами давалъ лишь право *наблюденія*; причемъ тотъ же пунктъ вполне категорически наблюденіе противопоставлялъ *завѣдыванію*. Между тѣмъ по инструкціи 1871 г. инспектора получали почти всю полноту власти надъ армянскими церковными школами. Отвѣчая на вопросъ, поставленный патріархомъ католикосомъ на разрѣшеніе, баронъ Николаи (согласно съ требованіями инструкціи) такъ разъяснялъ тѣ отношенія, въ которыхъ инспектора народн. училищъ имѣютъ стать къ церковно-приходскимъ школамъ. Армянскія церковно-приходскія школы доселѣ находились подѣ исключительнымъ наблюдениемъ церковныхъ властей какъ въ духовно-просвѣтительномъ, такъ и въ педагогическомъ отношеніяхъ. Нынѣ же надзоръ за преподаваніемъ и вообще учебно-педагогическое наблюдение за этими школами возложены на инспектора народныхъ училищъ. Функціи, возложенныя на инспекторовъ, далѣе опредѣляются еще опредѣленнѣе и подробнѣе. Они наблюдаютъ за правильнымъ и систематическимъ обученіемъ, за предметами и способами преподаванія, вообще за всей учебной частью, а равно и за личностью преподавателей, причемъ дѣятельность инспекторовъ и надзирательная руководящая, и полечительная.

Такимъ образомъ, дѣлежъ не былъ равный, и учебному вѣдомству доставалась поистинѣ львиная доля въ управленіи армянскими церковными школами. Роль же церковныхъ властей сводилась лишь къ платоническому духовно-нравственному вліянію...

Послѣ безрезультатной переписки съ главнымъ управленіемъ намѣстника кавказскаго, патріархъ католикосъ Кеворкъ

былъ вынужденъ обратиться къ Его Императорскому Высочеству Великому Князю намѣстнику.

Вопросъ объ армянскихъ церковныхъ школахъ представляется вопросомъ чрезвычайной важности для армянской церкви и народа, и обязанность католикоса, какъ представителя церкви, быть защитникомъ правъ ея, обязаннымъ передъ Богомъ и церковью. Благодаря милостивому признанію Августѣйшими Монархами за армянскую церковь права свободнаго и самостоятельнаго управления своими училищами всякаго разряда, она въ провинціяхъ Закавказья распространяла просвѣщеніе, не требуя отъ государства никакихъ расходовъ, и это въ то время, когда само правительство еще не имѣло достаточнаго числа своихъ училищъ. Содѣйствіе армянской церкви правительству въ выполненіи одной изъ важнѣйшихъ заботъ его,—заботы о народномъ просвѣщеніи—и услуги, оказанныя армянскими церковными училищами въ этомъ дѣлѣ не могутъ не быть признаваемы императорскимъ правительствомъ. Однако, послѣ такой полезной и въ то же время вполне согласной съ видами правительства дѣятельности армянскихъ церковныхъ школъ, совершенно неожиданно и безъ всякаго повода со стороны ихъ, нынѣ ограничиваются, можно сказать, уничтожаются вѣками освященные права армянской церкви, по коимъ она обязана заботиться о религіозномъ, нравственномъ и умственномъ образованіи паствы своей. Согласно Высочайше, утвержденному мнѣнію государственнаго совѣта церковныя школы подвергаются лишь наблюдению инспекторовъ народныхъ училищъ (8-ой пунктъ), между тѣмъ кавказская администрація требуетъ прямо подчинить школы ихъ власти, причемъ право наблюденія разрастается въ полную власть по учебной части (кромѣ преподаванія Закона Божія). Церковной власти оставляется лишь надзоръ за преподаваніемъ Закона Божія; но вѣдь это право принадлежит ей даже въ правительственныхъ школахъ. Но въ такомъ случаѣ, по смыслу приведеннаго разъясненія, всѣ церковныя учебныя заведенія (кромѣ епархіальныхъ семинарій) обращаются въ училища правительственной (государственной, „свѣтской“) власти, получая при этомъ матеріальное обезпеченіе отъ духовной власти и отъ прихожанъ армянскихъ церквей. Если учебная программа школъ должна составлять исключительно правительствомъ, если инспектора народныхъ училищъ будутъ пользоваться по учебной части полной властью относительно объема и способа преподаванія, если имъ предоставляется по усмотрѣнію своему опредѣлять и увольнять учащихся, сокращать или

расширять объемъ ученія, то какія же права остаются за церковными властями, которыя учреждаютъ школы эти для необходимыхъ потребностей церкви и содержать оныя доходами церквей, монастырей, богомольныхъ мѣстъ и приношеніями благочестивыхъ прихожанъ своихъ. Разъ права по обученію народа, Высочайше признанныя за армянскою церковью не отмѣнены и не было повода ихъ отмѣнять, то инспекторамъ народныхъ училищъ можетъ быть предоставлено лишь право наблюденія, управленіе же церковными школами должно оставаться на прежнемъ основаніи за церковной властью. Наблюденіе же будетъ выражаться въ посѣщеніи время отъ времени армянскихъ церковныхъ школъ, въ особенности во время годичныхъ испытаній, въ полученіи свѣдѣній о числѣ учащихся и учащихся, о нравственномъ и педагогическомъ достоинствѣ учителей относительно преподаванія русскаго языка, исторіи и географіи Россіи.

Великій Князь намѣстникъ кавказскій эти „недоразумѣнія, возникшія между патріархомъ католикосомъ и главнымъ управленіемъ относительно подчиненія церковно-приходскихъ школъ наблюдению инспекторовъ народныхъ училищъ“, сообщилъ министру внутреннихъ дѣлъ. Съ соизволенія намѣстника, обстоятельства эти были повергнуты на Высочайшее Его Императорскаго Величества воззрѣніе. Государь Императоръ, въ видахъ точнаго опредѣленія обязанностей и отношеній инспекторовъ народныхъ училищъ къ церковно-приходскимъ армянскимъ школамъ, а также предметовъ, подлежащихъ ихъ наблюдению, Высочайше соизволилъ 19-го іюля 1874 г. утвердить взаимныя инструкции 29-го октября 1871 года слѣдующія, предварительно одобренныя Великимъ Княземъ намѣстникомъ кавказскимъ, правила, для руководства какъ духовнаго вѣдомства армяно-григоріанскаго исповѣданія, такъ и инспекторовъ народныхъ училищъ.

Содержаніе этихъ правилъ таково.

1) На обязанности армяно-григоріанскаго духовенства согласно 975 ст. *) I ч. XI т. остается учрежденіе церковныхъ школъ и завѣдываніе ими, а также и заботы о введеніи правильнаго и удобнаго порядка обученія и сохраненія добрыхъ нравовъ между учащими и учащимися.

2) На обязанность инспекторовъ народныхъ училищъ по отношенію къ учрежденнымъ и завѣдываемымъ армянскимъ духовенствомъ общеобразовательнымъ церковно-приходскимъ учи-

*) Ст. 1178 по изд. 1896 г.

лищамъ возлагается, въ силу Высочайше утвержденного 22-го ноября 1873 г. мнѣнія государственнаго совѣта, наблюденіе: 1) чтобы во всѣхъ училищахъ преподавался русскій языкъ, а въ тѣхъ училищахъ, въ коихъ преподаются всеобщія: исторія и географія, преподавались исторія и географія Россіи и на русскомъ языкѣ; 2) чтобы преподаватели въ этихъ училищахъ были русскіе подданные и обладали надлежащими нравственными качествами. Вмѣшиваться же въ хозяйственную часть училищъ или контролировать оную инспекторамъ права не предоставляется.

3) Училища, имѣющія цѣлью приготовленіе духовенства, не подлежатъ надзору инспекторовъ народныхъ училищъ и остаются въ исключительномъ завѣдываніи духовнаго начальства. Правила о курсѣ ученія и о внутреннемъ порядкѣ сихъ заведеній должны быть представлены на утвержденіе высшаго правительства (ст. 1004 *)

Вмѣстѣ съ тѣмъ армянскіе церковные органы, признавая церковныя общеобразовательныя школы подчиненными, на указанныхъ основаніяхъ, наблюденію инспекторовъ народныхъ училищъ, обязывались сообщить списки означенныхъ школъ и оказывать зависящее отъ нихъ содѣйствіе инспекторамъ къ исполненію возложенныхъ на нихъ обязанностей.

Въ этомъ первомъ эпизодѣ армянскаго церковно-школьнаго вопроса, въ общемъ благополучно окончившемся для армянской церкви, много интереснаго какъ въ принципиальномъ отношеніи, такъ и въ отношеніи послѣдовавшихъ затѣмъ практическихъ послѣдствій. Какъ это ни странно можетъ показаться, но при чтеніи бумагъ официальной переписки между патріархомъ католикосомъ и главнымъ управленіемъ кавказскаго намѣстничества приходишь къ заключенію, что тутъ дѣло не безъ недоразумѣнія, взаимнаго непониманія и разговора на различныхъ языкахъ. Католикосъ пишетъ о „духовныхъ“ учебныхъ заведеніяхъ, понимая подъ этимъ словомъ *всѣ церковныя учебныя заве-*

*) 1208 ст. по изд. 1896 г.

**) Въ армянской терминологіи армянское слово „огеворъ“ (духовный) употребляется вообще вполне синонимически слову церковный (по армянски „екехецаканъ“); такъ въ официальныхъ бумагахъ католикоса Кеворка, написанныхъ по обыкновенію въ два столбца,—одинъ на армянскомъ языкѣ, другой на русскомъ,—сравнивая оба текста, видимъ, что выраженіямъ „духовная власть“, „духовно-учебное заведеніе“, „духовное начальство“ русскаго текста въ армянскомъ соотвѣтственно стоятъ выраженія „церковная власть“, „церковная школа“, „церковное начальство“.

денія (какъ профессиональныя, такъ и общеобразовательныя), между тѣмъ баронъ Николаи, слѣдуя русской терминологіи свода законовъ т. XI, ч. I, духовно-учебными заведеніями называетъ лишь профессиональныя (семинаріи). Начальникъ главнаго управленія настаиваетъ на разграниченіи церковно-общеобразовательныхъ и церковно-профессиональныхъ школъ, видя въ этомъ классификацію церковныхъ учебныхъ заведеній по типу (характеру курса), а не по степени, разряду (объему курса); патріархъ католикосъ же видитъ въ нихъ различіе лишь въ степени и заявляетъ, что армянскія церковныя учебныя заведенія, „всѣ безъ исключенія, безъ различія ихъ степени, отъ приходскихъ школъ до епархіальныхъ семинарій, суть специально церковныя училища и заботятся о приготовленіи священно-церковно-служителей всѣхъ разрядовъ отъ дьячка до епископа, каждое по своему размѣру и степени“, а потому провести подобнаго раздѣленія невозможно. Чуждое каноническимъ традиціямъ армянской церкви, практически ни въ чемъ не проявлявшееся въ дѣйствительности почти за 40-лѣтнее существованіе положенія 1836 г., раздѣленіе это не было понятно католикосу; и когда ему предлагали отдѣлить „духовно-учебныя“ заведенія отъ нетаковыхъ, то ему казалось, что онъ среди бывшихъ въ вѣдѣніи армянской церкви школъ долженъ отдѣлить „церковныя“ отъ нецерковныхъ; но вѣдь среди школъ, состоявшихъ въ вѣдѣніи церкви, нецерковныхъ школъ не было и не могло быть.

Существенно различны и понятія о церковной школѣ и ея отличительномъ признакѣ, причѣмъ любопытно отмѣтить, что представитель государственной власти, въ лицѣ начальника главнаго управленія, выступалъ съ клерикальнымъ взглядомъ, представитель же армянской церкви, патріархъ католикосъ,—со взглядомъ антиклерикальнымъ.

Въ своихъ соображеніяхъ бар. Николаи исходилъ изъ того порядка и характера, какой церковно-приходскія школы имѣли въ православной церкви; здѣсь *прихода, какъ общества, не существуетъ, онъ поглощенъ причтомъ*; почему слово „приходъ“ и употребляется въ смыслѣ, тождественномъ смыслу слова „причтъ“, сообразно съ этимъ общимъ порядкомъ и школа, называемая приходскою, въ сущности не приходская, а причтовая, открываетъ и завѣдуетъ ею не приходъ въ собственномъ смыслѣ этого слова, (церковно-приходское общество), а причтъ (приходское духовенство); православныя „церковно-приходскія“ школы заводятся священно и церковно-служителями, помѣщаются въ ихъ домахъ или квартирахъ, содержатся попечені-

емъ и иждивеніемъ духовенства, обученіе въ полномъ своемъ составѣ лежитъ почти исключительно на членахъ причта, открывшихъ школу. Совершенно въ соотвѣтствіи съ этимъ бар. Николаи полагалъ, что и армянскія церковно-приходскія школы суть школы "для первоначальнаго обученія приходскихъ дѣтей заботою и попеченіемъ самихъ приходскихъ священниковъ, или другихъ священно-и церковно-служителей, такъ какъ въ обязанности духовныхъ лицъ входитъ не одно богослуженіе и исполненіе духовныхъ требъ, но и обученіе дѣтей грамотѣ." Справедлива мысль объ обязанности духовенства заботиться о просвѣщеніи народа *), но это значитъ, что одно лишь духовенство, а не церковь, въ полномъ составѣ своего общественнаго организма, обязана нести труды по образованію народа. Тамъ гдѣ церкви, какъ общественной организаціи, не существуетъ, а дѣйствуетъ лишь духовенство, гдѣ церкви вмѣсто общества вѣдряющихся является лишь корпораціей духовныхъ лицъ, она естественно обрекается на безправіе и бездѣйствіе, и поприще предоставляется исключительно духовенству. Но такъ въ православной церкви, въ армянской же церкви совершенно иначе. Священство армянской церкви тоже обязано работать на пользу просвѣщенія народа и по мѣрѣ собственныхъ силъ заводитъ свои школы, мы видимъ, что эта обязанность и право его признаны за нимъ и государственнымъ закономъ (въ 1846 году), но это не мѣшаетъ, чтобы церковь, т. е. церковная община, (въ армянскомъ церковномъ строѣ эти два понятія тождественны), обязательно выступала на поприще народнаго образованія; поэтому въ армянской церкви строго отличны частныя учебныя заведенія духовныхъ лицъ церковнаго вѣдомства отъ церковно-общественныхъ школъ (приходскихъ и монастырскихъ), какъ они различными признаны и закономъ. Несомнѣнно, церковная община располагаетъ большими средствами для развитія школьнаго дѣла, поэтому, естественнымъ образомъ, частно-церковныя (причтевыя) армянскія школы,

*) Въ той же мѣрѣ справедливо и согласно съ каноническими обычаями армянской церкви и слѣдующее положеніе, высказанное начальникомъ главнаго управленія намѣстника кавказскаго: „Епархіальные начальники обязаны, какъ и донинѣ, побуждать какъ гражданское, такъ и вообще все подчиненное имъ духовенство принимать дѣятельное участіе въ распространеніи въ средѣ народной общепользыхъ знаній; при объѣздахъ епархій своихъ они впредь, какъ и донинѣ, будутъ удостовѣряться въ какой мѣрѣ въ приходсахъ и монастыряхъ духовныя лица исполняютъ эту столь важную и священную обязанность“.

содержимыя и завѣдуемыя священно-и церковно-служителями, были вытѣснены церковно-общественными (приходскими и монастырскими) школами, содержимыми и завѣдуемыми приходскими обществами, и армянскія духовныя лица упомянутую свою обязанность исполняютъ, соотвѣтственно своей педагогической и образовательной подготовкѣ, не въ своихъ, а въ церковныхъ (т. е. церковно-общественныхъ) школахъ. Между тѣмъ, отождествляя приходъ съ причтомъ, бар. Николаи армянскія приходскія школы („училища при церквахъ и монастыряхъ“) представлялъ себѣ въ видѣ причтевыхъ; тогда какъ подобное отождествленіе, справедливое для православной церкви, совершенно невѣрно въ примѣненіи къ армянской церкви и не соотвѣтствуетъ также и государственнымъ законамъ объ армянскихъ церковныхъ школахъ.

Но изъ этого неправильнаго представленія и неумѣстнаго отождествленія естественно вытекали неправильныя взгляды и отношеніе начальника главнаго управленія къ армянскимъ приходскимъ и монастырскимъ школамъ. Полагая, что церковной можетъ быть лишь школа причтеваго образца, бар. Николаи думалъ, что церковно-общественной школы быть не можетъ; либо школу долженъ вести священникъ, либо она не церковна, и, слѣдовательно, должна подлежать государству. „Независимо школъ, существующихъ при церквахъ и монастыряхъ, въ которыхъ *сами духовныя лица* занимаютъ преподаваніемъ грамотности, писалъ онъ католикосу, существуетъ немалое число *сельскихъ и городскихъ школъ*, содержимыхъ на счетъ *обществъ или пожертвованій*, въ которыхъ преподаваніе производится *лицами свѣтскими*. Хотя такія *народныя школы*, не имѣя вовсе права на названіе *церковно-приходскихъ* *) и до сего должны бы были находиться подъ надзоромъ учебнаго начальства и губернской власти, но въ виду не созданія до сихъ поръ особыхъ правительственныхъ агентовъ для наблюденія за ними, они временно, наравнѣ съ церковно-приходскими, оставались на исключительномъ попеченіи духовенства армяно-григоріанскаго“. Начальника главнаго управленія смущало, что въ вѣдѣніи армянской церкви было множество школъ, содержимыхъ не духовенствомъ, а обществомъ со свѣтскими преподавателями, а не духовными. Въ этомъ смущеніи ясно видно непониманіе существа церковной школы и вліяніе клерикальныхъ понятій о церкви, отождествляющихъ церковь съ духовенствомъ. Отсю-

*) Курсивы мои.

да же непониманіе и того, что это за общества выступают тутъ. Это не городскія и сельскія общества, а приходскія (слѣдовательно, церковныя) общины въ городахъ и селахъ; „городскихъ обществъ“ въ то время на Кавказѣ и вовсе не было; городское общественное управленіе (самоуправленіе) не было введено, терминъ „городское общество“ тутъ былъ неумѣстенъ еще и потому, что городское общество почти во всѣхъ закавказскихъ городахъ состояло не только изъ армянъ, но и изъ лицъ другихъ національностей; между тѣмъ въ содержаніи армянскихъ церковныхъ школъ участвовала лишь армянская часть городского населенія; правда, въ другой бумагѣ бар. Николаи говорилъ объ „армянскихъ городскихъ обществахъ“, но этимъ не исправляется существенная невѣрность выраженія, а ясно обнаруживается, что имѣемъ дѣло съ неправильнымъ выраженіемъ; создается новый терминъ, для котораго „еще болѣе“ не существовало соотвѣтствующей юридической организаци; между тѣмъ тутъ рѣчь должна была быть не о неорганизованномъ городскомъ населеніи и его армянской части, а объ организованной единицѣ; существованіе подобной организаци было необходимо въ особенности потому, что эти „общества“ не только содержали своими пожертвованіями, давали средства, но и сами, чрезъ своихъ выборныхъ, управляли и завѣдывали школой (кстати, участіе „обществъ“ въ управленіи церковныхъ школъ было также незамѣчено бар. Николаи). Въ связи съ этимъ и средства содержанія школъ надо было называть не общественными, а церковными, приходскими, и совершенно не точно было бы сказать, что школы содержатся на счетъ „церквей и обществъ“, ибо здѣсь мы имѣемъ дѣло съ *церковно-организованной* общиной, а въ такомъ случаѣ церковь и общество не противоплагаются (какъ это дѣлалъ бар. Николаи), а отождествляются, какъ это мы и находимъ въ армянскомъ церковномъ строѣ; не забудемъ, что имуществомъ армянскихъ церквей, какъ и церковными школами, управляетъ и распоряжается не причтъ, (какъ въ православной церкви, а приходъ, т. е. приходское общество, чрезъ приходское собраніе; и если общество, собравшись на *церковномъ* (напр. приходскомъ) собраніи рѣшаетъ вносить въ пользу церковной школы ежегодно столько то денегъ съ лица или съ дыма, то этотъ сборъ будетъ церковный, а не общественный.

Въ виду всего этого школы эти невѣрно было бы называть „городскими и сельскими“, а надо было назвать приходскими школами въ городахъ и селахъ.

Что же касается пункта о преподавателяхъ изъ свѣтскихъ лицъ, то таковыя допускались даже въ православной церкви, и надо было быть слишкомъ близорукимъ и крайнимъ клерикаломъ, чтобы въ этомъ видѣть нѣчто противорѣчащее или вообще противное понятію церковной школы. Мысль начальника главнаго управленія въ опредѣленіи отличительнаго признака церковной школы ищетъ во что бы то ни стало найти какую нибудь специфически клерикальную черту, характеризующую ее, какъ особый типъ школы; церковная школа, въ его представленіи, должна либо имѣть специальное назначеніе готовить духовенство, либо содержаться и завѣдываться духовными лицами, иначе она не церковная, а, какъ онъ выражается, „народная“. Но, что значитъ „народная“ школа? это, конечно, не терминъ съ точно опредѣленнымъ значеніемъ. Въ строгомъ смыслѣ народной была бы та школа, въ которой обучались бы дѣти всѣхъ слоевъ и классовъ народа и которую завѣдывали бы всѣ классы народы, а не какой либо одинъ. Въ Россіи подъ „народной“ школой понимаютъ начальную общеобразовательную школу для народа. Но народъ можетъ получать общее образованіе не только въ государственной, а и въ церковной школѣ, тогда эта церковная школа по праву будетъ называться „народной“, и опредѣленіе это не противоположится, а соединится съ опредѣленіемъ „церковная“; что касается въ частности армянскихъ церковныхъ школъ, то онѣ, оставаясь церковными, т. е. въ вѣдомствѣ армянской церкви, имѣли право на эпитетъ „народной“ болѣе какой либо иной изъ кавказскихъ школъ, ибо завѣдывалъ ими самъ народъ, приходское общество.

Въ связи съ тѣмъ, что непремѣннымъ преподавателемъ церковной школы бар. Николаи считалъ членовъ причта, находится и то, что церковную общеобразовательную школу онъ представляетъ только начальной, по объему курса, элементарной; конечно, причтъ въ большинствѣ не способенъ преподавать болѣе чѣмъ грамотность и вообще давать образованіе выше первоначальнаго; да онъ и не имѣетъ возможности вести школу со многими классами, слѣдовательно выше начальной; но причина этого ограниченія не существо церковной школы, а ограничительное и ограниченное пониманіе его со стороны людей воспитанныхъ на клерикальныхъ порядкахъ и привыкшихъ къ нимъ. Содержащей и завѣдующей приходскими учебными заведеніями приходъ, если имѣетъ достаточныя матеріальныя средства, можетъ пригласить учителей и завести у себя (при при-

ходской церкви) не начальную, а среднюю, да хоть и высшую, приходскую школу.

Итакъ, общеобразовательныя школы съ курсомъ выше начальной, завѣдываемыя церковными обществами и со свѣтскими преподавателями, кавказская администрація, по внушенію мѣстной учебной администраціи, не желала признавать церковными, полагала, что лишь случайно, а потому лишь временно, онѣ состояли въ вѣдѣніи церкви, и, вопреки 1178 ст. св. зак. XI т. ч. I, хотѣла изъять ихъ изъ ея вѣдѣнія.

Любопытны объясненія и мотивировка. Школы эти если до сихъ поръ оставались въ вѣдѣніи армянской церкви и не были „подъ надзоромъ учебнаго начальства или губернской власти“, то это будто „въ виду не созданія до сихъ поръ особыхъ правительственныхъ агентовъ для наблюденія за ними“... Словно до 1873 года на Кавказѣ не было ни начальства по учебной части, ни губернской власти! Не отсутствіе учебнаго начальства, а отсутствіе отдѣльнаго самостоятельнаго учебнаго вѣдомства на Кавказѣ, дѣйствующаго съ собственной вѣдомственной программой и домогательствами, правда, тутъ имѣло значеніе, но совершенно иное значеніе... Таково объясненіе прошлаго. А мотивировка будущаго еще любопытнѣе и выставлена даже въ видѣ „сентенціи“: „право надзора за личностями свѣтскаго званія, желающими быть учителями, правительство искони сохраняло за собой“... Мысль, отъ которой вѣетъ средневѣковьемъ, когда церковь и государство, точнѣе свѣтская и духовная власти, дѣлили людей на два порядка, однихъ брала въ полное свое вѣдѣніе церковь, другихъ государство; нынѣ же совершенно не такъ: въ извѣстныхъ (и весьма многочисленныхъ) вопросахъ духовныя лица, наравнѣ со свѣтскими, подчинены государству, а не церкви, равно какъ по инымъ вопросамъ (напр. брачнаго права въ Россіи) и свѣтскіе подчиняются власти церкви. Но въ приведенной сентенціи мы опять встрѣчаемся съ клерикальнымъ понятіемъ, видящимъ передъ собой не церковь и государство, а духовныхъ и свѣтскихъ людей.

Вслѣдствіе же столь узкаго взгляда на роль церкви въ дѣлѣ народнаго образованія, принимаемаго за нѣчто почти что чуждое для церкви и не составляющее ея призванія, начальникъ главнаго управленія естественно соотвѣтственно понималъ и характеръ устанавливаемаго наблюденія. Это, по его мнѣнію — „учебно-педагогическое наблюденіе“, и „орудіемъ“ наблюденія онъ считаетъ инспекторовъ народныхъ училищъ, какъ лицъ „болѣе специально знакомыхъ съ педагогическими

приемами“. Но, если весь смыслъ подчиненія армянскихъ церковныхъ школъ инспекторамъ, какъ „полезной мѣры“ (такъ выражался бар. Николай), въ педагогическомъ надзорѣ свѣдущихъ педагоговъ, то развѣ церковные органы не могутъ сами пригласить и нанять таковыхъ и имѣть ихъ въ своемъ вѣдомствѣ для учебнаго наблюденія надъ церковными школами? Къ чему же тогда исторгать школы изъ подъ власти церкви, и подчинять власти попечителя? Мотивировка не вяжется съ заключеніемъ. Мотивировка присочиненная, а не дѣйствительная. Дѣйствительность же была та, что попечитель кавказскаго учебнаго округа домогался армянскія церковныя школы подчинить своей власти, что могло пройти лишь подъ флагомъ „интересовъ учебнаго наблюденія“; другихъ основаній, требовавшихъ подчиненія учебному вѣдомству, немыслимо было и придумать; общая же администрація желала установить *правительственный* контроль надъ армянскими церковными школами, для чего хотя и есть основанія, но нигдѣ ихъ не приводятъ, не упоминаютъ. Правда, въ одномъ мѣстѣ бар. Николай говоритъ о „правительственномъ учебно-педагогическомъ наблюденіи“, но въ этой многоэтажной компиляціи „правительственная“ сторона дѣла нисколько не подчеркнута и понятно почему: общая администрація еще не считала необходимымъ правительственный контроль надъ армянскими церковными установленіями, въ частности церковными школами, учебное же вѣдомство настойчиво добивалось завладѣть армянскими церковными школами.

Съ другой стороны, патріархъ католикосъ настаивалъ на томъ, что вѣковое и священное призваніе церкви и ея органовъ заботиться о нравственномъ и умственномъ образованіи, просвѣщеніи своей паствы, почему право имѣть собственныя школы, дающія армянскому юношеству „образованіе въ разныхъ наукахъ“, въ свободномъ самостоятельномъ завѣдываніи—важнѣйшее изъ правъ армянской церкви. Никакихъ клерикальныхъ особенностей и чертъ патріархъ католикосъ для церковныхъ школъ не называетъ; единственнымъ свойствомъ, отличающимъ церковное учебное заведеніе отъ нецерковнаго, по правильному взгляду католикоса, служила подвѣдомственность училища церковнымъ, а не инымъ властямъ; церковная школа—школа, находящаяся въ исключительномъ и самостоятельномъ завѣдываніи церкви. Но церковь отнюдь не есть сословіе духовенства, общество, включающее въ себя и мірянъ и завѣдывающіе церковной школой церковные органы не суть непремѣн-

но іереи и епископы, а также и міряне (свѣтскіе) въ составѣ церковныхъ собраній (напр. приходского собранія, собранія прихожанъ данной приходской церкви). Преподавателями въ церковной школѣ явятся не члены причта ех оффіціо, а тѣ (безразлично, какъ духовные, такъ и свѣтскіе), коихъ церковныя власти найдутъ удобнымъ пригласить на учительскую должность. Объемъ курса и число классовъ будетъ зависѣть отъ размѣра средствъ, коими располагаетъ данная церковь со своей общиной; если церковь богата доходами со своихъ капиталовъ и недвижимостей, а въ особенности даяніями и сборами своихъ прихожанъ, то и школа ея будетъ велика и многоклассна. Равно и учебная программа церковной школы будетъ включать такіе предметы, знаніе которыхъ подлежащіе церковныя органы найдутъ умѣстнымъ и полезнымъ для просвѣтительныхъ нуждъ народа.

Соотвѣтственно своему взгляду на существо церковной школы и роль церкви на поприщѣ просвѣщенія народа, патриархъ католикосъ въ наблюденіи инспекторовъ народныхъ училищъ хотѣлъ видѣть не учебно-педагогическій, а лишь политическій (правительственный) *) контроль, противъ котораго и не протестовалъ, настаивая, однако, что армянскія церковныя школы никогда не шли вразрѣзъ съ видами правительства и чего-либо политически вреднаго никогда не представляли. Охотно дѣлая обязательнымъ преподаваніе государственнаго языка, исторіи и географіи Россіи, католикосъ признавалъ полную умѣстность наблюденія правительства и за политической благонадежностью учащихся.

Мы видимъ, что въ самомъ началѣ армянской церковно-школьной „исторіи“ предстаетъ передъ нами основной вопросъ о томъ, что такое церковная школа, въ чемъ ея юридическое существо, отличительный признакъ? Вопросъ это прямо и категорически-формулировано не ставится ни одной изъ спорящихъ сторонъ, каждая изъ которыхъ, имѣя лишь безотчетное, непроанализированное представленіе о существѣ церковной школы, предполагаетъ, однако, что обладаетъ точнымъ и безспорнымъ понятіемъ о немъ. Это отчасти непониманіе, отчасти различное пониманіе существа церковной школы естественно вело къ взаимному непониманію, создавалась путаница. Конечно, не

*) Въ официальной бумагѣ католикоса Кеворка выраженіе „инспекторы народныхъ училищъ“ русскаго текста на армянскомъ названы прямо „правительственными наблюдателями“.

логическій моментъ былъ рѣшающимъ въ церковно-школьномъ спорѣ, не дефекты и различіе въ неопредѣленныхъ понятіяхъ были причиной событій, а столкновение и соперничество вполне опредѣленныхъ *интересовъ*, національно-церковныхъ армянской церкви и вѣдомственныхъ кавказскаго учебнаго вѣдомства. Тѣмъне менѣе, путаница понятій подъ влияніемъ предвзятыхъ взглядовъ, не осталась безъ извѣстнаго вліянія на отношеніе общей администраціи къ данному вопросу, въ сущности исполнявшей желанія учебнаго начальства, но, быть можетъ *bona fide*, вѣрившей въ справедливость его притязаній; между тѣмъ то была, конечно, одна лишь видимость справедливости. Тоже отсутствіе точнаго понятія о существѣ церковной школы повело къ неправильной постановкѣ правительственнаго наблюденія надъ армянскими церковными школами *); такъ устанавливая контроль по содержанию и существу вполне политической, а не педагогической, правила 1874 г., однако, осуществленіе этого наблюденія поручали не общей, а учебной администраціи. Не отрицая, что этотъ неправильный шагъ — плодъ вліянія учебной администраціи мы думаемъ, что этого не было бы сдѣлано, еслибы высшее кавказское начальство ясно понимало, что сущность церковной школы въ вѣдомственной обособленности и независимости ся отъ государственнаго учебнаго вѣдомства; почему для вѣдательства учебнаго начальства въ жизнь и управленіе армянскихъ церковныхъ школъ, хотя бы лишь для наблюденія, нѣтъ основаній; правительственное наблюденіе должно было быть поручено органамъ общей, а не учебной администраціи; лишь при такой постановкѣ армянскія церковныя школы избѣгли бы двоевластія. Но на это не было обращено должнаго вниманія и со стороны патриарха католикоса. Католикосъ Кеворкъ, всецѣло поглощенный вопросомъ о томъ, какія права по отношенію къ армянскимъ церковнымъ школамъ необходимо сохранить за церковью, и какія могутъ быть отчуждены въ пользу государственныхъ органовъ, не входилъ въ оцѣнку того, которому изъ правительственныхъ вѣдомствъ ввѣряются эти отчужденныя права. И устанавливаемое двоевластіе оставалось въ силѣ. Между тѣмъ не разграниченіе властей и правъ въ предѣлахъ двоевластія, а

*) О правильной постановкѣ государственнаго контроля надъ церковными школами въ связи съ выясненіемъ существа церковной школы и рациональнаго отношенія къ ней государственнаго правительства см. въ моей статьѣ „объ армянскихъ церковныхъ школахъ на Кавказѣ“, „Кавказскій Вѣстникъ“, № 2, 1905 г.

устраненіе самого двоевластія надо было установить; не подѣленіемъ правъ надъ церковной школой между церковно-учебными и государственно-учебными властями, а полное отдѣленіе этихъ властей другъ отъ друга, съ обособленіемъ церковныхъ школъ въ самостоятельное вѣдомство, можно было разрѣшить вопросъ о желательномъ мирномъ сосуществованіи церковныхъ и государственныхъ учебныхъ заведеній и властей. Съ послѣдствіями же неправильной постановки армянскаго церковно-школьнаго дѣла мы встрѣтимся въ дальнѣйшей исторіи.

Сираканъ Тигранянъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Николай Мелитоновичъ Баратовъ.

(Къ 60-лѣтію со дня смерти).

Девятаго октября текущаго года грузинское общество праздновало шестидесятилѣтіе со дня смерти одного изъ своихъ талантливыхъ поэтовъ, Николая Мелитоновича Баратова, извѣстнаго до нѣкоторой степени въ переводахъ Ивана-да-Марьи, В. Величко и др. и русскому обществу. Особенности переживаемаго въ наши дни во всей Россіи общественно-политическаго движенія, естественно, не благопріятствуютъ юбилейнымъ праздникамъ въ честь поэтовъ, а поэтому не удивительно, что праздникъ Баратова не отличался ни пышностью, ни величіемъ. Девятаго октября состоялось лишь открытіе памятника на могилѣ поэта въ оградѣ Дидубійской церкви въ Тифлисѣ, а собственно чествованіе имени поэта отложено грузинскимъ обществомъ на будущее благопріятное время.

Баратовъ одинъ изъ наиболѣе любимыхъ поэтовъ грузинскаго общества, которое до сихъ поръ чтитъ въ немъ не только историческія заслуги въ развитіи грузинской поэзіи, но и не превзойденныя пока его духовными наслѣдниками силу стиха, глубину мысли и простоту языка.

Недолголѣтняя жизнь и дѣятельность Николая Баратова (1816—1845) относится къ эпохѣ почти полнаго упадка общестственности въ исторіи грузинскаго народа. Первая половина девятнадцатаго столѣтія принесла для Грузіи внѣшнее усноксеніе послѣ непрерывныхъ войнъ съ разными мусульманскими народами и государствами. Водворившаяся въ Грузіи русская власть положила конецъ развѣдавшимъ народъ войнамъ и междоусобіямъ. Грузинское дворянство, признавъ свою неспособность управлять страной собственными силами, отказалось отъ своей политической роли, сошло со сцены общественной дѣятельности, предоставивъ забсты о судьбахъ народа рус-

скимъ чиновникамъ. Крестьянство, находившееся долгое время подъ двойнымъ гнетомъ феодальныхъ порядковъ и безконечныхъ войнъ, было еще слишкомъ слабо для того, чтобы выступить съ собственными идеалами на арену общественной борьбы и заполнить содержаниемъ грузинскую жизнь. Представители русской власти съ самаго начала превосходно поняли, что для утверждения владычества Россіи имъ необходимо было завоевать симпатіи грузинскаго дворянства, и поэтому открыли ему широкое покровительство.

Освободившись отъ прежнихъ обязанностей передъ родною и чувствуя мощное покровительство русской власти, грузинское дворянство спокойно погрузилось въ патриархальную лѣнь и нѣгу: по описаніямъ историковъ-бытописателей, весь день у дворянина того времени былъ занятъ заботами объ ѣдѣ и другихъ удовольствіяхъ низкаго пошиба. Наиболее сильныя и пылкія натуры того времени естественно не удовлетворялись этимъ чисто животнымъ прозябаніемъ и искали поля для болѣе интенсивной дѣятельности; однако, не будучи въ состояніи создать для своего служенія какой-либо широкой общественной идеаль, эти пылкія натуры сосредоточили всю энергію въ поискахъ болѣе утонченныхъ удовольствій, и такимъ образомъ дошли до настоящаго культа прожиганія жизни, воспѣтаго талантливымъ поэтомъ того времени кн. Григоріемъ Орбеліани.

Вотъ въ общихъ чертахъ среда, въ которой воспитался и жилъ поэтъ Баратовъ. Безспорно, что и въ этотъ печальный и мрачный періодъ грузинской жизни не всѣ поголовно превратились въ беззащитныхъ искателей удовольствій, были и ревнители духовной и національной культуры, но стремленія этихъ свѣтлыхъ личностей дальше платоническихъ мечтаній не шли, а поэтому и значеніе ихъ сводится къ нулю. Отецъ поэта, Мелитонъ Баратовъ, былъ однимъ изъ тѣхъ грузинскихъ князей, которые очень скоро промотали все состояніе и впали въ бѣдность. Это обстоятельство сыграло важную роль въ жизни талантливаго сына его, Николая, который съ жадностью ненасытной юношеской натуры стремился на далекій сѣверъ для полученія высшаго образованія, но вынужденъ былъ уступить положенію вещей въ семьѣ и поступить вмѣсто университета въ чиновники экспедиціи суда и расправы верховнаго грузинскаго правительства.

Отличавшаяся нравственнымъ и умственнымъ оскудѣніемъ эпоха Николая Баратова сохранила потомству очень мало біографическихъ данныхъ для воссозданія картины развитія харак-

тера и творчества нашего поэта. Есть даже основаніе предполагать, что многія произведенія Баратова вовсе и не дошли до насъ, такъ, напримѣръ, поэма „Иверіели“, въ которой были воспѣты событія изъ исторіи Грузіи X, XI и XII вѣковъ. Да это и не удивительно: поэзію Баратова мало кто изъ его друзей и современниковъ понималъ, произведенія его распространялись въ спискахъ и только въ 1875 году былъ изданъ сборникъ его стихотвореній. Дошедшія до насъ біографическія свѣдѣнія о Баратовѣ сводятся къ слѣдующимъ.

Николай Баратовъ или, какъ его звали въ домашнемъ кругу, Тато, родился 22-го ноября 1816 года. Обученіе будущаго поэта грузинской грамотѣ началось рано и происходило подъ руководствомъ его матери, Ефиміи, сестры извѣстнаго грузинскаго поэта кн. Григорія Орбеліани. Вскорѣ молодого Тато опредѣлили ученикомъ приходской школы при Калоубанской церкви. Въ сентябрѣ 1827 года Николай Баратовъ поступилъ въ тифлисскій благородный пансіонъ, преобразованный въ 1830 году въ гимназію; въ 1835 году Баратовъ кончилъ гимназическій курсъ и, вопреки собственной волѣ, вынужденъ былъ отказаться отъ мысли о полученіи высшаго образованія.

По сохранившимся отзывамъ и воспоминаніямъ современниковъ, въ дѣтствѣ Николай Баратовъ отличался любознательностью, веселымъ нравомъ и сильною впечатлительностью; въ гимназіи считался онъ однимъ изъ наиболее успѣвающихъ учениковъ, но воспитатели ставили ему въ вину чрезмѣрную шаловливость и рѣзвость. Грузинскіе біографы Баратова передаютъ, что благодаря своимъ шалостямъ, въ 1832 году, онъ свалился съ какой-то лѣстницы, переломалъ себѣ обѣ ноги и на всю жизнь остался хромымъ, что и помѣшало ему впоследствии поступить на военную службу.

По окончаніи гимназическаго курса, какъ сказано было выше, Баратовъ сталъ служить въ экспедиціи суда и расправы верховнаго грузинскаго правительства и прослужилъ здѣсь въ должности столоначальника до 1844 года, когда онъ былъ назначенъ помощникомъ нахичеванскаго уѣзднаго начальника. Жизнь въ Нахичевани, вдали отъ родныхъ и друзей, слишкомъ была тяжела для молодого Баратова и онъ возбудилъ ходатайство о переводѣ его на ту же должность по телавскому уѣзду: однако, вмѣсто телавскаго уѣзда, его перевели въ елизаветпольскій. Здѣсь, въ Елизаветполѣ, Баратовъ прожилъ нѣсколько мѣсяцевъ и скончался 9-го октября 1845 года, если не ошибаемся, отъ тифа. Смерть Николая Баратова въ такомъ молодомъ воз-

раств (ему было тогда всего 29 лѣтъ) вызвала глубокую и искреннюю скорбь среди его знакомых, которые цѣнили въ немъ не только нравственные достоинства, но и сильный, хотя и не вполне имъ понятный талантъ. Баратовъ былъ похороненъ въ Елизаветполѣ, въ оградѣ церкви, и только черезъ сорокъ восемь лѣтъ послѣ его кончины, въ 1893 году, прахъ его перенесенъ въ Тифлисъ.

Н. Баратовъ, какъ и большинство поэтовъ, началъ писать очень рано. Извѣстно, что его первыя стихотворенія изъ числа дошедшихъ до насъ относятся къ гимназическому періоду; извѣстно также, что онъ принималъ живое участіе въ изданіи рукописнаго гимназическаго журнала „Цвѣтокъ гимназіи“. Многія произведенія Николая Баратова утеряны для потомства, нужно полагать, навсегда; до насъ дошли всего 37 стихотв. и одна поэма. Несмотря на это поэтическая физіономія Н. Баратова въ этихъ произведеніяхъ обрисовывается достаточно ясно и опредѣленно.

Для правильнаго пониманія поэзіи Н. Баратова прежде всего необходимо совершенно отрѣшиться отъ желанія найти въ немъ грузинскаго Лермонтова или грузинскаго Байрона и разобратъ въ его стихотвореніяхъ, какъ самобытныхъ произведеній, передающихъ въ поэтической формѣ собственное, Н. Баратова, душевное настроеніе, а не лермонтовское и байроновское. Случайное и частичное совпаденіе нѣкоторыхъ мотивовъ поэзіи Баратова съ лермонтовскимъ и байроновскимъ демонизмомъ не должно приводить насъ къ школьному схематизму и схоластическому отнесенію поэзіи Баратова къ какому-либо хорошо извѣстному поэтическому направленію. Въ поэзіи Баратова несомнѣнно можно найти моменты демоническаго разочарованія жизнью и сильный могучій призывъ къ беззавѣтной борьбѣ безъ цѣли и смысла, но рядомъ съ этимъ можно указать и элементы романтизма, даже чистаго сентиментализма.

Н. Баратовъ, какъ сильная и самостоятельная поэтическая натура, былъ настоящимъ сыномъ своего времени и воплощалъ въ себѣ всѣ основныя черты своей эпохи. Какъ видно изъ сохранившихся до насъ писемъ поэта, частная жизнь его ничѣмъ рѣшительно не отличалась отъ жизни его современниковъ: также, какъ и другіе, онъ былъ преданъ веселью и разгулу, убивалъ время въ мимолетныхъ удовольствіяхъ, не прочь былъ посплетничать, платонически мечтать объ изученіи грузинской исторіи и развитіи литературы и т. д. Единственно, что отличало Н. Баратова отъ его современниковъ, это стремленіе „осмыслить жизнь“, придать ей цѣльность, связать разностороннія

влеченія собственной души единствомъ какой-либо цѣли, какого-либо идеала. На нашъ взглядъ, въ этомъ ключъ къ пониманію поэзіи Баратова. Отсюда возникаетъ, съ одной стороны, двойственность въ настроеніи поэта, а съ другой тонкій и вдумчивый анализъ разнородныхъ влеченій его души, предпринимаемый имъ съ цѣлью подняться на такую вершину мысли и чувства, съ которой всѣ отдѣльные моменты жизни предстали бы передъ его духовнымъ глазомъ, какъ частности и детали общей идеи.

Въ одномъ изъ раннихъ произведеній, написанномъ въ 1836 году, стало быть черезъ годъ по окончаніи гимназическаго курса и на 20-мъ году жизни, поэтъ говоритъ, что съ ранняго дѣтства всѣ его помыслы и стремленія сопровождается какой-то таинственный голосъ, мощно повелѣвающий ему „искать своего жребія“; поэтъ недоумѣваетъ, что это за таинственный голосъ, откуда онъ идетъ, отъ ангела-ли хранителя или отъ дѣвола-искусителя, и съ искренней тревожностью вопрошаетъ, какую будущность предуготовляетъ ему эта таинственная сила. За нѣсколько лѣтъ передъ смертью, въ 1842 году, Н. Баратовъ вновь вспоминаетъ этотъ таинственный голосъ, называетъ его злымъ гениемъ или духомъ, который нарушилъ, смутилъ его покой, проклинаетъ день, когда поэтъ сталъ приносить ему въ жертву свою сердечную чистоту, и заклинаетъ его уйти прочь, оставить поэта.

„Прочь отъ меня, злой духъ мучительныхъ желаній!

„Я мукамъ и тоскѣ плачу, скитаясь, дань...

„О горе, горе тѣмъ, кого въ часы страданій

Коснется вдругъ твоя чарующая длань!“.

Въ этомъ стихотвореніи поэтъ говоритъ, что злой духъ манилъ его къ свободѣ, рисовалъ картину счастья среди мученій и самый адъ въ рай блаженства превращалъ; исполненный очарованія, поэтъ доверчиво шелъ по указанной злымъ духомъ тропѣ, но что же?—теперь поэтъ оставленъ въ мѣрѣ „безъ предмета“, одинокимъ, съ невѣрящею душой; съ озлобленнымъ умомъ и съ жаждущимъ сердцемъ. Замѣтимъ, мимоходомъ, что это высоко поэтическое стихотвореніе Баратова, полное глубокой мысли и искреннихъ чувствъ, также какъ и многія другія его произведенія, хотя и имѣются въ русскомъ переводѣ, но эти переводы такъ мало похожи на оригиналъ, что иногда даже трудно раскрыть дѣйствительное содержаніе грузинскаго текста.

Основная мысль стихотворенія „Злой Духъ“, заключающая-

ся въ томъ, что поэтъ всю жизнь искалъ такого принципа міропониманія, который открылъ бы передъ нимъ широкую область свободы и счастья, воссоединилъ бы въ единое цѣлое страданія и наслажденія. Эта мысль высказана поэтомъ не для позировки, не для блеска, а какъ дѣйствительная и настоящая характеристика его многолѣтнихъ и сложныхъ душевныхъ волненій. Весь сборникъ стиховъ нашего поэта, за исключеніемъ можетъ быть двухъ или трехъ стихотвореній, свидѣтельствуетъ о томъ, какъ интенсивно работала въ этомъ направленіи мысль поэта и какъ она послѣдовательно переходила отъ разнузданнаго евдемонизма къ христіанскому аскетизму, отъ послѣдняго къ метафизическому туману романтизма, а затѣмъ къ реализму и демонизму.

Въ элегіи „Вечеръ на горѣ Давида“ поэтъ, подъ вліяніемъ открывающейся передъ его взоромъ съ вершины горы картины природы, мысленно отрывается отъ окружающей обстановки, забываетъ земную жизнь и за предѣлами ея, въ мірѣ вышихъ существъ, ищетъ основу и заключительное звено влеченій своего сердца, чтобы разъ навсегда освободиться отъ суетности земной жизни, но сознаетъ бессиліе и невозможность для человѣка проникнуть въ тайны мира. Мысли мои, говоритъ поэтъ, теряются въ пространствѣ, не долетѣвъ до небесной лазури, къ которой онѣ стремятся. Въ этомъ стихотвореніи ясно выступаетъ на первый планъ попытка нашего поэта разрѣшить волнующіе вопросы въ духѣ романтиковъ и критика этой попытки: поэтъ не считаетъ возможнымъ удовлетвориться неопредѣленнымъ и мистическимъ проникновеніемъ въ сокровенный смыслъ вселенной, его трезвый реалистическій умъ не можетъ примириться со слѣпой вѣрою въ надземное царство вышихъ существъ, направляющихъ по собственному разумѣнію и волѣ жизнь и дѣятельность людей. Поэтъ отказывается продолжать свои поиски въ этой сферѣ внѣземного бытія и въ слѣдующей за этимъ, по времени элегіи, „На берегу Куры“ стремится разгадать тайну суетности мира путемъ общаго реалистическаго анализа человѣческихъ стремленій и оцѣнки послѣднихъ.

Здѣсь поэтъ находитъ, что стремленія человѣка безпредѣльны, что человѣкъ никогда не удовлетворяется достигнутыми успѣхами и непремѣнно стремится къ еще большому. Послѣднее основаніе этой ненасытности стремленій человѣка—желаніе создать себѣ славу. Однако, земная жизнь не вѣчна, когда-нибудь и она упразднится, а въ такомъ случаѣ, для чего эти заботы о завоеваніи громкаго имени и громкой славы, вѣдь

некому будетъ даже прославлять? Поэтъ опять видитъ себя передъ неразрѣшенной загадкою, но не желаетъ оставаться въ состояніи нерѣшительности и, какъ бы производя нравственное насиліе надъ собою, заключаетъ: „но мы люди—дѣти земли, и должны слѣдовать ея законамъ“.

Естественно, что такое поверхностное разрѣшеніе вопроса не могло удовлетворить нашего поэта, и онъ скоро вновь ищетъ основу міровоззрѣнія, въ Высшемъ существѣ, къ Которому онъ возвращается съ раскаяніемъ, какъ заблудшій сынъ, и признавая Его источникомъ всякой жизни, стремится найти въ Немъ сиюкоиствіе, и самую жизнь („Моя молитва“). Однако, нашъ поэтъ удержался на этой религіозно-мистической почвѣ очень непродолжительное время, и вскорѣ по написаніи стихотворенія „Моя молитва“ обратился къ своимъ друзьямъ съ поэтическимъ воззваніемъ, въ которомъ приглашаетъ ихъ слѣдовать за міромъ и извлекать изъ него возможно большее количество сильныхъ удовольствій. Въ этомъ воззваніи къ друзьямъ Н. Баратовъ выступаетъ передъ нами въ качествѣ выдержаннаго и послѣдовательнаго сторонника началъ евдемонистическаго ученія, и тѣмъ самымъ завершаетъ кругъ развитія своихъ мыслей въ области противоположенія суетности мира и вѣчнаго покоя Высшаго существа: нашъ поэтъ съ одной стороны поднялся до крайняго религіознаго мистицизма, а съ другой дошелъ до сенсуалистической проповѣди; въ этомъ направленіи далѣе идти некуда, однако Н. Баратовъ ни тѣмъ, ни другимъ рѣшеніемъ вопроса не былъ удовлетворенъ, и вотъ онъ выставляетъ новый принципъ міровоззрѣнія: борьба для борьбы, ибо въ борьбѣ вся жизнь.

Идея борьбы воплощена нашимъ поэтомъ въ превосходномъ поэтическомъ образѣ коня (пегаса), который безпредѣльно мчится впередъ, грудью разсѣкаетъ воду, рвется сквозь вѣтеръ, не знаетъ усталости и безстрашно скачетъ по скалистымъ оврагамъ. Это непрерывное движеніе впередъ увлекаетъ нашего поэта столь сильно, что ему не жалко потерять связь со всѣмъ тѣмъ, что ему было дорого до сихъ поръ, съ родными, друзьями и даже съ родиною. „Конь“—это единственное стихотвореніе, написанное Н. Баратовымъ за два года передъ смертію, въ которомъ выставлена идея борьбы. Неожиданно подкрадываясь смерть сломила поэтическую кисть Н. Баратова какъ разъ въ то время, когда онъ только что успѣлъ покончить счеты съ найденными имъ на готовѣ принципами религіознаго мистицизма и евдемонизма и сдѣлалъ первую попытку развѣнуть свой мо-

гучій талантъ въ самостоятельно создаваемой имъ сферѣ принциповъ непрерывной и беззавѣтной борьбы за прогрессъ. Въ одномъ изъ своихъ красивыхъ стихотвореній Н. Баратовъ влагаетъ въ уста полевого цвѣтка слѣдующія слова: „Подъ небомъ все имѣетъ и начало, и конецъ, и я жалѣю лишь о томъ, что преждевременно наступаетъ мой конецъ“. Эти пророческія слова оправдались на нашемъ поэтѣ во всей полнотѣ.

Въ нашемъ краткомъ обзорѣ стихотвореній Н. Баратова мы старались сосредоточить все вниманіе на основныхъ и при томъ часто упускаемыхъ изъ виду его критиками, мотивахъ его поэзіи, оставляя въ сторонѣ многое, на чемъ слѣдовало бы остановиться при детальномъ и подробномъ изученіи его поэзіи, какъ напримѣръ, тихая грусть, какъ общій фонъ всѣхъ его стихотвореній.

Кромѣ внутренняго содержанія, поэзія Н. Баратова замѣчательна и до сихъ поръ никѣмъ въ грузинской литературѣ не превзойдена по совершенству формы, простотѣ языка и неподдѣльной искренности тона. Многія мѣста изъ стихотвореній Н. Баратова превратились въ народныя поговорки, что служитъ яснымъ и лучшимъ доказательствомъ его самостоятельности и духовнаго родства съ народомъ. Маленькій томикъ произведеній Баратова, всего въ 80 страничекъ, вѣроятно, еще долго будетъ однимъ изъ наиболѣе цѣнныхъ украшеній библіотски грузинскихъ поэтовъ и долго будетъ служить образцомъ языка, поэтической формы и глубины мысли для молодыхъ служителей Парнаса.

Х

Изъ мусульманской жизни.

Мусульманская жизнь до послѣдняго времени протекала какъ-то обособленно, вдали отъ общаго культурнаго движенія кавказскихъ народностей. Умственное, нравственное и социальное развитіе татарской народности Закавказья совершалось какъ-то скрытно отъ взоровъ сосѣдей. Только теперь, когда прекрасный Кавказъ обагрился потоками невинной крови безчисленныхъ жертвъ братоубійственной армяно-татарской распри, когда ходу культурнаго развитія нашего края угрожала серьезная опасность, только теперь кавказская и столичная печати, общественное мнѣніе вторглись въ эту terra incognita татарской общественности, и старались поднять завѣсу, скрывавшую отъ насъ социально-культурную жизнь цѣлаго народа. Доискиваясь причинъ армяно-татарскихъ погромовъ, естественно, печать и общество должны были изслѣдовать условія и обстоятельства социально-культурной жизни татарской народности, должны были познакомиться со всѣми господствующими теченіями и умственными направленіями татарской общественной жизни.

Въ настоящее время всѣ помыслы и интересы мусульманскаго общества сосредоточены въ той бурной жизни, которая клокочетъ благодаря армяно-татарскимъ кровавымъ столкновеніямъ. Мы не будемъ вдаваться въ подробный анализъ причинъ и фактовъ этого прискорбнаго явленія жизни нашего края, такъ какъ слишкомъ много было объ этомъ написано и сказано, но укажемъ только на одну сторону этихъ столкновеній, приведшихъ всѣ слои татарскаго населенія въ нервное движеніе. До возникновенія армяно-татарской дикой распри общественная жизнь мусульманъ, какъ мы сказали выше, не проявлялась ни въ чемъ: она была съ виду мертва и однообразно протекала въ будничной сѣрой обстановкѣ, не волнуясь и не колыхаясь. Но вотъ, раздались убійственные выстрѣлы, запылало зарево пожаровъ, и все мусульманское общество затрепетало, жизнь начала

явно бить учащеннымъ пульсомъ, та жизнь, которая до той поры казалась какъ бы сонной, летаргической, Но это только такъ казалось! Господствовавшее спокойствіе было передъ грозной бурей!...

Немыслимо же предположить, что неожиданно и нечаянно началась эта братоубійственная война между двумя народностями, что не было никакой связи между настоящимъ кровавымъ моментомъ и предшествовавшимъ спокойнымъ состояніемъ мусульманской жизни.

Пробужденіе общественной мысли въ Россіи, идея возрожденія и обновленія культурно-соціальныхъ формъ, подъемъ народнаго духа подъ вліяніемъ возвѣщенной годъ слишкомъ тому назадъ прессой политической весны—все это не осталось безъ отголоска также и у насъ, среди разноплеменнаго и многоязычнаго населенія Кавказа. Нѣтъ сомнѣнія, что волны этого освободительнаго движенія коснулись и мусульманской жизни. Первымъ и самымъ естественнымъ проявленіемъ освободительнаго движенія среди пробуждающихся народностей слѣдуетъ считать развитіе національнаго самосознанія въ народѣ. Дѣйствительно, сегодня уже совершившійся фактъ—существованіе національныхъ интересовъ у мусульманъ, активные и интеллигентные элементы которыхъ сгруппировались вокругъ газетъ „Каспій“ и „Геятъ“. Но этого мало. Пробужденіе національнаго самосознанія среди мусульманъ сопровождается чисто націоналистическими тенденціями, направленными къ одной цѣли и воодушевленными одной идеей-пантюркизмомъ. Ярымъ выразителемъ этихъ тенденцій является „Геятъ“, который задался цѣлью пропагандировать идею объединенія всѣхъ мусульманскихъ народностей не только Кавказа, но и Россіи. Въ этомъ духѣ появлялись статьи, доказывавшія, что сартамъ, ногайцамъ, киргизамъ, астраханскимъ и пр. татарамъ необходимо внушить идею ихъ національнаго единства (см. „Геятъ“ №№ 12, 72, 77 и т. д.).

Однако національныя идеи, выражающія характеръ соціально-политическихъ воззрѣній народа, большею частью на первыхъ порахъ недоступны для большинства мусульманской массы. Эта послѣдняя еще теперь различаетъ народности только по ихъ вѣроисповѣданіямъ. Поэтому, неудивительно, что идея пантюркизма понимается мусульманской массой въ формѣ *панисламизма*, въ формѣ религіознаго объединенія всѣхъ мусульманскихъ народностей. Татарская интеллигенція подъ покровомъ панисламизма, какъ болѣе доступной формы для народнаго пониманія, постепенно проводитъ въ народное сознаніе идеи пан-

тюркизма, какъ національно-политическаго міровоззрѣнія якобы необходимаго для національнаго развитія татаръ.

Именно эти націоналистическія идеи татарской интеллигенціи развивались въ тиши, поготовляя мусульманское общественное движеніе къ той роли, которую оно должно было въ будущемъ играть въ общественно-политической жизни Кавказа. Этотъ націонализмъ сдѣлался обоюдо острымъ орудіемъ въ рукахъ татарскихъ интеллигентовъ, которые съ самаго начала стали проявлять нѣкоторую нетерпимость, враждебность къ армянамъ, считая послѣднихъ почему-то помѣхой для осуществленія грядущихъ пантюркскихъ политическихъ цѣлей, помѣхой, которую слѣдовало во всякомъ случаѣ скорѣе уничтожить, удалить съ дороги... И вотъ, общественное движеніе мусульманъ подъ вліяніемъ національнаго самосознанія и обновленія народнаго развитія вырвалось изъ своего спокойнаго теченія и вмѣсто того, чтобы послужить общему благу и возрожденію Кавказа, оно вылилось въ уродливыя формы дикой, некультурной борьбы. Вмѣсто того, чтобы рука объ руку съ передовыми народностями Кавказа ратовать за процвѣтаніе и политическое развитіе нашего края, татарскій націонализмъ послужилъ только провокаторскимъ проискамъ темныхъ силъ. Насколько сильно были развиты націоналистическія стремленія въ мусульманской интеллигенціи, можно заключить изъ статьи „Геята“ (№12), въ которой говорится слѣдующее: „Вскорѣ Россія получитъ конституціонный образъ правленія и всѣмъ гражданамъ дадутъ избират. право; но дадутъ ли такое право намъ, мусульманамъ, позволятъ-ли мусульманамъ имѣть собственныхъ представителей? При такомъ положеніи вещей, конституціонное правл. для насъ, мусульманъ, будетъ болѣе невыгоднымъ, чѣмъ нынѣшній самодержавный строй. Нашъ народъ въ опасности, мы въ безвыходномъ положеніи и, если мы теперь же не подготовимся къ будущей борьбѣ, то мы на вѣки погибли. Для обезпеченія будущей судьбы мусульманскаго народа мы не должны бороться противъ нынѣшняго режима. Эти борьбу вели другіе и уже достаточно отравили организмъ нынѣшняго правительства съ цѣлью его окончательнаго разстройства. Съ нашей стороны прибавить что-либо къ этому разрушенію было бы совершенно излишне. Однако мы должны подготовиться для борьбы съ будущимъ правительствомъ. Въ будущемъ, при новомъ строѣ, нашему народу грозитъ опасность, она близка, и мы должны бороться съ ней. Но имѣемъ ли мы для этой борьбы

готовыя организованныя силы? Безъ этой организациі немислима кака-либо національная борьба“.

Кровавыя событія армяно-татарской распри открыли многія язвы общественной жизни мусульманъ, указали на безчисленныя нужды и недостатокъ мусульманскаго общества. Одно то, что активныя силы мусульманской общественной жизни стояли далеко отъ того освободительнаго движенія, которое занимало умы и сердца всѣхъ передовыхъ частей російскихъ народностей, въ томъ числѣ и кавказскихъ, одно это обстоятельство указываетъ на отсталость и политическую незрѣлость мусульманъ. Даже въ вопросѣ о введеніи земства на Кавказѣ, какъ видно изъ одной корреспонденціи въ газетѣ „Баку“, мусульманскіе представители въ нѣкоторыхъ уѣздахъ, населенныхъ татарами, заняли отрицательную позицію, считая земское самоуправленіе для этихъ провинцій совершенно излишнимъ и несоотвѣтствующимъ прямымъ интересамъ мусульманскаго крестьянства.

Мусульманское общество, показавъ себя вполнѣ пассивнымъ и даже индифферентнымъ по отношенію къ общему освободительному движенію передовыхъ элементовъ Россіи, наоборотъ проявило энергичную дѣятельность во внутренней своей жизни. Иначе и не могло быть, если мы примемъ во вниманіе то, что говорили немного выше о пробужденіи національнаго самосознанія среди мусульманскаго общества.

Грустную картину представляетъ социальное-культурное положеніе мусульманъ: правовое ограниченіе мусульманскаго населенія передъ закономъ, отсутствіе образовательныхъ и просвѣтительныхъ учреждений, слѣдовательно полное невѣжество и культурная отсталость татарской массы, экономическое бѣдственное положеніе крестьянства, эксплуатируемаго агаларами и т. п. привилегированными сословіями—вотъ что является большими вопросами мусульманской общественной жизни и ждетъ своего разрѣшенія. На эти именно явленія своей внутренней жизни направили главное вниманіе и стараніе представители мусульманской интеллигенціи.

Наравнѣ съ другими кавказскими національностями мусульманское общество выработало петицію, въ которой выставлены неотложныя нужды мусульманскаго населенія, и своевременно представило намѣстнику Кавказа. Приводимъ нѣкоторые главные пункты изъ этой петиціи, имѣющіе въ виду чисто національные интересы и характеризующіе основныя черты мусульманской общественной жизни:

„I. Предоставить закавказскимъ мусульманамъ право свободнаго вѣроисповѣданія и свободнаго отправленія своихъ религіозныхъ обрядовъ. II. Предоставить закавказскимъ мусульманамъ безъ различія толковъ право свободнаго выбора духовныхъ лицъ для вѣдѣнія своими духовными дѣлами, изъявъ существующія духовныя учрежденія изъ вѣдѣнія министерства внутреннихъ дѣлъ съ подчиненіемъ ихъ общественному контролю. Духовныя учрежденія и духовныя должностныя лица при разрѣшеніи вопросовъ, возникающихъ на религіозной почвѣ, должны обязательно руководствоваться шаріатскими книгами „Рисалѣ“ главнаго находящагося въ живыхъ муштаида; въ случаѣ, если спорный вопросъ не предусмотрѣтъ „Рисалѣ“, тогда духовныя учрежденія и лица должны письменно обращаться за разъясненіемъ къ тому же муштаиду въ видахъ единообразнаго примѣненія шаріатскихъ правилъ, чего требуютъ догматы религіи. III. Возвратить обратно мечетскія (вакуфныя) имущества и предоставить мусульманскому обществу право полнаго распоряженія всѣми вакуфными и другими имуществами, принадлежащими мечетямъ и мусульманскимъ святынямъ, дабы доходы съ этихъ имуществъ пошли на постройку новыхъ и на поддержку старыхъ мечетей, на удовлетвореніе духовныхъ и благотворительныхъ потребностей, содержаніе духовныхъ учреждений и на другія народныя нужды. IV. Отмѣнить всѣ законы и правительственныя распоряженія, коими нынѣ органичиваются политическія, гражданскія и религіозныя права закавказскихъ мусульманъ, уравнивъ послѣднихъ въ правахъ съ кореннымъ населеніемъ русскаго государства. V. Предоставить полную свободу закавказскимъ мусульманамъ въ дѣлѣ нар. образованія и учебно-воспитательной части всѣхъ учебныхъ заведеній, находящихся подъ контролемъ выборныхъ отъ общества; изученіе закона Божія, роднаго языка, литературы и исторіи своего народа. Свободное изученіе ихъ какъ въ правительственныхъ, такъ и частныхъ учебныхъ заведеніяхъ. Разрѣшить частнымъ лицамъ и о-вамъ безпрепятственно открывать общеобразоват. и профес. школы съ преподаваніемъ въ нихъ предметовъ на родномъ тюркскомъ языкѣ. Предоставить намъ право получать образованіе за границей (Персіи или Турціи), за отсутствіемъ у насъ высшихъ богословскихъ факультетовъ. Предоставить намъ право приглашать опытныхъ педагоговъ изъ-за границы, а также выписывать учебники. Обязательное и бесплатное обученіе въ начальныхъ школахъ. Учредить всевозможныя высшія спеціальн. и духовныя училища въ Закавказьѣ. Разрѣшить свободно издавать на родномъ тюркскомъ языкѣ журналы, газеты, какъ оригинальныя, такъ и переводныя. Открывать бібліотеки и читальни, устраивать народныя курсы и чтенія и вообще открывать всякаго рода просвѣтительныя и благотворительныя учрежденія“.

Для разрѣшенія вопросовъ, касающихся религіозныхъ и умственныхъ сторонъ мусульманскаго общества въ концѣ сентября въ Тифлисѣ былъ созванъ мѣстный съѣздъ мусульманскихъ дѣятелей какъ изъ духовнаго, такъ и изъ свѣтскаго міра.

Какъ извѣстно, Высочайшимъ повелѣніемъ 18-го мая с. г. образовано особое, подъ предсѣдательствомъ члена государственнаго совѣта графа Л. П. Игнатъева, совѣщаніе для согла-

сованія дѣйствующихъ узаконеній съ именнымъ Высочайшимъ указомъ 17-го апрѣля 1905 г. по дѣламъ вѣры.

Указомъ этимъ признаны подлежащими пересмотру, между прочимъ, законоположенія, касающіяся важнѣйшихъ сторонъ религіознаго быта лицъ магометанскаго исповѣданія. При этомъ, въ п. X. Высочайше утвержденныхъ, того-же 17-го апрѣля, положеній комитета министровъ объ укрѣпленіи началъ вѣротерпимости, подробно указаны тѣ вопросы по упомянутому исповѣданію, которые должны быть разработаны особымъ совѣщаніемъ.

Такъ какъ приведенные выше Именной Высочайшей указъ и Высочайше утвержденныя положенія комитета министровъ опубликованы во всеобщее свѣдѣніе, то многія должностныя лица магометанскаго духовенства, а также частныя лица магомет. исповѣданія уже обратились по собственному почину съ ходатайствами объ измѣненіи законовъ по дѣламъ ихъ вѣры. Въ числѣ поступившихъ прошеній не имѣется, однако, заявленій ни отъ магометанскихъ обществъ на Сѣверномъ Кавказѣ, ни отъ закавказскихъ мусульманъ.

Поэтому генераль-адъютантъ графъ Игнатьевъ обратился къ намѣстнику Е. И. В. на Кавказѣ съ просьбой, не признаеть и онъ возможнымъ предложить мѣстному мусульманскому духовенству дать отзывъ о тѣхъ измѣненіяхъ, которыя— по мнѣнію послѣдняго—должны быть произведены въ узаконеніяхъ, опредѣляющихъ мѣстный религіозный бытъ. Не менѣе желательнымъ графъ Игнатьевъ признаеть заявленія по тому же предмету со стороны частныхъ лицъ.

Озабочиваясь выясненіемъ, какія именно измѣненія въ дѣйствующемъ положеніи самимъ мусульманскимъ духовенствомъ и населеніемъ признаются необходимыми, намѣстникъ Е. И. В. на Кавказѣ просилъ закавказскихъ шейхъ-уль-ислама и муфтія образовать для обсужденія означеннаго вопроса особое совѣщаніе съ участіемъ тѣхъ духовныхъ и свѣтскихъ лицъ, участіе коихъ въ обсужденіи этого дѣла признано будетъ полезнымъ и желательнымъ.

По особымъ письменнымъ приглашеніямъ, разосланнымъ по всему Закавказію муфтіемъ и шейхъ-уль-исламомъ, съѣхались въ г. Тифлисъ представители мусульманскаго духовенства и интеллигенціи. Засѣданія съѣзда начались 30-го сентября, въ видѣ предварительныхъ частныхъ совѣщаній въ помѣщеніяхъ шиитскаго и суннитскаго духовныхъ правленій, но послѣ нѣсколь-

кихъ засѣданій съѣздъ былъ отложенъ на неопредѣленное время.

Общественная инициатива среди мусульманъ начала разгиваться, и мы видимъ, какъ къ мѣстнымъ властямъ поступали ходатайства объ открытіи благотворительныхъ и другихъ общественныхъ учреждений, о разрѣшеніи на изданіе новыхъ газетъ и т. д.

Недавно г. намѣстникъ кавказской утвердилъ представленный уполномоченнымъ учредителемъ "общества просвѣщенія туземцевъ мусульманъ дагестанской области" Асель-деръ-бекомъ Казаналиповымъ проектъ устава названнаго общества.

Даже женщины-мусульманки не отставали отъ общаго движенія мусульманскаго пробужденія. Среди нихъ возникла мысль объ учрежденіи мусульманскаго женскаго благотворительнаго о—ва. Главная задача о—ва должна заключаться въ открытіи начальныхъ женскихъ школъ для мусульманокъ въ разныхъ пунктахъ Закавказья. Согласно проекта устава этого общества, въ Тифлисъ будетъ сосредоточено распорядительное правленіе, а въ другихъ крупныхъ городахъ—мѣстные распорядительные комитеты. Въ члены правленія и комитетовъ будутъ избираться исключительно женщины.

Очень характернымъ является то обстоятельство, какъ и въ какомъ духѣ намѣрена кавказская мусульманская печать и интеллигенція воспользоваться свободой печати, слова и просвѣщенія, дарованной Россіи. Если другія національности Кавказа въ дѣлѣ просвѣщенія массы стремятся болѣе или менѣе приобщиться къ европейской культурѣ, воспользоваться благами цивилизаціи, и гражданственности въ смыслѣ сближенія и совмѣстнаго нравственнаго и умственнаго развитія мѣстныхъ народностей, мусульмане обращаются вспять. „Геять“ и многіе представители мусульманской интеллигенціи ищутъ будущность ислама, идеала духовнаго развитія своихъ соотечественниковъ въ мечетяхъ и медресе. Общественныя собранія, публичныя рѣчи, совѣщанія общественнаго характера, всѣ проявленія умственной жизни они сосредоточиваютъ въ медресе, въ перковныхъ учрежденіяхъ и въ духовно-религіозныхъ сферахъ. Такимъ образомъ вліяніе мусульманскаго духовенства, которое вѣками держало въ своихъ рукахъ судьбу развитія умственной и нравственной жизни мусульманъ и привело ее къ нынѣшнему незавидному культурному положенію, отнынѣ все еще будетъ продолжать имѣть силу и руководить духовнымъ и умственнымъ воспитаніемъ народной массы. Къ сожалѣнію, коранъ и его

ученіе въ этомъ смыслѣ являются наилучшимъ орудіемъ духовенства, представители котораго, сами будучи непросвѣщенными и необразованными, извращаютъ и ложно истолковываютъ великія мысли Магомета.

* * *

Изъ армянской жизни.

На жизнь русскихъ армянъ и Закавказья, вообще, за послѣднее время имѣли крупное вліяніе слѣдующія обстоятельство: неудачи русско-японской войны, успѣхи російскаго освободительнаго рабочаго движенія и перемѣна въ управленіи краемъ. Эти факторы содѣйствовали пробужденію къ жизни внутреннихъ темныхъ и свѣтлыхъ силъ, уже давно дававшихъ о себѣ знать. Все бурнѣе взрывались нарывы, созданные натянутымъ соціально-экономическимъ неравенствомъ съ одной стороны, съ другой вызванные несправедливымъ управленіемъ края, не признававшимъ воли, нужды, правъ и духа народнаго. На почвѣ этихъ настроеній уже давно создавались новыя формы народной жизни, часто тайныя, незаконныя, но отвѣчавшія потребностямъ жизни. Новая высшая администрація принесла съ собою большее довѣріе къ населенію края и рядъ благотѣльныхъ реформъ, отмѣнивъ въ то же время недавно изданные несправедливые законы. Наконецъ, давно обострившіеся вопросы культурнаго соревнованія и политическаго соперничества вызвали кровавыя національныя столкновенія въ отношеніи которыхъ высшая администрація не оказалась на высотѣ своего долга. Туго налаживающійся конституціонный механизмъ, благодаря судорожнымъ усиліямъ бюрократіи, принесъ новыя бурныя кровавыя событія и еще болѣе принесетъ ихъ. Обращаясь къ армянской дѣйствительности, мы должны признать, что она за послѣднее время, какъ и всегда, оказалась неразлучна съ кровью и слезами. Мы говоримъ объ ужасахъ армяно-татарскихъ столкновеній? Ихъ фактическую обстановку нынѣ можно считать установленной согласными показаніями такихъ безпристрастныхъ свидѣтелей, какъ О. Семинъ, Немировичъ-Данченко, Синакевичъ, Хоментовскій, Новиковъ, Соколовскій, Пономаревъ, корреспонденты „Times'a“ г. Браунъ, и „Courrier'a de la segga“ Виллари и, наконецъ, принцъ Наполеонъ. Сперва агитація эмиссаровъ парп-

сламизма черезъ бековъ, старшинъ и т. п. почетныхъ мусульманъ съ одновременной провокаціей полиціи и администраціи, затѣмъ обезоруженіе и усыпленіе бдительности армянъ и, наконецъ, по условленному сигналу, нападеніе на армянъ при участіи или въ лучшемъ случаѣ безучастіи полиціи и войскъ *) (оговариваемъ, что, когда примѣшивался, напр., фискальный интересъ или могли имѣть значеніе какія-либо инья соображенія, то поведеніе войска бывало иное). А потомъ, грабители и убійцы татары оставались безнаказанны, арестовывались армяне съ оружіемъ, сопротивленіемъ, и заводились дѣла о бомбахъ. Оговариваемъ и на этотъ разъ, что исключеніе составлялъ въ значительной степени образъ дѣйствій принца Наполеона. Наблюдались и случаи организованнаго нападенія армянъ на татаръ, но они не выходили изъ границъ осуществленія принципа: защищаться, нападая, и играли дѣйствительно отрезвляющее вліяніе на татаръ. Къ изложенному добавимъ, что движеніе татаръ противъ армянъ охватило около 10 уѣздовъ, и именно тѣ, гдѣ армяне составляютъ значительное меньшинство и шло по линіи отъ Баку на Шушу, Зангезуръ, Нахичевань, Эривань, т. е. по границѣ съ Персіей. Кровавыя столкновенія сопровождались появленіемъ красныхъ фесокъ и зеленыхъ чалмъ; а банды грабителей шли съ эриванской губ. со знаменами и крикомъ Я-Али. Это все внѣшніе признаки панисламизма. Наиболѣе типичными и обслѣдованными были погромы нахичеванскій, джагринскій и минкендскій. Въ числѣ наиболѣе извѣстныхъ героев погромовъ называемъ приставовъ Садыхъ-бека, Меликъ-Асланова, нынѣ, наконецъ, черезъ 2 мѣсяца послѣ совершеннаго имъ погрома арестованнаго, Зейналъ-Абдинъ-бекова, Мамедбекова, ордубадскаго пристава Филиппова, нахичеванскаго Джафаръ-Кулихана, и какъ на виновника бакинской рѣзни А. Новиковъ указалъ на кн. Накашидзе. Печально отмѣтить, что джагринскій старшина, преступная роль котораго внѣ сомнѣнія, хотя и былъ арестованъ, но усиліями своихъ родичей освобожденъ. Мы называли наиболѣе популярныхъ героевъ, всѣ же имена ихъ ты, Господи, вѣси.

Таковы факты. Каковы же причины?

Для этого бросимъ взглядъ на прошлое. Утвержденіе вла-

*) Въ Нахичевани за 1/2 часа до погрома вице-губернаторъ Тарановскій ручался за порядокъ; во время погрома войска производили за городомъ учебную стрѣльбу, а полиція участвовала въ грабежѣ. Послѣ же погрома пріѣхалъ Алихановъ и окружилъ себя организаторами погрома.

сти Россіи въ Закавказьѣ произошло при дѣятельной поддержкѣ армянъ; армянское населеніе оказывало всяческое содѣйствіе войскамъ, которыя подъ предводительствомъ армянскихъ генераловъ неоднократно разбивали мусульманъ, мусульмане этого не забыли; они считаютъ, что армяне привлекли русскихъ и они являются оплотомъ господства Россіи. Это тѣ самые армяне, на которыхъ татары привыкли смотрѣть, какъ на безправную христіанскую райю; эта райя оказалась вдругъ надѣленной большими, чѣмъ мусульмане, правами и начала дѣлать крупныя культурныя успѣхи. И такъ какъ армяне живутъ вперемежку съ мусульманами, то мусульмане не только были свидѣтелями этихъ успѣховъ, но эти успѣхи сверхъ того весьма чувствительно отражались на ихъ интересахъ. Это сожителство и имѣло трагическое значеніе для армянъ. Мусульманинъ увидѣлъ, что врачи, инженеры, адвокаты—армяне, въ общественныхъ учрежденіяхъ и культурной жизни вліяніе принадлежитъ его „добрымъ сосѣдямъ“, вчерашнимъ его рабамъ—этого онъ не могъ простить имъ; страшно-консервативная психологія тюрка не могла переварить этого крушенія своего вѣками сложившагося культурнаго міросозерцанія. Часть мусульманъ не выдержала этого и эмигрировала изъ завоеванныхъ Россіей земель; оставшаяся же затаила въ себѣ оскорбленное чувство, которое создало подготовленную почву. Но эти же самые армяне, не довольствуясь своими успѣхами въ Россіи, начали стремиться къ эмансипаціи своихъ турецкихъ братьевъ, обращая вниманіе культурныхъ народовъ на невыносимое положеніе ихъ и пытаясь создать среди нихъ силу для противодѣйствія турецкому произволу. Когда эти стремленія привели къ 61 ст. берлинскаго трактата и августовскому меморандуму 1896 г. и когда для защиты жизненныхъ правъ армянскаго народа создались революціонныя партіи, мусульманскій міръ увидѣлъ въ нихъ опасность для своихъ интересовъ. Четырехмилліонный культурный народъ, быстро размножающійся, съ пробудившейся культурно національной жизнью, того и гляди потребуетъ себѣ территоріи, въ случаѣ если созрѣютъ у него и политическіе идеалы.

Правда армяне на своей исторической территоріи составляютъ менѣе 50% но вѣдь они размножаются втрое быстрѣе мусульманъ. Ergo, надо ихъ разжижить, нанести имъ возможно сильный нравственный и матеріальный ущербъ, пріостановить ихъ культурныя успѣхи, разорить ихъ и выселить, дабы расчистить дорогу новому движенію мусульманъ, панисламистиче-

скому. Для этого организовываются избіенія армянъ въ Турціи, а затѣмъ выжидается случай для таковыхъ же въ Россіи. Правда, армяне были исконными друзьями Россіи; но вотъ, на армянъ падаетъ подозрѣніе въ интригахъ противъ Россіи, у нихъ отбираются школы и церковныя имущества. Армяне оказались внѣ закона. Администрація быстро напиталась армянофобствомъ. Если къ этому присоединить, что по убѣжденіямъ своимъ армяне присоединились къ либеральному движенію Россіи, то легко понять, какое удобное положеніе создалось для осуществленія мусульманскихъ намѣреній. Они быстро поняли, что имъ надо выставить себя убѣжденными защитниками самодержавія, которое и на самомъ дѣлѣ имъ выгодно, чѣмъ культурные порядки конституціоннаго режима, который усилитъ значеніе болѣе культурныхъ народовъ, напр., армянъ; усвоивъ полицейско-консервативный образъ мыслей, они стали притворяться убѣжденными въ томъ, что армяне подкуплены японцами, и взяли на себя роль черной сотни, усмирителей бунтарей, на каковую роль ихъ благословила администрація, давъ имъ въ союзники хулигановъ. Бѣда только въ томъ, что пылкій темпераментъ татаръ увлекъ ихъ далеко и они не остановились передъ нанесеніемъ ущерба казнѣ и погромомъ русскихъ, такъ что этихъ вѣрно подданныхъ защитниковъ отечества пришлось разгонять пушками. Но что дѣлать? Иной способъ борьбы, культурный, не годился—невѣжественный народъ избираетъ способы дикіе. Съ другой стороны, эта форма политической борьбы не была чужда традиціямъ русской полиціи. И вотъ уже десятый мѣсяць льется въ Закавказьѣ неповинная кровь, а очаги преданы разграбленію. Многіе склонны были видѣть въ татарахъ слѣпое орудіе „шейтана“, но это орудіе во всякомъ случаѣ зрячее*), такъ какъ оно избирало себѣ путь, прилегающій къ персидской границѣ и затѣмъ движеніе фиксировалось на мѣстахъ съ преобладающимъ мусульманскимъ населеніемъ. Последнее обстоятельство служитъ яснымъ доказательствомъ отсутствія у армянъ агрессивныхъ намѣреній, такъ какъ очевидно армяне тогда избрали бы мѣста съ преобладающимъ армянскимъ населеніемъ. Къ этому аргументу прибавимъ традиціонное миролюбіе армянъ, а также то соображеніе, что всякій избираетъ оружіе, которымъ онъ лучше владѣть, и армянинъ естествен-

*) Не лишнее оговориться, что эту сознательность мы приписываемъ лишь идеологамъ и руководителямъ; масса же народная татарская была движима лишь своими дикими инстинктами, которые и были использованы ла варями.

но избралъ бы тогда не борьбу, насиліемъ одинъ на десять, а культурную борьбу, въ которой у него гораздо больше шансовъ на успѣхъ, что онъ и сдѣлалъ, впрочемъ. Съ другой стороны, провокація администраціи подкрѣпляетъ, кромѣ прямыхъ фактическихъ данныхъ, слѣдующимъ соображеніемъ: въ сѣв. Персіи, гдѣ всѣ прочія причины налицо и агитація антиармянская ведется энергично, столкновенія прекращаются слабой персидской полиціей; болѣе того, армяне-гайдуки, ведущіе борьбу съ персидскими грабителями, пользуются особымъ покровительствомъ закона. Если къ изложенному прибавимъ что военныя неудачи Россіи разожгли аппетиты панисламистовъ, что безнаказанность разгромовъ привлекла всѣхъ любителей легкой наживы, что послѣ ряда убійствъ въ обѣихъ сторонахъ вспыхнуло чувство мести, личной, родовой и національной, подливавшей масло въ огонь,—то мы получимъ полную картину движенія, наносящаго страшный ущербъ обѣимъ сторонамъ. Какъ же отнеслись общество и печать къ этой ужасной драмѣ? Съ чувствомъ глубокаго отвращенія отмѣчаемъ письмо къ армянамъ мусульманской организаціи „Ифтіадъ“, доказывающее что армяне должны быть благодарны мусульманамъ за то, что послѣдніе не совершенно стираютъ ихъ, армянъ, съ лица земли, и что если неблагодарные армяне что-либо себѣ позволяютъ, то мы ихъ всѣхъ вырѣжемъ.

Вообще первое время была тенденція видѣть въ армяно-татарскихъ столкновеніяхъ только провокацію. Но что факторомъ являлась не одна провокація, явствуетъ съ очевидностью, какъ изъ письма Ифтіада, такъ и изъ заявленія одного татарина, члена умиротворительнаго комитета въ Баку: „пусть армяне обуздаютъ свои комитеты, которые въ Турціи рѣжутъ насъ, тогда и мы прекратимъ!“ Какъ видите, откровенное признаніе. Это заявленіе характерно и въ томъ отношеніи, что въ немъ заключается обвиненіе армянскихъ революціонныхъ комитетовъ, обнаруживающихъ якобы агрессивную-національную дѣятельность и повинныхъ стало быть въ рѣзнѣ. Но невыносимое положеніе турецкихъ армянъ признано всѣмъ свѣтомъ и усиліе его улучшить никому не можетъ быть поставлено въ укоръ, и обвиненіе комитетовъ несостоятельно. Равнымъ образомъ нельзя допустить агрессивную дѣятельность армянъ въ Россіи, когда всюду погромы происходили въ мѣстностяхъ съ преобладающимъ армянскимъ населеніемъ, когда горѣли армянскія села, армянскіе дома и промысла. Но тѣмъ не менѣе татарская печать въ стилѣ полицейскихъ протоколовъ бросаетъ вмѣстѣ

съ генераломъ Такайшвили армянамъ обвиненіе, что они за бунтъ, что этому ихъ обучили швейцарскіе социалисты, съ которыми они въ сношеніяхъ. Свойство этихъ обвиненій избавляетъ насъ отъ необходимости возражать, тѣмъ болѣе что послѣ измѣненія строя они не послужатъ той грязной цѣли, для которой написаны. Столь же характернымъ является требованіе, выставленное татарами при переговорахъ о мирѣ въ Баку, о томъ, чтобъ армяне обязались выдать властямъ членовъ своихъ комитетовъ. И въ то время, когда армяне требовали гласности и суда, со стороны татаръ выставлялось требованіе обуздать печать. Словомъ во всѣхъ ихъ дѣйствіяхъ строго выдержанъ полицейско-консервативный стиль. Къ чему же, по мнѣнію татаръ, стремились армяне? Армяне, говорили они, стремятся заполнить Кавказъ, слѣдатель изъ Кавказа вторую Македонію, присвоить гегемонію въ Закавказьѣ надъ грузинами и мусульманами, которые между тѣмъ подѣлили такъ Кавказъ, что армянамъ не осталось территоріи: грузины заявили претензію на тифлисскую и кутаисскую губ., а татары на восточныя губерніи. Армяне же, какъ извѣстно изъ ихъ петиціи, желали федеративнаго строя подъ эгидой русской власти. Кому же спрашивается ставить въ вину національную исключительность. „Гейять“ между прочимъ заявлялъ, что все это зло отъ гахтакановъ (армянъ-переселенцевъ). Затѣмъ, когда было установлено географическое расположеніе погромовъ, именно, что они происходили въ мѣстностяхъ съ армянскимъ *меньшинствомъ*, были выставлены татарской печатью аргументы экономического свойства, что виной всему армянская буржуазія, якобы побивающая татарскую, и ея эксплуататорскія наклонности. Къ послѣдному истолкованію событий, какъ это ни грустно, присоединилась и грузинская печать. Иверія“ выставила въ связи съ этимъ старый арсеналь аргументовъ—что армяне не хотятъ жить въ дружбѣ, заполонили тифлисскую думу, кричатъ на всю Европу про себя и что они всегда вообще обижали, поработали татаръ (не бековъ ли?). Демократическій „Могзаури“ выставляетъ совершенно непонятную аргументацію, что виною всему армянская буржуазія съ ея националистическимъ направлениемъ (это армянская то буржуазія, не желающая знать своего языка и бойкотирующая свой театр!); эта де буржуазія соединилась съ духовенствомъ (т. е. какъ это въ натурѣ произошло и изъ чего это умозаключается?), ну и затѣмъ держитъ пролетаріатъ въ летаргическомъ снѣ (любыпытно сопоставить это обвиненіе съ обвиненіемъ „Слова“, что всему виною необузданность армянскихъ социалистовъ; угоди на

всѣхъ!). Вмѣстѣ съ тѣмъ бросается упрекъ „Дашнакцутюну“, что онъ националистиченъ, буржуазенъ и задерживаетъ классовое самосознаніе армянъ. Тутъ забывается, какую крупную роль играли рабочіе-армяне въ Баку, вынося иногда на своихъ плечахъ всю тяжесть классовой борьбы. Забывается при этомъ сравненіе ихъ съ татарами-рабочими, классовое самосознаніе которыхъ столь затемнено, что полиція пользовалась ими для усмиренія рабочихъ безпорядковъ и что особенно важно, что полиція разъясняла татарамъ, что рабочее движеніе есть въ сущности возстаніе армянъ съ цѣлью имѣть своего царя и поработить мусульманъ; и армяне и ихъ „Дрошакъ“ всегда питали серьезнѣйшія опасенія, что изъ забастовки выйдетъ татаро-армянская рѣзня, какъ и было въ августѣ въ Баку съ забастовкой трамвая. Вообще, армянамъ всюду грозитъ опасность очутиться между двухъ огней. Это и опредѣляло всегда дѣятельность „Дрошака“, понимавшаго всегда, что какъ ни важны экономическія условія, но еще важнѣе вопросы физическаго существованія. Глубоко-демократическій онъ всегда добивался, какъ и грузины, національныхъ правъ для народа, а не буржуазіи, забывшей свой языкъ. И смѣшно было бы, если бы „Дрошакъ“, напр., пробуждая классовое сознаніе армянскаго пролетаріата въ Турціи вмѣстѣ съ турецкимъ, забылъ, что прежде всего не признано право его физическаго существованія. То же нынѣ пришлось сказать и о русскихъ армянахъ.

Относительно русской передовой печати мы съ чувствомъ удовлетворенія отмѣчаемъ, что она сразу съумѣла правильно поставить точку зрѣнія—это та же точка зрѣнія, что и наша. Консервативная же приняла точку зрѣнія татарской печати.

Какое же положеніе заняла власть, когда она хотѣла прекратить распрю? Власть все возложила на войско, о роли котораго мы говорили и которое, конечно, при желаніи сразу положило бы всему конецъ,—а затѣмъ на умиротворительныя мѣры, процессіи, которымъ теперь уже никто не вѣритъ. Власти старательно избѣгаютъ сильныхъ мѣръ, чтобъ не раздражать, и тѣмъ администраторамъ, которые хватаютъ быка за рога, какъ, напр., г. Барановскій и принцъ Наполеонъ, не даютъ возможности работать. Какъ на преобладающій типъ, укажемъ на генерала Такайшвили, который ежедневно сообщаетъ о безопасности шушинскаго тракта, занятаго татарскими шайками; мы не говоримъ объ Алихановѣ, Амилахвари и др. Еще одна мѣра предложена администраціей: заселеніе края казаками. Бѣдные армяне!

Сами армяне просили высшую власть объ организациі народной милиціи и летучихъ отрядовъ, но пока это не осуществлено; печать предлагаетъ въ качествѣ немедленныхъ мѣръ: самозащиту, удаленіе татаръ изъ полиціи, скорый судъ и административныя взысканія.

Ужасныя событія въ жизни армянской породили гибельную эмиграцію, подорвали земледѣліе, кровь и несчастія потрясли психику, тысячи семей голодаютъ и имъ приходится слабо на помощь благотворительность. И это несмотря на то, что за послѣднее время были возвращены армянамъ школы и церковныя имущества, столь тѣсно связанныя между собой и съ духовной жизнью армянскаго народа. Отобраніе церковныхъ имуществъ сблизило разные слои армянскаго народа, усиливъ кадры „Дрошака“, съумѣвшаго быстро завоевать популярность организованной борьбой за права Эчмиадзина. Съ другой стороны это сблизило Эчмиадзинъ съ народомъ. Указомъ 1-го августа имущества возвращены, но формальности обратной передачи ихъ Эчмиадзину еще не выполнены. Несмотря на это, въ печати уже обсуждается вопросъ объ ихъ дальнѣйшемъ управленіи. Изъ нихъ церковныя и семинарскія управляются выборными отъ народа, а монастырскія монахами. Печать предлагаетъ управленіе послѣдними также передать народу, для чего предлагаетъ учредить въ Эчмиадзинѣ центральное управленіе, которое ввело бы рациональную эксплуатацію. Справедливость требуетъ замѣтить, что эксплуатація церковныхъ имуществъ также неудовлетворительна. „Норъ-Даръ“ принципиально стоитъ на томъ, чтобы церковныя имущества управлялись церковью. Одна изъ церквей, Могнинская, въ Тифлисѣ уже приступила къ осуществленію важнаго права, предоставленнаго указомъ 1-го августа—права налога на прихожанъ на духовно-просвѣтительныя цѣли. Вообще, указъ 1-го августа намѣчаетъ прочное урегулированіе армянской церкви и русскаго правительства.

Много оживленія замѣтно вокругъ вновь открываемыхъ армянскихъ школъ. Кромѣ открытія церковно-приходскихъ школъ, намѣстникъ издалъ раньше еще указъ о преподаваніи на родномъ языкѣ. Всего школъ было закрыто 500, съ 30 тысячами учащихся и 900 учащихся. Армянскій учитель 10 лѣтъ служилъ приказчикомъ, бухгалтеромъ и т. п., теперь онъ вернулся и волнуется на съѣздахъ учителей. Школы имѣютъ нынѣ широкія программы и свободны въ выборѣ преподавателей отъ вмѣшательства правительства. Въ выборѣ типа программъ школъ намѣчаются два направленія: одно склонно къ

такой системѣ, чтобы программа каждой высшей являлась бы продолженіемъ низшей, другое стоитъ за самостоятельныя программы каждаго типа школъ. Для разработки вопросовъ, связанныхъ съ школьнымъ дѣломъ, католикосомъ всѣхъ армянъ назначена комиссія, собравшая въ Тифлисѣ представителей провинціальныхъ учителей, которые избрали отъ себя комиссію для окончательной выработки программъ и статутовъ школъ. Кромѣ того имѣлъ мѣсто съѣздъ въ Александрополѣ, поставившій вопросъ объ объединеніи учителей на почвѣ нравственной и матеріальной взаимопомощи. На съѣздахъ признано желательнымъ учрежденіе центральной высшей комиссіи для опредѣленія въ учителя и епархіальныхъ комиссій, въ которыя должны входить выборные какъ отъ учителей, такъ и отъ народа; школа должна быть демократична, предлагается, чтобы учительскій и попечительскій совѣтъ совместно руководили школой и даже приглашали учителей; власть инспектора должна быть ограничена, хотя не настолько, чтобы навязывать ему нежелательныхъ ему учителей. Подняты вопросы о слабой подготовкѣ учителей, недостаткѣ общаго его образованія и скудости его жалованья въ 300-400 руб. Дѣло открытія школъ въ силу формальностей замедлилось.

Подняли голову и армянскія благотворительныя общества, уставъ которыхъ при Голицынѣ былъ урѣзанъ; благотворительная дѣятельность обществъ нынѣ должна быть расширена безъ ограниченій, со включеніемъ просвѣтительной дѣятельности, и необходимо возстановленіе прерванной связи съ провинціальными отдѣленіями. Печать призываетъ сверхъ того къ организациі новыхъ провинціальныхъ отдѣленій.

Воспрянула духомъ забитая армянская пресса: возродился „Норъ-Даръ“, появился „Аршалуйсъ“, газета, богатая свѣдѣніями и чуждая партійной узости; народился и былъ сочувственно привѣтствованъ дѣтскій журналъ „Аскеръ“, съ жизнерадостной программой; къ сожалѣнію, прессѣ, вмѣсто интересныхъ вопросовъ культурной, общественной и хозяйственной жизни, приходится все заниматься армяно-татарскими столкновеніями. И какому армянскому газетному читателю на умъ пойдетъ интересоваться иными вопросами?

Въ послѣднее время въ армянскомъ обществѣ поднятъ вопросъ о созывѣ общаго армянскаго съѣзда въ цѣляхъ выясненія общаго положенія армянъ и пріисканія средствъ для упроченія нормальныхъ условій жизни; на этотъ призывъ сочувственно откликнулся изъ турецкой Арменіи извѣстный дѣятель Ар-

пярнянъ. Въ связи съ конгрессомъ, въ „Аршалуйсѣ“ А. Арасханянцемъ поставленъ вопросъ о необходимости яснаго и жизненнаго опредѣленія національнаго чувства и необходимой его связи съ естественнымъ субстратомъ—землей. Пресса, въ общемъ, къ мысли этой отнеслась сочувственно, высказавъ лишь опасенія о недостаточной подготовленности къ конгрессу и несвоевременности его. По существу, возраженіе представлено В. Вартачанцемъ въ „Нов. Обозр.“—возраженіе по марксистскому трафарету. Укажемъ этому марксисту, что онъ самъ призналъ необходимость съѣзда, констатировавъ наличность общеармянскихъ культурно-національныхъ задачъ, и посему не можемъ не удивиться на его неумѣстное сопоставленіе „панармянизма“ съ панисламизмомъ, понятіемъ нежизненнымъ и искусственнымъ. Нелѣпо требовать отъ армянъ, чтобъ они отказались отъ культурно-національныхъ задачъ изъ-за того, что это не нравится Агаеву. Агаеву нужно разъяснить, что съ культурными успѣхами слѣдуетъ бороться культурой, а съ хулиганами въ просвѣщенныхъ государствахъ поступаютъ по всей строгости законовъ.

Мы писали нашъ обзоръ въ моментъ обнаруженія манифеста 17-го октября. Пока еще его элементы не вошли въ жизнь, иначе говоря, бюрократія не смѣнена; и мы полагаемъ, что въ ближайшемъ будущемъ порядки мало измѣнятся, такъ какъ фактическаго измѣненія строя не произошло. Но все даетъ право надѣяться, что подъ напоромъ жизни это измѣненіе произойдетъ, и оно несомнѣнно принесетъ радикальное уврачеваніе сграданій армянскаго народа, повѣсть о которыхъ мы заканчиваемъ этой надеждой.

Г. Х.

Кавказская хроника.

Грандіозныя стачки.—Манифестъ 17-го октября.—Свобода собраній и избирательный цензъ.—Вопросъ объ автономіи окраинъ.—Земскія совѣщанья и печать объ общеземскомъ кавказскомъ съѣздѣ.—Вопросъ объ автокефалии грузинской церкви.—Примѣръ армянской церкви.—Новыя изданія.

Истекшій мѣсяцъ по всей Россіи прошелъ очень бурно и, вѣроятно, будетъ занесенъ на страницы всемірной исторіи. Освободительное движеніе, достигнувъ въ этомъ мѣсяцѣ апогея своего развитія, вызвало коренное измѣненіе въ госуд. строѣ Россіи.

Учрежденіе госуд. думы въ августѣ давало надежду на близкое осуществленіе свободы собраній и свободы печати. Безъ этихъ свободъ по общему признанію, не представлялось возможнымъ серьезно отнестись къ предстоящимъ выборамъ въ государственную думу.

Между тѣмъ, по проекту особаго совѣщанія подъ предс. гр. Сольскаго, предполагалось даровать право собираться только избирателямъ, т. е. небольшому кругу цензовыхъ счастливицевъ, и обсуждать только вопросы, связанные съ выборами въ госуд. думу. Печати было предположено даровать свободу обсуждения тѣхъ же вопросовъ и притомъ только въ предвыборный періодъ.

Жизнь однако показала, какъ невыносимы всѣ эти ограниченія. Въ теченіе первой половины окт. происходили недозволенные сборища гдѣ только была возможность. Собирались въ университетскихъ городахъ—въ аудиторіяхъ, несмотря на воспрещеніе постороннимъ входа туда, на площадяхъ въ Москвѣ и Петербургѣ, на похоронахъ кн. С. Н. Трубецкаго въ Москвѣ, а накануне при проводахъ его тѣла на вокзалъ, въ Петербургѣ. Еще до того, у насъ на Кавказѣ, мѣстомъ сборища лицъ всякаго званья, преимущественно рабочаго класса, служили происходившія здѣсь земскія совѣщанья, иногда городскія думы (какъ наприм. въ Тифлисѣ, въ злополучный вечеръ 29-го ав-

густа и въ предшествовавшіе дни). Чувствовалась вездѣ потребность собраться и обсудить назрѣвшіе вопросы. Такая потребность болѣе всего чувствовалась рабочимъ классомъ, который по закону 6-го августа былъ лишенъ голоса въ госуд. думѣ. Вслѣдъ за этими собраніями разразились стачки, преимущественно среди желѣзнодорожныхъ рабочихъ, причемъ прекратилось желѣзнодорожное сообщеніе почти на всемъ обширномъ пространствѣ Россіи.

Стачки однако этимъ не ограничились; забастовали не только магазины и общественныя учрежденія, забастовали даже нѣкоторыя казенныя учрежденія, аптеки, телефонъ, служащіе на водопроводахъ, трамваяхъ, газопроводахъ и при элетрическомъ освѣщеніи. И это тянулось 10—15 дней во всѣхъ углахъ Россіи, даже на такихъ далекихъ окраинахъ, какъ Сибирь, Средняя Азія, Кавказъ.

По общему характеру своему движеніе это напоминало чартистское движеніе въ Англіи въ 30-хъ и 40-хъ годахъ прошлаго столѣтія. Чартизмъ виражался въ требованіи всеобщаго, равнаго, прямого и тайнаго голосованія. Такимъ путемъ имѣлось въ виду провести въ парламентъ представителей бѣдныхъ классовъ народа и добиться коренныхъ экономическихъ реформъ. Движеніе это имѣло результатомъ введеніе подоходнаго налога, отмѣну хлѣбныхъ пошлинъ и введеніе фабричнаго закона, установившаго 10-часовой рабочей день для женщинъ и дѣтей. Чартизмъ, съ наступленіемъ въ Европѣ реакціи, заглохъ, но все же оставилъ глубокий слѣдъ въ памяти рабочаго класса. Расширеніе избирательныхъ правъ и тредъ-унионизмъ въ 60-хъ и 80-хъ годахъ явились какъ результатъ чартистскаго движенія.

Движеніе это было мирное, народъ прибѣгалъ къ митингамъ, петиціямъ и иногда къ стачкамъ. Послѣднія тогда не имѣли, конечно, того широкаго развитія, какъ теперь. Вообще теперь въ Россіи стачки получили развитіе, какого онѣ ранѣе никогда и нигдѣ не имѣли. Онѣ преслѣдуютъ съ одной стороны экономическія цѣли, добиваясь улучшенія условій труда для массъ, а съ другой—политическія цѣли. Стачки имѣютъ въ виду популяризировать въ народѣ идеи социаль-демократіи и требованія рабочаго класса и вмѣстѣ съ тѣмъ праизвести давленіе на правящіе классы.

Правительство подъ давленіемъ этихъ грандіозныхъ забастовокъ, остановившихъ жизнь обширнѣйшаго государства, вынуждено было издать рядъ актовъ, имѣющихъ цѣлью успокоить страну.

Вслѣдъ за изданіемъ 12-го октября закона о свободѣ собраний, правда, очень ограниченной и все еще проникнутой бюрократизмомъ, послѣдовалъ 17 октября Высочайшій манифестъ, которымъ возложено на правительство выполнить слѣдующую „непреклонную“ волю Государя: 1) „даровать населенію незыблیمыя основы гражданской свободы на началахъ дѣйствительной неприкосновенности личности, свободу совѣсти, слова, собраний и союзовъ“; 2) привлечь къ участію въ думѣ „тѣ классы населенія, которые нынѣ совсѣмъ лишены избирательныхъ правъ“; и 3) „установить, какъ незыблемое правило, чтобы никакой законъ не могъ воспріять силу безъ одобренія государственной думы и чтобы выборнымъ отъ народа обезпечена была возможность дѣйствительнаго участія въ надзорѣ за закономѣрностью дѣйствій властей“

Послѣдовавшій одновременно съ этимъ Высочайше утвержденный докладъ ст.-секр. Витте намѣчаетъ еще слѣдующія реформы: свободу печати и преобразование госуд. совѣта введеніемъ въ немъ выборнаго начала.

Однако этотъ рядъ крупныхъ реформъ, уравнивающихъ Россію въ отношеніи политической свободы съ передовыми странами западной Европы, требуютъ еще изданія ряда соответствующихъ законовъ. А на это потребуется немало времени. Въ виду этого невольно напрашивается вопросъ: успѣетъ ли правительство издать всѣ эти законы, детально опредѣляющія новыя права, до созыва первой сессіи госуд. думы. Въ вышеупомянутомъ Высочайшемъ манифестѣ между прочимъ упоминается, что будетъ предоставлено „дальнѣйшее развитіе начала общаго избирательнаго права вновь установленному законодательному порядку“. Поэтому нужно думать, что измѣненіе установленной закономъ 6-го августа системы выборовъ въ госуд. думу по имущественному цензу будетъ предоставлено самой госуд. думѣ, „не останавливая предназначенныхъ выборовъ въ думу“, какъ сказано въ манифестѣ. А до того цензъ этотъ будетъ только значительно пониженъ. Кроме того, будетъ создано особенное представительство въ госуд. думѣ отъ рабочихъ.

Въ виду того, что имущественный цензъ все же, хотя и временно, сохраненъ,—нельзя не обратить вниманія на тотъ цензъ для Кавказа, который былъ проектированъ еще до изданія манифеста.

Въ прошломъ № нами были приведены правила, проектированныя для Кавказа министромъ внутр. дѣлъ. По этимъ правиламъ, въ закавказныхъ сѣздахъ землевладѣльцевъ непо-

средственно участвуют уплачивающіе не менѣе 50 руб. земскихъ сборовъ за землю въ годъ; черезъ уполномоченныхъ—не менѣе 5 р. По проекту же кавк. администраціи, вмѣсто 50 руб. опредѣлено 30 р., вмѣсто 5 р.—3 р. Кромѣ того, по этому послѣднему проекту былъ значительно пониженъ и квартирный налогъ. Къ выборамъ допускаются всѣ, кто платитъ за квартиру свыше 450 р. въ годъ (т. е. начиная съ 4-го разряда).

Норма квартирнаго ценза понижена по проекту, на Кавказѣ, по слѣдующимъ соображеніямъ: „Это дастъ возможность, говорится въ проектѣ, привлечь къ участию въ выборахъ *русскій служилый людъ*, какъ элементъ наиболѣе интеллигентный и вмѣстѣ съ тѣмъ нравственно и политически благонадежный, и вообще болѣе культурную часть мѣстнаго населенія“. Мотивы эти представляются вопіющимъ анахронизмомъ. Госуд. дума должна представлять собой народъ и общество. Она потому и учреждается, чтобы власть слышала голосъ народа, а не служилаго класса. Послѣдній и безъ того имѣетъ возможность доводить свой голосъ до высшаго правительства. Выдѣлять на Кавказѣ чиновничество, какъ элементъ „наиболѣе интеллигентный и вмѣстѣ съ тѣмъ нравственно и политически благонадежный“ довольно странно, потому что давно прошли тѣ времена, когда на Кавказѣ всякій образованный человѣкъ могъ кормиться лишь на казенныхъ харчахъ. Вотъ уже 30—40 лѣтъ, какъ у насъ выросъ классъ людей свободныхъ профессій—докторовъ, адвокатовъ, инженеровъ, учителей; торгово-промышленный классъ почти на половину уже состоитъ изъ интеллигенціи. Ряды интеллигенціи съ каждымъ днемъ растутъ даже въ рабочей средѣ. Точно также въ нравственномъ отношеніи служилый классъ не можетъ имѣть никакихъ преимуществъ передъ прочимъ населеніемъ. Что же касается политической благонадежности, то при всѣхъ крайностяхъ нынѣшняго освободительнаго движенія, въ немъ менѣе всего замѣчается сепаратистическихъ и анархистическихъ стремленій. Самыя радикальныя программы, рѣдко выходятъ за рамки социаль-демократическихъ требованій, терпимыхъ даже въ такихъ консервативныхъ по госуд. строю странахъ, какъ наприм. Германія.

Изъ всѣхъ приведенныхъ выше мотивовъ въ пользу пониженія квартирнаго ценза мы признаемъ основательнымъ лишь указаніе на желательность привлеченія къ выборамъ болѣе культурной части населенія. Но еще желательнѣе было бы въ тѣхъ же цѣляхъ совершенное упраздненіе имущественнаго ценза и установленіе всеобщаго избирательнаго права, которое уже имѣ-

етъ мѣсто въ Германіи, Франціи и во многихъ другихъ государствахъ и которое обѣщано Россіи манифестомъ 17-го октября наст. года.

Для окраинъ, въ томъ числѣ и для Кавказа, съ вопросомъ о госуд. думѣ невольно связывается вопросъ о возможно широкой децентрализаціи. Этотъ вопросъ былъ виднута даже на сентябрьскомъ съѣздѣ земскихъ и городскихъ дѣятелей въ Москвѣ, гдѣ значительное большинство принадлежало къ коренному населенію Россіи, къ внутреннимъ губерніямъ. Послѣ нѣкоторыхъ преній, было выяснено, что стремленіе окраинъ къ широкому самоуправленію не заключаетъ въ себѣ никакихъ сепаратистическихъ стремленій, что госуд. думѣ будетъ трудно разрѣшить чисто мѣстные вопросы и что именно въ интересахъ цѣлости и крѣпости имперіи желательно дарованіе децентрализаціи.

Какое именно самоуправленіе намъ нужно, кромѣ городского и губернскаго и уѣзднаго земскаго—отчасти выяснилось на происходившихъ въ сентябрѣ земскихъ совѣщаніяхъ въ Закавказьѣ. Но вопросъ окончательно не былъ выясненъ и согласованности между постановленіями разныхъ совѣщаній не оказывается. Между тѣмъ этотъ щекотливый для мѣстныхъ народностей вопросъ можетъ быть успѣшно рѣшенъ только при ихъ взаимномъ соглашеніи.

Даже не во всѣхъ совѣщаніяхъ обсуждался этотъ вопросъ, т. е. о томъ, нужно ли помимо губернскихъ и уѣздныхъ земскихъ собраній, еще областное земское собраніе, а если нужно, то сколько, съ какими районами и съ какими функціями.

Самыми незначительными въ этомъ отношеніи проектами оказались проекты дагестанской обл., бакинской и елисаветп. губ. и закат. округа *), т. е. района преимущественно или наполовину съ мусульманскимъ населеніемъ.

Въ дагестанской обл. не всѣ округа высказались даже за то ограниченное въ своихъ правахъ земство, которое существуетъ въ другихъ губерніяхъ Россіи. Одни ссылались на то, что не успѣли ознакомиться съ сущностью земскихъ учреждений, другіе—на то, что населеніе почти поголовно безграмотное и что на мѣстѣ нѣтъ лицъ, подготовленныхъ къ земской дѣятельности, а третьи, наконецъ, побоялись, что введеніе земскаго самоуправления вызоветъ обремененіе населенія налогами.

Въ дагест. обл. совѣщаніи предсѣдательствующій А. Н.

*) Объ эрив. губ. у насъ, къ сожалѣнію, свѣдѣній нѣтъ.

Поповъ основательно разобралъ всѣ эти доводы и склонилъ совѣщаніе высказаться въ пользу немедленнаго введенія земскаго положенія 1864 г., съ нѣкоторыми измѣненіями и дополненіями *). Эти измѣненія и дополненія однако далѣе уѣзднаго и губернскаго земства не ушли. Рѣчь повидимому вовсе не заводилась объ учрежденіи въ Закавказьѣ высшаго земскаго органа.

Бакинское губернское совѣщаніе оказалось чуть-чуть смѣлѣе. Оно предложило учредить при намѣстникѣ особый совѣтъ, при участіи лицъ, выбранныхъ губернскими земскими собраніями. Но компетенція этого проектируемаго совѣта ограничивается разсмотрѣніемъ и рѣшеніемъ лишь тѣхъ земскихъ дѣлъ Кавказа, рѣшеніе которыхъ, согласно положенію 1864 г., возложено на сенатъ. Мотивировано это постановленіе тѣмъ, что сенатъ, крайне обремененный массой дѣлъ, будетъ невольно запаздывать со своими постановленіями въ ущербъ земскому хозяйству **).

Но не такъ же ли будутъ запаздывать и государственная дума съ государственнымъ совѣтомъ. И это не потому только, что они обременены дѣлами, но и потому что мало свѣдуши въ мѣстныхъ особенностяхъ нашего края. Поэтому, еслибы бакинское губернское совѣщаніе было послѣдовательно въ своихъ сужденіяхъ, оно бы возложило на будущій общекавказскій земскій совѣтъ не только дѣла, принадлежащіи компетенціи сената, т. е. дѣла по пререканіямъ съ администраціей, по разъясненію существующихъ законовъ и по примѣненію послѣднихъ къ отдѣльнымъ случаямъ, но и функции законодательнаго органа по мѣстнымъ дѣламъ.

Въ тифлисской и кутаисской губ., въ земскихъ совѣщаніяхъ, проектировано учрежденіе общекавказскаго земскаго собранія, но не для разрѣшенія пререканій съ администраціей (функции сената), а для составленія заключенія по мѣстнымъ законопроектамъ. Губернскимъ земскимъ собраніямъ, по этимъ проектамъ, предоставляется по своему усмотрѣнію созывать выборныхъ представителей губернскихъ земствъ для возбужденія и разработки вопросовъ, имѣющихъ получить законодательное разрѣшеніе въ высшихъ центральныхъ учрежденіяхъ въ Петербургѣ. Впрочемъ не во всѣхъ уѣздныхъ совѣщаніяхъ подымался этотъ вопросъ; нѣкоторыя уѣздныя совѣщанія и тифлис-

*) См. „Каспій“ №№ 186, 188 и 189.

**) Ibid. №№ 189 и 190.

ское губернское совѣщаніе еще не состоялись въ то время, когда эта статья писалась. А въ нѣкоторыхъ уѣздныхъ совѣщаніяхъ (наприм., въ зугдидскомъ уѣздѣ) многіе изъ присутствовавшихъ склонялись въ пользу учрежденія не общекавказскаго земскаго съѣзда, а порайонныхъ съѣздовъ въ мѣстностяхъ имѣющихъ однородное населеніе; такъ напр. въ пользу учрежденія одного съѣзда для всѣхъ бывшихъ грузинскихъ провинцій (тифл. и кут. губ., батумская обл. и сухумскій окр.).

Этому послѣднему проекту сочувствуетъ также почти вся грузинская печать („Цн.-пурц.“, „Иверія“, „Моамбе“); но за общекавказскій съѣздъ высказываются нѣкоторые грузинск. общественные дѣятели (кутаисской губерніи) и армянская печать. Общій областной земскій съѣздъ проектируется и сибирскими учеными обществами. Упоминаемъ о сибирскомъ проектѣ, потому что онъ былъ принятъ за образецъ многими земскими совѣщаніями тифлисской и кутаисской губ. И въ Сибири—такъ же много разныхъ народностей и такъ же эта окраина отдалена отъ центра, какъ и Кавказъ. И въ Сибири, какъ у насъ, преобладаетъ демократическое движеніе въ пользу всесословности и всенародности земства и широкой децентралици. Это вызывается, конечно, не сепаратистическими стремленіями, какъ можетъ показаться поверхностному наблюдателю, а крайней разнообразностью, своеобразностью и отдаленностью отъ центра какъ Кавказа, такъ и Сибири.

Большинство грузинской печати, какъ выше сказано, высказывается за національное начало. По мнѣнію этой печати, слѣдовало бы объединить всѣ мѣстности, когда то входившія въ составъ грузинскихъ провинцій—тифлисская и кутаисская губ., батумская обл., сухумскій и закатальскій округа. Болѣе умѣренные представители этого взгляда дѣлаютъ однако слѣдующую вполне умѣстную, по нашему мнѣнію, оговорку. Такое объединеніе, по этому мнѣнію, должно основываться не на исторіи, а на національной однородности населенія (г. Калами, сотрудникъ „Цн. Пурц.“). Закатальскій окр. и борчалинскій уѣздъ, наприм., когда-то входили въ предѣлы Грузіи, но въ настоящее время заселены преимущественно народностями, неимѣющими ничего общаго съ грузинами, и слѣдовательно эти мѣстности не могли бы составить естественную принадлежность одной и той же административной единицы.

Къ этимъ мѣстностямъ, неподходящимъ по составу населенія къ грузинскимъ мѣстностямъ, мы могли бы отнести также ахалкалакскій уѣздъ, почти весь населенный армянами, часть

ахалцхскаго уѣзда и сѣверный районъ сухумскаго округа. Всѣ перечисленныя мѣстности, къ тому же, лежатъ не внутри грузинскаго района (тифлисской и кут. губ., батумской обл. и сухумскаго окр.), а на окраинахъ этого района. Слѣдовательно, выдѣленіе названныхъ мѣстностей изъ грузинскаго района не представится никакихъ естественныхъ препятствій. Такимъ образомъ созданъ бы административный районъ почти съ сплошнымъ грузинскимъ населеніемъ. Лишь городъ Тифлисъ потерпѣлъ бы нѣкоторый ущербъ, превратившись изъ центра всего Кавказа лишь въ центръ небольшой сравнительно области.

Образовать армянскій районъ было бы труднѣе, такъ какъ армяне болѣе разсѣяны по краю, чѣмъ грузины или татары. Но все же есть возможность образовать и такой районъ. Въ него могли бы входить весь обширный александропольскій уѣздъ изъ эриванской губ. и ахалкалакскій уѣздъ тифлисской губ., гдѣ мы находимъ сплошное армянское населеніе. Къ этимъ уѣздамъ слѣдовало бы присоединить смежныя мѣстности съ преобладающимъ армянскимъ элементомъ: части борчалинскаго, тифлискаго, ахалцхскаго уѣздовъ тифл. губ., новобаязетскаго, эчмиадзинскаго и нѣкоторыхъ другихъ уѣздовъ эриванской губ., казахскаго уѣзда елисаветп. губ. и пр.

Бакинская губ. съ прелегающими частями елисаветп. губ. могли бы образовать татарскій районъ. Дагестанская обл. съ закавказскимъ округомъ — тоже особый горскій районъ.

Въ подробности такого административнаго дѣленія по народностямъ здѣсь мы не входимъ. Вопросъ этотъ слѣдовало бы разработать выборнымъ представителямъ всѣхъ мѣстныхъ народностей. Представителямъ этимъ слѣдовало бы войти во взаимное соглашеніе и возбудить передъ будущею государственной думой ходатайство о новомъ дѣленіи нашего края на болѣе правильныя, съ точки зрѣнія этнографической цѣльности, административныя единицы. Это, конечно, сдѣлать трудно, чтобъ обезпечить въ будущемъ мирное сожителство разнообразныхъ кавказскихъ народностей и чтобы предотвратить въ будущемъ междуусобицы и вѣчныя раздоры. Во всякомъ случаѣ это слѣдовало бы сдѣлать самимъ кавказскимъ народностямъ, а не возлагать надежду на внѣшнюю силу. Никакіе нейтральные элементы не приведутъ насъ къ взаимному соглашенію, если мы сами не отыщемъ для себя сносное *modus vivendi*.

Наиболѣе споровъ возбуждають, вѣроятно, города Тифлисъ и Баку, такъ какъ они теперь являются центрами не отдѣльныхъ

районовъ, а всего края, одинъ — умственнымъ и административнымъ, другой — промышленнымъ.

Чтобъ облегчить задачу, слѣдовало бы избѣгать строго придерживатся историческихъ правъ, такъ какъ это завело бы въ непроходимыя дебри отдаленнаго прошлаго. Очень было бы трудно рѣшить, кто на Кавказѣ наиболѣе древніе обитатели: грузины, армяне или какая-нибудь иная народность нынѣ мусульманскаго исповѣданія. Необходимо прежде всего принять въ основаніе требованія реальной жизни, современное положеніе края, данный этнографическій его составъ, а не прошлый или будущій, желательный для той или другой народности.

Легче разрѣшить вопросъ объ общеземскомъ съѣздѣ, если въ основаніе его принять не національное единство, а ту же *территориальность*, которая принята въ земскихъ учрежденіяхъ. Территориальный характеръ имѣетъ областное земство и въ сибирскомъ проектѣ, и въ проектѣ кутаисскаго губернскаго совѣщанія, и въ проектахъ большей части тифлисскихъ уѣздныхъ совѣщаній. По этимъ проектамъ, по мѣрѣ надобности, созываются выборные представители *всѣхъ закавказскихъ* губернскихъ и областныхъ земствъ, *не дѣля ихъ по районамъ смотря по національному составу населенія*. На этомъ повидимому остановится и будущее тифлисское губернское совѣщаніе, и большинство уже выборныхъ представителей закавказскихъ губернскихъ, областныхъ, окружныхъ и уѣздныхъ земскихъ совѣщаній, которые примутъ участіе въ засѣданіяхъ совѣта намѣстника по вопросу о введеніи земскихъ учреждений въ нашемъ краѣ. И это, пожалуй, примиритъ между собой разнообразныя элементы нашего края.

Вопросы вѣры однако у насъ играютъ немалую роль. Въ первомъ нашемъ обзорѣ (см. „Кавк. хрон.“ въ № 1 „Кавк. Вѣстн.“), мы уже указали на то важное значеніе для армянъ, какое имѣлъ недавно изданный законъ о возвращеніи армянской церкви ея имущества и школъ. Въ настоящее время не можемъ не отмѣтить движенія, замѣчаемаго среди грузинскаго духовенства въ пользу автокефаліи грузинской церкви.

11-го октября представлялась намѣстнику кавказскому, гр. И. И. Воронцову-Дашкову, депутація изъ губернскихъ предводителей дворянства тифл. и кут. губ., тифл. и кут. городскихъ головъ и нѣкоторыхъ представителей грузинскаго общества, причемъ депутаціей была подана слѣдующая петиція:

„Шестнадцать вѣковъ поклоняется иверскій народъ святому Кресту Господню. Много тяжкихъ испытаній и и бѣдствій перенесъ онъ за вѣру въ своемъ историческомъ прошломъ. Въ теченіе цѣлыхъ столѣтій стоналъ онъ подъ жесточайшимъ игомъ восточныхъ завоевателей. Но Церковь иверская была духъ ея, сильна крѣпость ея, зиждившаяся на единеніи пастырей съ пасомыми, славенъ путь, обогрѣнный кровью мучениковъ, по которому она мощно вела грузинскій народъ, утѣшая, ободряя и направляя его къ высокимъ цѣлямъ и идеаламъ христіанской общественной и государственной жизни. Но прошли послѣднія сто лѣтъ управления грузинскою Церковью экзархами и что же мы видимъ?! Вѣра убита въ грузинскомъ народѣ; религіозный индиферентизмъ охватилъ все слои населенія, проникнувъ въ самыя нѣдра народныхъ массъ; церкви пустыютъ даже въ большіе праздники; онѣ почти ежедневно подвергаются святотатственному ограбленію, неслыханному въ прежніе вѣка; прихожане отказываются платить своимъ пастырямъ за совершеніе церковныхъ требъ, а мѣстами вовсе отрицаютъ необходимость ихъ; грузинское духовенство обѣихъ губерній—тифлисской и кутаисской—поставленное въ безвыходное положеніе, заявляетъ экзарху Грузіи письменно и черезъ депутатовъ, что оно обречено на голодную смерть и что если правительство не обезпечитъ ему безбѣднаго существованія оно вынуждено будетъ отказаться отъ пастырскаго служенія, вернуться къ свѣтскому состоянію, и добывать средства къ существованію мірскими занятіями. Словомъ, грузинская православная церковь нынѣ испытываетъ состояніе агоніи, и это въ то время, когда у другихъ кавказскихъ народовъ и вѣра стоитъ твердо, и духовенство пользуется достоюлжнымъ почтеніемъ и вліяніемъ. Въ чемъ же причина такого страшнаго паденія грузинской православной Церкви? Въ чемъ причина исчезновенія вѣры у грузинъ, тѣхъ грузинъ, о которыхъ знаменитый византійскій историкъ Прокофій Кессарійскій говоритъ: „Иверы лучше всѣхъ извѣстныхъ народовъ хранятъ уставы христіанскаго вѣроисповѣданія“. Причина въ томъ, что у нея отнято все то, чѣмъ она была жива и чѣмъ живы нынѣ церкви другихъ кавказскихъ народностей перерѣзанъ жизненный нервъ; прервана связь между нею и главою ея связь, основанная на единствѣ происхожденія, языка, преданій и духовномъ сродствѣ, отнято у нея самоуправленіе, упразднено выборное начало, лежавшее въ основѣ ея организациі. Нынѣ у грузинской церкви, съ упраздненіемъ ея канонической автокефаліи, нѣтъ главы, онъ для нея чуждъ; чужды для нея и пастыри, воспитанные въ антинародномъ духѣ лишенные дара слова на родномъ языкѣ и представляющіе въ глазахъ народа чиновниковъ духовнаго вѣдомства. Въ такихъ условіяхъ церковь должна была пасть, и она пала. Чтобы спасти грузинскую православную церковь, необходимо вдохнуть въ нее жизнь, дать ей прежнее каноническое устройство во всей его полнотѣ, возвратитъ ей выборнаго католикоса со всеми его правами и обязанностями. Другого пути нѣтъ. Этотъ актъ, устраняя столѣтнюю несправедливость, въ то же время будетъ содѣйствовать укрѣпленію политическаго единства Грузіи съ Россією, такъ какъ это единеніе ничѣмъ не ослабляется такъ сильно, какъ лишеніемъ грузинскаго народа важнаго права, которымъ во всей полнотѣ пользуются сосѣдніе народы, входящіе въ составъ Россійской имперіи. Ваше сіятельство, не предполагаемая автономная кавказская Церковь съ кавказскимъ митрополитомъ во главѣ удовлетворитъ грузинскій народъ, встрѣтившій вѣсть

о ней съ сокрушеннымъ сердцемъ и усмотрѣвшій въ этомъ проектѣ стремленіе лишить грузинскую церковь послѣднихъ слѣдовъ ея славнаго многовѣковаго существованія, а единственно возстановленіе въ Грузіи католикоса во всей его первоначальной чистотѣ, и потому мы, собравшіеся здѣсь изъ разныхъ частей Грузіи члены грузинской церкви, усердно просимъ ваше сіятельство оказать вашу мощную поддержку ходатайствамъ, возбужденнымъ духовенствомъ обѣихъ грузинскихъ губерній предъ Его Императорскимъ Величествомъ и предъ Правительствующимъ Синодомъ о возстановленіи автокефаліи Иверской церкви съ выборнымъ католикосомъ во главѣ, согласно каноническимъ правиламъ православной греко-восточной церкви. Мы твердо уповаемъ, что ваше авторитетное и справедливое заступничество будетъ уважено Государемъ Императоромъ и грузинской церкви будетъ возвращена автокефалія, подобно тому, какъ единственно по вашему ходатайству армянской автокефальной церкви возвращены нынѣ церковныя имущества вмѣстѣ съ національными церковно-приходскими школами. Возрожденіе грузинской церкви на ряду съ другими реформами, съ нетерпѣніемъ ожидаемыми всемъ населеніемъ, поведетъ къ тому умиротворенію края, которое, какъ вы изволили указать въ своемъ обращеніи къ населенію при вступленіи въ управленіе Намѣстничествомъ, составляетъ одну изъ главнѣйшихъ задачъ, возложенныхъ на васъ Государемъ императоромъ“.

Послѣ прочтенія петиціи Намѣстникъ указалъ на то, что вопросъ этотъ находится внѣ предѣловъ его компетенціи, къ тому же грузины вмѣстѣ съ русскими исповѣдуютъ православную вѣру и имѣютъ одну православную церковь, и что онъ поэтому не видитъ, какая польза получится отъ выдѣленія грузинской церкви изъ общерусской; что касается вопроса объ автокефаліи, то, какъ извѣстно, въ Грузіи были два католикоса—имеретинскій и карталино-кахетинскій, значить единаго главы церкви не было; вопросъ о реформахъ мѣстнаго церковнаго управленія стоитъ на очереди и онъ получить свое разрѣшеніе. На это представлявшіеся графу отвѣтили что вопросъ этотъ, быть можетъ, прямо не относится къ компетенціи его сіятельства, но его авторитетное вмѣшательство окажетъ безусловное вліяніе на благоприятный исходъ дѣла. Грузинская церковь всегда была автокефальной и предоставленіе ей автокефаліи будетъ означать только предоставленіе грузинской церкви особаго административнаго управленія, болѣе соответствующаго духу, быту и вѣрованіямъ народа, что не можетъ повредить единству православія въ Россіи. Настоящее положеніе имѣетъ характеръ механической связи, а при автокефаліи будетъ органическая связь между пастырями и пасомыми; если же проектируемая реформа будетъ касаться всего Кавказа въ смыслѣ объединенія его въ одну церковную область, то отъ этого грузинская церковь и грузинскій народъ потеряютъ еще больше, чѣмъ до сихъ поръ; имя грузинской церкви, какъ самостоятельнаго члена вселенскаго собора, совершенно будетъ вычеркнуто изъ исторіи и жизни; грузинская церковь была самостоятельнымъ членомъ вселенскихъ соборовъ, какъ самостоятельная церковь, и необходимо, чтобы она осталась таковою, что же касается до общекавказской церкви, то ея никогда не было, и теперь только приходится ее создавать.

Въ заключеніе представлявшіеся вновь просили его сіятельство поддержать ходатайство грузинскаго духовенства. („Кавк.“).

Каждая общественная организациа вправѣ самостоятельно,

свободно развиваться въ той мѣрѣ, въ какой это не будетъ мѣшать другимъ, болѣе важнымъ интересамъ. Трудно себѣ представить, чьи интересы могли бы быть нарушены фактомъ самостоятельности грузинской церкви. Не интересы иновѣрческихъ церквей и не интересы самой православной церкви. Не могутъ быть нарушены этимъ и интересы государства, въ виду того, что грузины до сихъ поръ не проявляли никакихъ сепаратистическихъ тенденцій.

До сихъ поръ въ Россіи церковь, какъ и все прочее, находилась подъ сильнѣйшимъ вліяніемъ бюрократическихъ порядковъ. Но уже наступаетъ моментъ для самостоятельнаго развитія всѣхъ живыхъ силъ государства. Не могутъ реформы не коснуться и сферы духовнаго управленія. И вотъ при общей государственной реформѣ, нужно полагать, не будетъ забыта и грузинская церковь. И она получитъ возможность свободно развивать свои силы и свободно управлять своими дѣлами.

Вполнѣ сочувствуя вышеприведенной петиціи, мы не можемъ однако не отмѣтить одной неправильной ссылки, заключающейся въ ней, а именно ссылки на армянскую церковь. Ссылка эта можетъ дать поводъ лицамъ, незнакомымъ близко съ положеніемъ армянской церкви, несоотвѣтствующее дѣйствительности понятіе объ этомъ положеніи.

По справедливому ходатайству кавказской администраціи, армянской церкви недавно дѣйствительно были возвращены имущества и школы, незаконно изъяты изъ вѣдѣнія церкви въ послѣднія нѣсколько лѣтъ. Армянская церковь автокефальна, какъ и нѣкоторыя другія иновѣрческія христіанскія церкви въ Россіи. Но армяне, какъ и другіе иновѣрцы, сравнительно съ прочими русскими подданными, ограничены въ своихъ правахъ. Армяне до сихъ поръ не утверждены въ своихъ сословныхъ правахъ; дворянское достоинство до сихъ поръ многимъ изъ нихъ не предоставлено, а это, какъ извѣстно, было сопряжено до сихъ поръ и отчасти сопряжено теперь съ ограниченіемъ правъ по государственной службѣ, образованію и изъятію отъ тѣлеснаго наказанія. Они до сихъ поръ вслѣдствіе этого не имѣютъ дворянскаго представительства и сословнаго самоуправленія въ губерніяхъ, гдѣ сосредоточено большинство ихъ—въ эриванской и елисаветпольской губерніяхъ. Вообще иновѣрцы, несмотря на возвѣщенную 17-го апрѣля наст. года вѣротерпимость, далеко еще не сравнены въ правахъ съ лицами, принадлежащими къ господствующей церкви, и положеніе первыхъ еще не можетъ быть признано завиднымъ. Поэтому и всякія ссылки на ихъ яко-

бы привилегированное положеніе, по нашему мнѣнію, представляются неумѣстными.

Съ улучшеніемъ условій существованія мѣстной печати, народились новые органы (армянская ежедневная газета „Аршалуйсъ“, русская ежедневная газета „Возрожденіе“ и татарская газета „Гаятъ“), а также возобновилось изданіе нѣкоторыхъ прежнихъ органовъ—нашего журнала и армянской газеты „Норъ-Даръ“. Съ установленіемъ общанной свободы печати, нѣтъ сомнѣній, число новыхъ изданій еще болѣе возрастетъ. Этому обстоятельству только нужно радоваться, если даже не раздѣлять взглядовъ нѣкоторыхъ новыхъ органовъ.

Впрочемъ нельзя не отмѣтить, что большинство новыхъ изданій—безусловно прогрессивнаго направленія. Но этого мало; необходимо, чтобы каждая фракція прогрессивной части общества имѣла возможность полностью проявить свое направленіе. А это возможно только при соотвѣтствующемъ числѣ изданій. До сихъ поръ при ограниченности числа органовъ печати, почти каждый изъ нихъ отводилъ свои страницы самымъ противоположнымъ взглядамъ, но, боясь вслѣдствіе этого полнаго своего обезличенія, нерѣдко прибѣгалъ къ значительнымъ урѣзкамъ въ статьяхъ. Такимъ образомъ, помимо цензурныхъ создавались еще иного рода стѣсненія. Нужно ожидать, что при предстоящей полной отмѣнѣ цензуры, у насъ народятся еще новые органы и такимъ образомъ почти каждое сколько-нибудь сильное теченіе общественной мысли найдетъ отраженіе въ печати. Нѣтъ сомнѣній, тогда наступитъ болѣе, чѣмъ теперь, взаимодѣйствіе между печатью и жизнью. Изданія потеряютъ свой нынѣшній академическій характеръ и будутъ живыми органами активной части общества и народа.

Остается пожелать, чтобы эта желанная пора наступила возможно скорѣе. Когда писались эти строки, уже замѣчались нѣкоторые признаки наступленія реакціи: антиеврейскіе погромы при участіи полиціи и войскъ, подвиги „черносотенцевъ“ во многихъ городахъ, введеніе воен. положенія въ Польшѣ и пр. Но нужно надѣяться, что прогрессивныя идеи достаточно сдѣлали успѣхъ въ Россіи, и нельзя уже ни возвращаться назадъ, ни лишиться разъ уже дарованныхъ свободъ, а въ ихъ числѣ и свободы печати.

Г. Тумановъ.

Страничка изъ исторіи русской конституціи.

Намъ доставленъ, представляющій и въ настоящій моментъ интересъ, переводъ небольшой корреспонденціи, помѣщенной въ „Times“ за 1881 г. и знакомящій насъ съ деталями историческаго засѣданія подъ предсѣдательствомъ Императора Александра III, когда обсуждалась такъ называемая конституція графа М. Т. Лорисъ-Меликова. Вотъ что пишетъ корреспондентъ англійской газеты:

„Императоръ Александръ III, вслѣдствіе настоятельнаго требованія гр. Лорисъ-Меликова, рѣшился, послѣ долгихъ колебаній, собрать 8-го марта 1881 г. комитетъ министровъ, для обсужденія предложеній графа, утвержденныхъ покойнымъ Императоромъ, о созывѣ комитета или редакціонной комиссіи, состоящихъ изъ выборныхъ представителей земледѣльцевъ, городовъ и дворянства, для обсужденія государственныхъ вопросовъ: 1) предложенія гр. Лорисъ-Меликова о созывѣ редакціонной комиссіи, на которомъ покойный Императоръ подписалъ „Согласенъ“, 2) указа Правительствующему Сенату, подписаннаго покойнымъ Императоромъ 1-го марта, въ 11 часовъ утра и 3) указа, приготовленнаго для подписи молодого Государя.

По прочтеніи этихъ документовъ, на что потребовалось болѣе часу времени, Его Величество просилъ присутствующихъ высказать свое мнѣніе относительно этихъ предложеній. Первый говорилъ Побѣдоносцевъ, человекъ преклонныхъ лѣтъ, обширнаго образованія, строгихъ религіозныхъ убѣжденій и, благодаря давнишнимъ сношеніямъ, какъ говорятъ, имѣющій большое вліяніе на молодого Императора; онъ высказалъ, что преклоняется передъ волею покойнаго Императора, но пола-

гаетъ, что осуществленіе такого предположенія должно быть отложено. По его мнѣнію, указъ, заключающій въ себѣ много новаго для народныхъ умовъ, въ смыслѣ новыхъ отношеній къ правительству, дастъ въ результатѣ не успокоеніе, а возбудитъ лишь большее волненіе. Уже не мало было броженія въ обществѣ; необходимо на первыхъ же порахъ подавить его. Нація ожидаетъ твердаго и авторитетнаго дѣйствія новаго царя—дѣйствія, способнаго возстановить внутренне—потрясенную администрацію, и не слѣдуетъ прибѣгать къ такимъ мѣрамъ, которыя уменьшаютъ авторитетъ власти, дозволяютъ обществу разсуждать о такихъ вопросахъ, о которыхъ до настоящаго времени оно не имѣло право говорить. Только духовенство, продолжалъ ораторъ, можетъ вести народъ по истинному пути. Свѣтскій школьный учитель пропитанъ нигилизмомъ, какъ всѣ лица, приходящія въ соприкосновеніе съ крестьяниномъ относительно вопросовъ, касающихся ихъ быта. Только духовенство учитъ народъ быть вѣрнымъ Богу, Царю и Отечеству. Если духовенство увидитъ, что Царь существуетъ туманными, непонятными фракціями, то перестанетъ говорить народу о Царѣ, и народъ забудетъ послѣдняго. Второй министръ Маковъ просилъ Государя воздержаться отъ обсужденія предложенія реформъ. „Не прошло недѣли, говоритъ онъ, какъ я клялся быть вѣрнымъ Государю Самодержцу; въ предложенномъ проектѣ самодержавіе повергнуто въ прахъ!“ Онъ не желаетъ этимъ набросить тѣнь на составителя проекта, но считалъ бы себя клятвопреступникомъ, принявъ участіе въ обсужденіи вопроса, клонящагося къ ограниченію самодержавной власти. Гр. Лорисъ-Меликовъ энергично возражалъ противъ такого незаслуженнаго обвиненія. Проектъ реформы одобренъ покойнымъ Императоромъ и внесенъ для дальнѣйшаго обсужденія царствующаго Государя. Оба были и остаются Самодержавцами. Проектъ не заключаетъ въ себѣ чего либо клонящагося къ ограниченію власти. Графъ, который обыкновенно бываетъ очень спокоенъ, такъ хорошо владѣетъ собою, дипломатиченъ и ловокъ въ своихъ дѣйствіяхъ на этотъ разъ, казалось, говорилъ болѣе подъ вліяніемъ сильнаго возбужденія, чѣмъ строгой логики. Его негодование было болѣе плодомъ чистыхъ побужденій сердца, чѣмъ холоднаго разсудка, когда онъ сказалъ: „я не воспитанъ въ канцеляріи; если бы я замѣтилъ въ комъ либо стремленіе къ ограниченію самодержавной власти, я убилъ бы его, а если бы не сумѣлъ этого сдѣлать, то убилъ бы себя!“ Съ большою убѣдительною и неотразимою логикой онъ продолжалъ: „всѣ во-

просы, которые положено передать на обсуждение редакционной комиссии, до сих пор не обсуждались земством и дворянством, и рѣшались въ департаментахъ“. Маковъ перебилъ гр. Лорисъ-Меликова и, въ оправданіе своего мнѣнія, указалъ на разнузданность печати, которая понимала назначеніе редакционной комиссии, какъ требованіе конституціи, и вмѣстѣ съ нигилистами, желала ниспроверженія государственнаго строя. Гр. Лорисъ-Меликовъ возразилъ противъ нападковъ на печать. Онъ заявилъ, что въ послѣднее время, благодаря печати, возникли сенаторскія ревизіи, что обнаружило расхищеніе государственныхъ имуществъ, указавъ множество злоупотребленій; печать была лучшею охранительницею законовъ и безпощадно преслѣдовала нарушителей его. Другой новый министръ Абаза, обладающій большою административной опытностью, хорошо знакомый съ нуждами имперіи, а также обладающій свѣдѣніями относительно экономическаго и политическаго положенія другихъ странъ, произнесъ блестящую рѣчь. Рядомъ историческихъ фактовъ, взятыхъ изъ послѣднихъ двухъ столѣтій, онъ доказывалъ, что покойный Императоръ продолжалъ дѣло Петра I, Екатерины II, Александра I. Исчисляя реформы покойнаго Императора, онъ замѣтилъ, что учрежденіе редакционной комиссии или комиссии подготовительной составляютъ наименьшую изъ прежнихъ реформъ. Всѣ онѣ были гораздо обширнѣе; во всѣхъ ихъ заключалось революціонное движеніе, какъ напр. освобожденіе крестьянъ, которое такъ сказать, заключало давно начатое дѣло. Министръ добавилъ: „я только что слышалъ весьма странное обвиненіе; было сказано, что настоящій проектъ расшатываетъ идею Монархіи. Я сожалею о такомъ мнѣніи, хотя оно не удивляетъ меня. Есть много людей, которые хорошо знакомы съ нашими реформами, но лишены способности понимать ихъ внутренній смыслъ. Мы подавлены бюрократизмомъ, мы вскормлены имъ, и такъ къ нему привыкли, что насъ поражаетъ всякое новое, свѣжее слово, произнесенное лицами, выбранными народомъ. Я слышалъ такое мнѣніе, что теперь не время обсуждать такіе вопросы. Когда же придетъ это время? Не знаю, но не слишкомъ ли поздно собрались мы обсуждать идею новой реформы? Если бы покойный Императоръ обнародовалъ прочтенный нами указъ 19-го февраля, то онъ прожилъ бы послѣднюю недѣлю среди ликованій, и, конечно, событія 1-го марта не существовало бы! Начать новое царствованіе провозглашеніемъ лежащаго передъ нами проекта реформы, значитъ укрѣпить идею Монархіи на многія столѣтія,

призвать на главу Государя благословеніе миллионныхъ людей, говорящихъ на многихъ языкахъ!“ Въ этомъ же духѣ высказался Несторъ русскихъ государственныхъ людей, графъ Милютинъ, личный другъ покойнаго Императора. Онъ заявилъ, что покойный Государь часто говорилъ о необходимости подобной реформы и всегда считалъ ее истинной гарантіей государства. Никогда не было рѣчи о томъ, что она потрясетъ теченіе Монархіи“. Только въ настоящее время услышалъ я такое мнѣніе и искренно сожалею о немъ. Идея власти нигдѣ не поставлена на такой высотѣ, какъ въ войскѣ; тѣмъ не менѣе я разсматривалъ предложенную реформу, какъ продолженіе той, которая подъ шапкою солдата, уравнивала двадцати пятилѣтнихъ юношей всѣхъ сословій. Я съ грустью вспоминаю, что три года тому назадъ, русская армія скованная штыками въ странѣ абсолютизма, очистила мѣсто для конституціи Болгаріи и Румыніи, а теперь мы покоряемъ текинцевъ лишь съ цѣлью замѣнить ихъ „Сердарей“ нашими доморощенными чиновниками“. Весьма опытный сановникъ, гр. Валуевъ, обратилъ вниманіе на значеніе предложенной реформы для Западной Европы. По его мнѣнію, Россія не имѣетъ права называться европейскимъ государствомъ, и недоумѣніе къ ней Европы весьма понятно. Тѣ учрежденія, безъ которыхъ Европа не можетъ существовать, для Россіи чужды. Россія не можетъ идти назадъ: она должна идти путемъ, указаннымъ для всѣхъ націй исторіей человѣчества. Но если мы стремимся водворить у себя цивилизацію Европы, то должны взять за образецъ европейскія учрежденія, а не деспотизмъ восточныхъ странъ. Говорятъ, что русская нація, русское общество не созрѣли еще для самоуправления. Я спрашиваю: стояла ли Англія, по развитію, выше Россіи, когда, 500 лѣтъ тому назадъ, она воспользовалась уже свободными учрежденіями?

За проектъ высказались: гр. Адлербергъ, гр. Лорисъ-Меликовъ, гр. Милютинъ, Абаза, гр. Валуевъ, Гирсъ, Нобоковъ, Сабуровъ и Сольскій; *противъ*: кн. Ливень, Посъеть, Побѣдосцевъ, Маковъ и гр. Строгановъ.

Императоръ, благодаря собранію, сказалъ:

„И такъ, господа, большинство высказалось въ пользу собранія избирательнаго комитета для обсужденія государственныхъ вопросовъ, и я согласенъ съ мнѣніемъ большинства и желаю, чтобы указъ о реформѣ былъ обнародованъ въ честь отца моего, которому и принадлежитъ идея реформы“. Затѣмъ Государь крѣпко пожалъ руку гр. Лорисъ-Меликову, горячо поблагодаривъ его, и, обратясь къ присутствующимъ выразилъ на

дежду, что всѣ пожертвуютъ личными интересами ради общаго блага Россіи*.

Извѣстно, что несмотря на послѣднія слова покойнаго Императора Александра III, вліяніе реакціи во главѣ съ Побѣносцевымъ восторжествовало, и Россія только чрезъ 24 года дошла до манифеста 17-го октября.

Z.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на ежедневную общественно-политическ. и литературную газету

„ВОЗРОЖДЕНІЕ“

Подписная цѣна на годъ на 1/2 года на 1/4 года на 1 мѣс.

Для городскихъ подписчик. съ до-
ставкой. 6 р. 3 р. 1 р. 50 к. 50 к.

Для иногородныхъ съ пересылк. 7 р. 3 р. 50 к. 1 р. 75 к. 60 к.

Подписка принимается въ конторѣ газеты „ВОЗРОЖДЕНІЕ“. Тифлисъ, Головинскій пр., домъ бр. Зубаловыхъ, (входъ съ Давидовской ул.). Плата за объявленія:

За строку петита впереди текста. 10 коп.

„ „ „ „ „ позади. 5 коп.

Съ января 1906 года „ВОЗРОЖДЕНІЕ“ будетъ выходить съ еженедѣльнымъ иллюстрированнымъ приложеніемъ (съ карикатурами), при чемъ оба изданія будутъ стоить 10 руб.

Редакторъ П. А. ГОТУА.

Редакторъ-издатель Кн. П. I. ТУМАНОВЪ.

ПОДПИСКА НА 1906 ГОДЪ

VI годъ изданія

„Русское Чтеніе“

ВЪ ГОДЪ
съ пересылкою:

2 р. 90 к.

Допускается
разерочка.

ЕЖЕДНЕВНАЯ
газета

съ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМЪ худож.
литер. иллюстр. журналомъ
и 4-мя ПРЕМІЯМИ.

Ред.-Изд. Полк. Дубенскій.

*Пробные нумера съ журналомъ и подроб.
объявленія БЕЗПЛАТНО.*

Подписка въ Главн. Конторѣ СПБ., Надеждинская ул., д. 19
и во веѣхъ мѣстахъ по приему подписки. М. 1—1.

Продается въ конторѣ „Кавказскаго Вѣстника“, а также въ книжныхъ магазинахъ г. Тифлиса, въ Петербургѣ въ маг. Карбасникова и Поповой, въ Одессѣ въ маг. Распопова, въ Баку въ маг. „Сотрудникъ“.

Соч. С. Уманца

Современный Бабизмъ.

(Новое религіозное ученіе въ магометанствѣ).

Цѣна 40 коп. съ перес. 50 коп.

 ПОДПИСЧИКИ „Кавк. Вѣстн.“, выписывающіе непосредственно изъ конторы журнала платятъ (съ пересылкой) всего 30 коп.

Съ 1-го Сентября 1905 г.

ВОЗВНОВИЛОСЬ

изданіе ежемѣсячнаго журнала

„КАВКАЗСКІЙ ВѢСТНИКЪ“,

подъ новой редакціей.

Цѣль журнала—отражать національную, общественную и экономическую жизнь разноплеменнаго Кавказа, выдвигать и разрабатывать вопросы мѣстной жизни, и служить объединяющимъ литературнымъ органомъ кавказскихъ народовъ. Такимъ образомъ: „Кавказскій Вѣстникъ“ будетъ органомъ для взаимнаго ознакомленія мѣстныхъ народовъ и—русскаго съ послѣдними.

Программа: Беллетристика оригинальная и переводная (преимущественно кавказская). Стихотворенія. Статьи по общественнымъ, политическимъ и экономическимъ вопросамъ, касающимся Кавказа и сосѣдняго Востока. Библиографія. Научныя статьи. Статьи по исторіи Кавказа. Обзоръ печати. *Кромь того.*

Постоянные отдѣлы: 1. „Кавказская хроника“ (ежемѣсячно), 2. „Изъ грузинской жизни литературы и печати“ (6 разъ въ годъ), 3. „Изъ армянской жизни, литературы и печати“ (6 разъ въ годъ), 4. „Изъ татарской жизни и литературы“ (3 раза въ годъ) и 5) „Восточное Обзорѣніе“ (ежемѣсячно).

Условія подписки: съ Сентября до конца 1905 г. съ пересылкой и доставкой 3 р.

Подписчики армянск. газ. „Аршалуйсь“ и ежемѣсячнаго журн. „Кавказскій Вѣстникъ“ платятъ за оба изданія вмѣстѣ за то же время 3 р. 75 к.; подписчики груз. газеты „Цнобись Пурцели“ доплачиваютъ за ж. „Кавказскій Вѣстникъ“ 1 р. 40 к. За помѣщеніе объявленій въ „К. В.“ взимается за $\frac{1}{4}$ стр.—10 р., за $\frac{1}{2}$ стр.—6 р. и за $\frac{1}{4}$ —4 р. Съ объявленій авторовъ объ ихъ произведеніяхъ дѣлается скидка въ 20%.

Подписка на журналъ а также на арм. газету „Аршалуйсь“ принимается въ Тифлисъ: въ конт. „Кавк. В.“ на Гановской ул. № 11, въ „Центр. Книжн. Торговль“, въ кн. магаз. „Гуттенберга“, Тараева, Хиддекеля и Браилко, въ Батумѣ у г. Пилояна, (контора Батумск. отд. О-ва для добыванія нефти и жидкаго топлива), въ Бану въ кн. маг. „Сотрудникъ“.

Въ конторѣ „Кавк. Вѣстника“ имѣются для продажи какъ полные комплекты, такъ и отдѣльные №№ журнала за прошедшіе годы. Цѣна каждаго № въ отдѣльности 1 р. 25 к., комплекты за 1900 г. по 13 р., за 1901 г. по 12 р. и 1902 г. по 10 р. Цѣны указаны безъ пересылки.

Редакторы: } Р. А. Іоаннисіани.
 } Г. П. Мелинь-Каракозовъ.

Издатель Г. П. Мелинь-Каракозовъ.